НЁМАН

1/2018
ЯНВАРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 325-85-25, заместителя главного редактора — 319-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 304-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

*74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.*

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Павел Яковлевич СУХОРУКОВ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Староверова*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 16.01.2018. Формат 70 ×108$^{1}/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,80. Уч.-изд. л. 16,73. Тираж 1447. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*

16 +

Галина ПАГУТЯК

Аура древнего города

Литературный дневнвик

Сегодня 22 марта 2009 года

Начинается мое путешествие в Кенигсберг. Просмотрела множество сайтов, буду смотреть еще. Каждый день, пока не приснится моя книга о Кенигсберге. Теперь год или два я буду всем рассказывать о городе-привидении, в котором, возможно, никогда не побываю.

Может, это будет мой последний роман. Я привыкла всем рассказывать о своих делах. Но хорошо знаю, что очень много остается под водой. Как в Кенигсберге. Под водой сознания. Поэтому я должна стать этим городом, а он — мной. Привет тебе, Королевская гора. И Фиалковая — тоже.

23.03.2009

Книги — это шаги судьбы. Каждая книга — один шаг. У судьбы нет «направо» или «налево», только «прямо» и «вперед». К смерти. Можно сравнить книги с детьми, но дети не определяют наше предназначение.

Что у меня есть о Калининграде-Кенигсберге? Документальный фильм-хроника о штурме города в апреле 1945 года, воспоминания последнего коменданта Кенигсберга, куча фотографий, книги Канта, Э. Т.-А. Гофмана. И гора мыслей, странных и беспомощных. Пока еще очень мало. Я люблю собирать по крохам, обилие информации угнетает сознание, поэтому историкам очень трудно дышать в ворохе сведений. Они становятся их рабами. Но постараюсь дышать свободно. Я и раньше так делала, и у меня все получалось.

Главный вопрос, который ставит передо мной мир, наполненный людьми: почему я делаю это? Почему собираюсь писать книгу на украинском языке о городе Кенигсберге? Если бы меня привлекала дешевая мистика, — но нет, мне не интересны тайны так называемого «логова оккультизма» и Янтарной комнаты. Просто, если я напишу эту книгу, сделан будет еще один шаг судьбы.

24.03.2009

Чувствую себя чужой, но не диверсантом. За последние 20 лет мне почти не приходилось писать на русском языке. Мне нечего предложить русским читателям. Мои тринадцать книг здесь будут чужие. Впрочем, здесь хватает своих писателей, буду знакомиться с ними понемногу. У себя на Родине я стою на палубе корабля, а здесь нахожусь в трюме за грузом табака, стеклянных бус и зеркалец. Где-то через неделю выйду на свежий воздух и увижу, и меня увидят. Я скажу: «Господа, я очень хочу увидеть Калининград и написать о нем то, что не дает мне покоя, что зовет меня днем и ночью. Я буду писать на своем родном языке и то, что считаю нужным». Мне ведь не нужна реклама, публикации в России. Я просто путешествую в город-мираж. Сойду на берег

в Калининградском заливе, уйду под землю, пролечу на метле. Вам не надо знать обо мне ничего.

Вчера я нашла много текстов о тевтонских рыцарях, но все затмили воспоминания человека, который провел часть детства в Кенигсберге, а часть в Калининграде. Он рассказывает о голодных немецких мальчиках, которых кормила его мать, о русских детях, которые играли среди мин и брошенных снарядов и гибли каждый день. Оставаться человеком в нечеловеческих условиях гораздо труднее, чем воевать. Как же мерзко читать листовку, написанную (или подписанную) писателем Ильей Эренбургом для советских солдат, штурмовавших Кенигсберг: «Убивайте! Убивайте! Нет такого, в чем немцы были бы невиновны, и живые, и еще не родившиеся! Следуйте указанию товарища Сталина — раздавите фашистского зверя насмерть в его логове. Сбейте роковую спесь с германских женщин. Берите их как законную добычу!» Мне трудно поверить, что такое можно написать. Вот и нас в школе учил обласканный властью Олесь Гончар: «У справедливих армій доля завжди прекрасна». Черт бы их всех побрал!

25.03.2009

Нынешний Кенигсберг — как игра в бисер. Кое-что из топонимики, решетка с рунами, найденная в Прегеле в январе 2009 года, последний абзац «Повелителя блох» Гофмана, свод подземелья, где сейчас склад, corpus mysticum Канта. Да, еще отрывок из песни «Бегущая вдаль» «Наутилус Помпилиус», там, где слова «безвыходный лес». Теперь эти бусинки можно сочетать в любых комбинациях, создавая множество, безграничное число Кенигсбергов, и каждый из них имеет право на существование. Я зафиксирую на бумаге только один. Может, из других бусин. Так можно написать о любом городе с большой глубиной прошлого. Например, о Львове. Который не разбомбили, у которого не отобрали имя, но откуда изгнали большинство горожан и из кладбищенских плит вымостили теперешнюю улицу Сахарова. Во Львове не так уж много спряталось под землей. Поэтому здесь потеряли больше.

Как советуют историки «Анналов», статистика и пейзаж помогают восстановить прошлое. Только если уметь читать между строчек. Надо учиться, если не умеешь.

26.03.2009

Туман, слякоть — природа без маски. Такой мне она нравится больше — безжалостной. Я чувствую себя ее сестрой. Снег — ужасен. Где-то в прошлой жизни я умерла в снегу. Мне нравится Кенигсберг в тумане, как нравится Львов, когда спускаешься в центр, в долину реки Полтвы, которая теперь бушует под землей. Там влажно и гораздо теплее. Когда-то, чтобы построить железную дорогу, сровняли с землей природную ограду. После этого климат резко изменился. Виноград стал мелким и кислым. От него у последующих поколений львовян на губах оскома. История скрыта в пейзаже, как говорил Фернан Бродель.

В 1946 году немцы из Кенигсберга основали колонию в Уругвае — Новый Кенигсберг. Они выбрали при помощи игры в бисер Кенигсберг времен Канта. Построили декорации, одевались соответственно, даже вели себя согласно привычкам Канта. Это служило им вроде как защитой. Однажды к ним приехал французский философ Жан-Батист Бютоль и прочитал цикл лекций о сексуальности Канта. Я тоже прочитала эти лекции в переводе. Для себя, конечно. Во Львове есть Общество Сведенборга, но нет Общества Канта. Све-

денборг и Кант — этим я займусь позже. В тексте меня поразили слова о том, что в философию Канта можно войти и не выйти. Я думаю, что так же можно войти в Кенигсберг и не вернуться. Это — собственно, то, что мне требуется. Как в прямом смысле, так и в переносном.

Магический реализм, как у Маркеса, или еще лучше, у Алехо Карпентьера. Так надо писать о Кенигсберге. Влажно и густо. Безжалостно.

Ничто не бывает случайным. Мир пронизан нитями, которые ведут от вещи к мысли, от мысли к человеку, от человека к событию. Брат моего отца служил в Германии в 50-х. Он привез оттуда гобелен фабричной работы с изображением европейского города, то ли XIX, то ли начала XX века. Он купил его в подарок молодой семье старшего брата. Это не был военный трофей. В детстве я лежала и рассматривала этот замечательный город и ждала случая, чтобы там оказаться. На площади с фонтаном, с пустой телегой для сена или перевозки громоздких вещей, пойти дальше по улице с ратушей и часами на ее башне, которые показывали восемь с половиной утра. Я очень хотела войти в один из домов, где росли на подоконниках цветы. Дверь была заперта, и я вырезала ее. Мне было тогда лет десять. Родители, кажется, поняли, что я хотела просто войти, и не ругали меня. Они тоже когда-то были творческими людьми, однако у них в душе не было столько пустоты одиночества, чтобы уйти в никуда и продолжать идти и идти.

Сейчас этот коврик висит в моей львовской квартире, и я мечтаю узнать то место, которое изображено. Я уверена, что найду его, хотя бы по старой фотографии. Вчера я подумала: а вдруг это площадь из Кенигсберга, и мое подсознательное желание сейчас реализуется в моем романе. Ведь трагедия города, у которого забрали его жителей, здания, имя, так похожа на трагедию современного человека, у которого тоже отобрали его личность, подменив ее иллюзией, фантомом. Иллюзией причастности, самореализации, выбора. Хотя выбора у нас нет, особенно у лучших из людей.

28.03.2009

Незамерзающее море решило судьбу Кенигсберга, а не «исконно славянские земли». Впрочем, об этом ныне никто уже не спорит. И причина столь громкого штурма столицы Восточной Пруссии была в том, что надо было подготовить город для переселенцев из России. То есть, очистить от коренного населения. Типичная практика ведения войны. Разрушить духовную ауру вражеского места. Освобождение Львова и штурм Кенигсберга — это две стороны одной медали. Переселенцев очень жестко проверяли на благонадежность. Был строжайший отбор. Переселенцы вели себя по-разному: нагло и скромно. И все они были жертвами идеологии или крепостной сталинской системы. Мне незачем искать воспоминания переселенцев в Кенигсберг, если здесь, во Львове, происходило то же самое. Я была в квартирах, где от бывших хозяев сохранились картины, мебель. Сюда селили не всякого. Надо было заслужить. Быть энкаведистом, офицером, крупным хозяйственником и прочее. Основной массе приходилось, как и повсюду, — тяжело. Что случилось с потомками переселенцев — это уже зависело от города, от мощности его искалеченной духовной ауры. Алкоголизм, деградация в 90-х годах. Страх. И я уверена, ни малейшего чувства стыда. Жертвой идеологии и системы быть гораздо легче. Немцам известно это чувство стыда и раскаяния.

Расхожее изречение «победителей не судят» принадлежит эпохе варварства.

29.03.2009

Мир соскальзывает вниз. Или падает? Ветки мирового дерева мертвеют, листья осыпаюся, само дерево превращаеся в столб. Я прочитала на днях рассказ немецкого писателя Бодо Узе «Святая Кунигунда в снегу», о приходе нацистов к власти. Характерным признаком унификации общества коричневой или красной, или черной чумой является уничтожение классических моральных и духовных ценностей. Прежде всего. Ну что же, это мы уже проходили. Но я в связи с этим вспомнила слова Достоевского: «Что есть ад? Страдание о том, что нельзя больше любить». Ни родину, ни язык, ни другого человека. Сейчас нет запрета, а только осмеяние и унижение страдающего. Когда-то чума пришла в Кенигсберг, и ее легко можно было определить. Где чума — там смерть. Но эта красавица сегодня улыбается с глянцевых обложек во всем мире, который соскальзывает в ад. Зло стало глобальным. И когда писатели предаются словесному разврату, Кенигсберг и Дрезден будут снова и снова гибнуть. И когда музыканты, и философы, и художники... Они не понимают, что людей надо готовить к аду заранее. Тогда кто-то, может, и спасется. Кенигсберг моей души, ты знаешь, о чем я.

30.03.2009

Разрушенные здания продолжают сохранять свой облик, линии, контуры, украшения.

Особенно это заметно весной, в призрачном золотистом свете, не окрашенном еще зеленым. Именно внешняя форма, а не гнилое нутро, наполненное жалкими тряпками никчемного существования. Геометрия — вечна. Наши представления о мире только для нашего удобства, а не для истины. Тем временем продолжается соскальзывание мира. На Кенигсберг было наложено библейское проклятие «херем». На город астрологов, математиков и философов, что самое страшное. Дабы весь мир оказался в аду. Когда в 1943 году союзники разбомбили исторический центр города, на развалинах появились люди странного вида, отчужденные, безмолвные, у которых будто бы исчезла память. Они что-то искали среди камней, металла и обгорелого дерева. Потом ушли. Они не были жителями города. Они явились неизвестно откуда. Никто, кроме них, мне кажется, не понимал, что происходит на самом деле. Но они ничего не сказали, допустив возможность того, что облик города будет разрушаться дальше, невзирая на все усилия. Потому что весь мир соскальзывает. И остановить разрушение можно лишь пережив всю глубину отчаяния от бессилия.

31.03.2009

На рабочем столе — фотография разрушенных зданий на берегу реки. Будто Венеция после глобальной войны. Опоры моста, остатки фасадов с оконными проемами. Минимум для того, чтобы представить целостность.

Что-то похожее сейчас в той части моего сознания, которая занята Кенигсбергом. Но этот утренний мистический свет бледного солнца наполняет его, и мне вспоминается свет моего детства. Не трагедия войны. Войны, то есть ее угрозы, в моем детстве хватало. Если мы видели несколько военных вертолетов, сестры говорили: «Это — война». Поэтому мне снилось часто, как я убегаю в горы, лес. И обязательно встречаю хороших людей, которые успокаивают мое детское сердце. Потребность в защите — очень важная потребность души.

Но я уверена, после стольких испытаний люди не искали защиты. Они научились жить без нее. Трудно судить о людях в совсем другом измерении.

Я прочитала две биографические статьи о Канте, будто бы о двух разных людях. И факты совершенно другие. То же самое здание с сохранившимся фасадом или опоры, оставшиеся от моста через Прегель.

Но свет, бледный свет от спрятавшегося солнца, более материален. Надо смотреть на свет.

01.04.2009

Страдания Крейслера. Проекция из Кенигсберга на мир, где только Пруссия и ничего больше. Милый немецкий романтизм. Культура чувств, утраченная навсегда. Удирая из Кенигсберга, Гофман угодил в тот же Кенигсберг и создавал его снова и снова. И в Латинской Америке он тоже создал его. Но как всегда бывает, остается после нас не камень, не великие произведения, а наши стремления понять, где же мы находимся и зачем. Слишком поздно мы начинаем задумываться об истинном своем предназначении. И со временем мотивы наших действий понять все труднее посторонним. Экскурсия по памятным местам — вот что предстоит им увидеть. Не надо ехать в Кенигсберг из-за могилы Канта, собора и поделок из янтаря.

05.04.2009

Просто уехать подальше, чтобы отлепиться от собственных мыслей, выбросить из сознания все лишнее. Старый проверенный рецепт. В первую же ночь я проснулась от треска и увидела искры в удлинителе. А если бы проснулась позже? От чувства страха у меня вынырнуло наружу давно искомое — форма. Да, если бы я не читала на ночь «Золотой горшок» Гофмана, форма была бы иной. Самое важное — быть честной в отношении формы. Она должна быть естественной для тебя, чтобы ты могла ее наполнить чем-то подобающим. Я даже почти придумала название романа. Мое приручение Кенигсберга-Калининграда идет медленно. Иногда я даже дышу этим сырым воздухом, чувствую запах гари. Вспомнила Кортасара «Все огни — это огонь», о сгоревших заживо, которым снится, будто их приносят в жертву ацтеки. И как же хорошо не уметь контролировать свои сны, только в случае опасности убегать от них. Моя истинная жизнь — это сны. И они мне помогут. И уже близко то время, когда Кенигсберг ответит мне.

06.04.2009

В 1947 году в Калининграде служил брат моей матери Иван. У нас есть его фотография. Он был шофером. Там же служили еще двое парней из нашего села. Один уже умер. Дяде моему 80 лет, и он никогда не рассказывал о Калининграде. Когда я его спросила, он ответил: «Да, служил». И на лице его появилось растерянное выражение. Так что теперь спрашивать уже поздно. Но я смогу себе это представить. Ведь о том, что творилось здесь, рассказывают уже давно. О сумасшедшем майоре НКВД, который, встречая на дороге местных, мог засунуть ствол пистолета в рот. И стрелял иногда. Потом его самого все-таки убили повстанцы. Раньше, на горах вдоль реки по дороге в село, где я родилась и прожила три года, стоял Крестный путь. Девять станций по пути на Голгофу. Но почему-то самым страшным для меня был рассказ о том, как энкаведисты убили лесника и зарыли в лесу. До сих пор никто не знает места его захоронения. *Исчезновение* — вот что самое жестокое по отношению к мертвым. Хуже может быть только страдание от потери имени. Глупо было менять имя Кенигсбергу. Интересно, как назвали бы Дрезден русские? Никто не исследовал мистики идеологии сталинизма.

07.04.2009

Время убирает свидетелей преступления не хуже киллера. И самих преступников, которым невыгодно сознаваться. А потом историки делают то, что нужно определенной идеологии. А когда нет идеологии, что тогда? Интересный вопрос. Тогда все равно существуют чьи-то интересы. Восемьсот лет человечество слушало ложь о катарах, которые сами себя называли «добрыми христианами», никогда не лгали, не обманывали, не убивали. Их считали извращенцами, приписывали немыслимые связи с манихейством, мистикой. Недавно я снова увидела, уже после того как появилось множество честных научных работ о добрых христианах, базирующихся на документах и фактах, бредовую книжечку какого-то британца, где в одной куче тамплиеры, катары и масоны. В то время как работы французских историков до сих пор не изданы в переводе на русский и украинский языки, хотя они существуют, эти переводы. Правда не привлекает так быстро к себе, как ложь.

То же происходит с историей Пруссии. Обществу не интересна история этого необычного государства, которое на протяжении длительного времени было настоящим духовным центром Европы. А у нас его выставляют на посмешище. Если бы Пруссия сохранилась, мир сейчас бы так быстро не соскальзывал в пропасть морального и культурного разложения.

08.04.2009

Несколько лет мы проводили ролевые игры, где надо было выбрать из списка необходимые вещи. Игра была в беженцев. У играющих было время подумать, что взять собой в опасные скитания, но так не всегда случается. Хватают то, что дорого, как память. Прочитала, как у пленных, которых уводили из Кенигсберга долгой вереницей, страшно длинной, солдаты-победители забирали часы, набивали ими карманы. И тут случился настоящий флешмоб. В Прегель посыпались сотни, тысячи часов, наручных и карманных. Чтобы уйти еще от одного унижения. Время уже не имело значения. На этих часах, брошенных в воду.

Все войны на одно лицо. Читая о том, как три тысячи человек скинули в соляную шахту в Добромиле в 1941 году, я запомнила только долгую вереницу людей, идущих в безвыходный лес, тридцать воспитанников детского приюта в Перемышле, и тело матери, вытащенное из шахты. Она даже мертвой не выпустила своего ребенка. То же и в Кенигсберге. Дети и женщины, к которым привязана взрывчатка. То же и в...

Но самое удивительное, что ненависть победителей всегда сильнее ненависти побежденных. Даже через десятилетия. Ни капли прощения, ни крошки расскаяния. Неудивительно, что войны продолжаются.

09.04.2009

Самая большая опасность для писателя в наше время — литературщина. Я вдруг поняла, что то, что мне не нравится в современной литературе — зацикленность на самом себе, есть не что иное, как попытка спастись от игры чужими словами и образами. Но спасаются все так же, играя. И теряют читателей, коих сейчас лучше назвать потребителями, покупателями товара под названием «книга». Чем более развит литературный язык и глобализирован литературный поток, тем больше литературщины. Когда простота становится игрой — это уже конец всему. Когда я, например, читаю современного автора, у меня возникают ассоциации с другими прочитанными книгами, а не с чем-то узнаваемым в жизни. Поэтому не надо обольщаться,

что с Кенигсбергом все пройдет гладко. Придется вооружиться метлой и расчищать его руины.

Очутиться сейчас где-то посреди незнакомого опасного мира, вдохнуть его, возможно, отравленный воздух, быть готовой ко всем случайностям судьбы — тогда и включится инстинкт самосохранения, и пустые слова не родятся.

10.04.2009

Война наносит моральный ущерб как победителям, так и побежденным. У первых «крыша едет» от радости, вторые впадают в сильнейшую депрессию и даже могут исчезнуть как нация. Особенно когда к ним применили проклятие «херем». Только сейчас пишут, что в период победительской эйфории у советских солдат поощряли ненависть не только к фашистам, но и ко всем немцам. Как-то в Кенигсберге солдат расстрелял хорошо одетую русскую официантку прямо на улице. Можно представить, как было опасно жить в то время: больше злых, чем добрых. Переселенцы из России, наверное, немного ослабили напряжение.

Впрочем, я никак не пойму, сколько может длиться вражда. Бывшие солдаты всех армий не испытывают никакой вражды. Евреи тоже — к немцам, как нации. Виной всему, конечно, культ победителей, которых с годами становится все больше. Победа на войне не должна быть культом. Оружие и убийства не имеют ничего общего со святостью. Лицемерие и фальшь столь очевидны... Но не всем.

Мне надо назвать как-то своих героев и, постепенно погружаясь в их мир, становиться ими. Первое слово, первая фраза приведут к цепной реакции, и как это было всегда, дальше от меня уже ничего не будет зависеть.

11.04.2009

Весенняя пауза — цветет терновник. Белая тень зимы.

12.04.2009

Курт Воннегут, который видел разрушение Дрездена, приехал туда в 1967 году. Он спросил одного человека, как ему живется. Тот ответил, что раньше было плохо, а теперь вроде бы нет. Есть квартира, дочка получает образование. «Глупость какая», — сначала подумала я. Типично совковое удовлетворение от того, что раз бомбы не падают, жизнь прекрасна. Но теперь мне кажется, что, пережив такое, человек и впрямь испытывает удовлетворение. Ведь Курт Воннегут, живя в своей Америке, никогда не мог забыть ужасы разрушенного города. За его телеграфически-идиотическим стилем всегда стояло чувство незащищенности. Бывает и такое. Моя любимая фраза: «Юность всегда более впечатлительна». То, что я пережила в юном возрасте, до сих пор не зажило. Особенно обман, потерянные надежды. Завершенность куда лучше, но нам не суждено ею насладиться никогда. Как сказал бы нам чернейший из чернейших Ворон Эдгара По.

13.04.2009

У города тоже свой пейзаж. Даже в непомерно разросшемся просматриваются контуры природного ландшафта. Хотя лучше бы города не разрастались, не прорывали дамбу. В Нью-Йорке нам говорили, что Гарлем становится престижным районом, но нас мигом загнали в автобус, когда мы отошли куда-то дальше. Интересно, есть ли в Кенигсберге такой опасный район?

Для меня каждый чужой город сначала — опасный. Как неведомый лес. Сегодня мне снилось путешествие в карете, очень длинное и утомительное. Проснулась уставшей и разбитой. За окном все тот же дождь. Я живу на окраине города, который тоже непомерно разрастается. Из окон только маленький просвет на поля. Лес стал столь загаженный, что я больше туда не хожу.

Когда можно наблюдать за городом издали — это очень поучительно. С какой-то высокой точки. Как будто смотришь на себя со стороны. Писатель, не умеющий отделить себя от мира сего, — жалкий червь, роющийся в грязи.

14.04.2009

Пропагандисты Геббельса в конце войны предупреждали население Пруссии о приходе тех, «кто будет мыть ноги в унитазе». Вчера я это встретила на одном форуме. Сейчас нас пугают чернокожими и арабами, которые испортят генофонд нации. Пропаганда больше всего действует, когда она затрагивает сферу интимной жизни. Но хуже всего, когда примитивная пропаганда пытается свести к нулю духовность и культуру, разрушает изнутри нормы воспитания, унижает историю, создавая мифы. В мире столько людей, готовых поверить в самую большую глупость. Вчера читала «Дикую охоту короля Стаха» Короткевича. О гибели и упадке белорусской шляхты в конце XIX века. Одно из самых блестящих произведений XX века. Да, вырождение — это очень грустно, но еще хуже торжество варваров и их примитивная пропаганда. Дайте смерти умереть. И не надо ставить роскошные надгробия в виде музеев. Один из самых потрясающих музеев я видела в Вашингтоне: Музей индианской культуры. Но в Кенигсберге нет резервации, насколько я знаю.

15.04.2009

Лунный пейзаж в Дрездене после бомбардировки сделал Курта Воннегута писателем-фантастом. Такого не купишь техническим прогрессом. Впрочем, сейчас уже никого не купишь. Человечество прячется под землю как в переносном, так и в прямом смысле. В личные бункеры и приспособленные для этого помещения. Хотя холодная война уже миновала. Берлин тоже был разрушен. Одна стена. Это хорошее разрушение, потому что произошло в сознании. Воннегут пишет, что в Дрездене погибло 135 тысяч человек. В Кенигсберге — 120 тысяч. В Токио погибло больше, чем в Хиросиме. Об ужасах Сталинграда говорят меньше, но там погибло, кажется, больше миллиона. Людей с частицей бессмертной души. Бессмысленная жестокость, но всякая жестокость бессмысленна.

Теперь я воспринимаю Воннегута по-другому. Хотя он тоже подсознательно вел меня к Кенигсбергу. Все эти годы. Ничто не появляется само по себе. И самое странное, некстати. Мои исторические странствия от Шумера до Кенигсберга похожи на странствия Билли. По-другому я просто не могу освобождаться от линейного мышления. Только таким топорным способом.

16.04.2009

Мы живем в мире, где осуществляется подмена реальности декорациями. Так медленно, незаметно. В Сан-Диего я видела испанскую улицу в центральном парке, с разноцветной брусчаткой, всю розовую и лиловую, для романтических дам. Но в моем представлении испанская улица совсем не такая, хотя я никогда не видела настоящей испанской улицы. Моя испанская улица — это тоже декорация, но она мне ближе и роднее. Так и с Калининградом-Кенигс-

бергом — меня ожидают там декораци вперемешку с реальностью. Надо быть готовой к этому, надо быть начеку.

Вчера отложила Гофмана ради книги о массовой культуре, которую надо было отдать. Боже, какая тоска, какой тупик, и какое тупое смирение с декорациями и искусственными джунглями. Бодрияр, Эко и вся прочая продаваемая дребедень. Только в конце послесловие русского автора с несколькими человеческими мыслями, похоже на вопль человека, очутившегося под ковшом мусорного экскаватора.

17.04.2009

Мертвые снятся и говорят, как им там хорошо. И в первую очередь — там те, кого они потеряли, родные и близкие. Вчера купила букетик желтых искусственных цветов. «Желтых?» — переспросила продавщица, будто в этом было что-то странное. Я вздрогнула, осознав, для кого покупаю эти цветы. Все еще больно. Мне приходилось четыре раза присутствовать при агонии и смерти людей, и все чаще я представляла себя на их месте. Безмерное одиночество и отчуждение тех, кто рядом. Чувство горести придает ритуал, и чаще всего тогда живые срываются и начинают плакать от страха перед смертью.

18.04.2009

Некоторые писатели думают, что исторический роман должен претендовать на научность. Типичная схема: исторические лица и толпа, которая мудрее их. И обязательная любовная линия для оживления всей этой скукотищи. Но я выработала для себя иной подход, который легко погружает в прошлое. Читаю то, что читали в то время, нахожу место действия... Историкам, летописцам нельзя доверять. Можно доверять только своей интуиции.

Как будут вести себя безумец в нормальном мире и нормальный в мире, обезумевшем от ненависти? Как ни крути, в случае с Кенигсбергом мы имеем столкновение двух миров, и без раздвоенности сознания здесь не обойтись. Но я знаю, стоит мне начать, все пойдет так, как должно быть, независимо от моих планов. Я уже говорила раньше: выбора для отдельного человека не существует. Об эту стену со стальными зубцами бился Гофман. И был побежден. Но, как писал польский философ Ян Кот: «Неважно, что с нами сделали, важно то, что мы сами сделали с тем, что с нами сделали».

19.04.2009

Чувство такое, как у ребенка, который ожидал увидеть обещанные игрушки, вернувшись домой, но не увидел. Их кто-то выбросил. Вчера разбирала статьи о Кенигсберге, привезенные мне из Калининграда, а потом смотрела книжку «Прогулки по Кенигсбергу». Читаешь о каком-то здании, будто оно существует на самом деле. А потом узнаешь, что его нет. Очень обидно. И к тому же, страшно оттого, что оно как привидение. Сложно будет писать, но когда я напишу первые фразы, мне помогут те ангелы любви, сочувствия и понимания, которые всегда со мной.

20.04.2009

Рыцарские замки Пруссии. Те, что в Германии и Польше, — отреставрированы, те, что в России, — в развалинах. Возможно, им тоже что-то светит, но зная постсоветский подход к реставрации, выйдет что-то вроде декораций для фильма. Самое плохое, когда берут кирпичи. Их сперва обжигали на солнце, потом — в печи. Получались кирпичи прочности железа. Я бы назвала это местью рабов, хотя цель у кирпичных воров самая примитивная. Но в под-

сознании есть что-то такое общее для всех «хомо советикус» — презрение к голубой крови.

Я не хочу думать о руинах и о том, во что превращается преданный не единожды и обманутый человек. «Блаженны те, кто ведает, что творит, и прокляты те, кто не ведает, творя». Из «Евангелия от Фомы». Слова Иисуса: «Месть завоевателей — одно, месть победителей во сто крат страшнее».

22.04.2009

Сегодня — день рождения Канта. Знакомый калининградец, мой земляк, рассказал мне, что на надгробье Канта кто-то написал: «Теперь ты знаешь, что такое — быть мертвым». Только философ может выдержать, чтобы прах его тревожили столько раз, и не рассердиться. У него такое доброе лицо. Гений места под названием Кенигсберг. Хотя домик его продали сразу же после смерти. Но если подумать, все мы гости в этом не лучшем из миров. И нельзя ни о чем утраченном жалеть. Украинский философ Памфил Юркевич построил свою философию сердца на Канте. Параллельно в XVIII веке Григорий Сковорода тоже создал свою философию сердца: «Кожен є тим, чиє серце в нім». После человека остаются его мысли. У них свои пути в воздухе. Мысленные потоки омывают людей, способных воспринять эту информацию. Славный сегодня день. Синее небо, ветер, цветущие сады и первые листья на деревьях.

23.04.2009

Усталость утром, будто не было сна. Заснула, читая биографию Канта. Автор стремился показать, что биографии как описания жизненного пути — таковой нет, есть только история учения. Плохие биографы или чем-то озабоченные люди (несчастные?) всегда надевают на предмет изучения маску, которая нравится именно им. Нельзя доверять биографиям полностью. Впрочем, о Канте. Я думаю, он — последний из того племени философов, которые убирали подле себя все лишнее, всю будоражащую глаза и слух яркость жизни. Мысль требует пространства внутри сердца, аскетизма. В жизни над Кантом, вероятно, смеялись, после смерти начали уважать. Бюргеры Кенигсберга. Ему повезло, что он родился в таком замечательном городе, так воспринимавшем жадно все новое.

Это место на берегу реки, на берегу залива, состоящее из трех городов, привыкшее к рыцарям и смене власти по наследству, под конец уничтоженное, — я должна помнить, что от него осталась только тень. Но тень всегда важнее, чем оригинал, ибо ее нельзя уничтожить. Вот куда я зашла этим утром. Не вижу своей тени. Но может быть, она видит меня?

24.04.2009

Влияние естественных наук на развитие философии сильно преувеличено. Ей всегда приходилось не слишком сладко. Религия, политика, экономика — все пытались сделать ее служанкой. Даже сегодня философия зависима, но об этом как-нибудь в другой раз. В распоряжении Канта были часто неправильные, даже смешные для нас научные сведения, но его мысли удивительно современны. Например, о том, что география делает историю. Позже это подхватил Фернан Бродель в 30-х годах XX века. Или о том, что миры создаются и гибнут. Ранние работы Канта касаются космогонии. «Дайте мне материю, и я создам из нее множество миров». Как верно и для творчества. Или же из области гуманитарной: «Если ты не справишься с натурой внутри себя, она

расправится с тобой» (это неточные цитаты, они помечены моим личным восприятием).

Все это помогает мне глубже понимать мир. Я всегда, помимо творческих исканий, пытаюсь расширить свое сознание. «А как же иначе?» — спросят меня. Но, увы, иначе бывает очень часто. И чаще всего — узкий эгоизм. Не надо его называть новым гуманизмом. Гуманизм в современном значении — это толерантное отношение человека ко всему сущему.

25.04.2009

Для развития культуры нужны малейшие усилия государства, и она будет произрастать даже на пустыре. Русские офицеры во время кратковременной оккупации Пруссии после Семилетней войны ходили слушать лекции Канта по фортификации. Поручик Андрей Болотов сердился на Канта и Вольфа из-за их философских взглядов, противоречащих христианству. Проводились конкурсы на философские работы, и победителя издавали. Эссеистика Канта переиздавалась при жизни философа восемь раз. И это не было кратковременным явлением, и только в Пруссии. В России тоже смогли пробиться талантливые ученые.

О нашем времени говорить страшно. Экономический кризис — предлог, чтобы еще больше унизить высокую культуру. Всего 10% книг тиражом 1000 экземпляров издается ежегодно в каждой стране, плюс-минус. Один конкурс по философии или истории с последующим напечатанием книги стал бы мощным толчком к их развитию. Но сейчас нет просвещенных монархов. Демократия не способствует развитию человеческой мысли.

26.04.2009

Кенигсберг и Припять. От Припяти сохранились здания, которые медленно разрушаюся, и полустертые эмоции людей, покинувших ее в спешке. Но даже если Кенигсберг будет снова разрушен, его могучая духовная аура останется. Каждый древний город — это напластование городов минувших. У города уничтоженного судьба лучше, чем у брошенного.

Когда-то я отказалась ехать по направлению в Припять. Хотя все равно очутилась поблизости, в 30 километрах. Но интуиция все же спасла меня. Я уехала оттуда за год до тех событий. Хотя все равно многие годы я в душе разделяю судьбу жертв Чернобыля и живу в городе, который сам по себе есть спасение.

27.04.2009

Чувство, будто ты в ловушке. Сияет цветущее утро, но кажется, будто за окнами не мой знакомый мир, а что-то совершенно чуждое, безразличное и чуть враждебное. Или это пропаганда всеобщего добродушия, льющаяся из Интернета, осталась в этих стенах, или я уже в Кенигсберге, пытаюсь найти себе точку обозрения. Впрочем, я еще действительно не нашла ни улицы, ни дома, ни усадьбы, где будут жить мои герои. Пока что мы скитаемся без пристанища, под открытым небом моей души. И ночью все еще очень холодно.

28.04.2009

Я ошиблась, назвав *бессознательное* у Канта «темными картинами» вместо «темных представлений», хотя неизвестно, как в оригинале. Всегда восхищалась немецким языком. Никакой другой так не подходит к философии. Но даже Кант осознавал, что существуют понятия, которые невозможно выразить

словом. Это и есть «вещь в себе». В нормальных переводах некоторые философские термины дают в скобках и на языке оригинала.

В нашем диалекте присутствует также влияние немецкого, не только на лексическом уровне, а в конструкции предложений, обилии притяжательных местоимений. Но, к счастью, нет тенденции к агглютинативности. У меня лежит старая «История немецкого языка» Жирмунского. Надо посмотреть. Книга принадлежала моему отцу. Он был учителем немецкого.

29.04.2009

Вчера читала весь день «Историю немецкого языка». Увлекательное чтение. Словно роман. История народа не только в пейзаже, но и в языке.

А какие дискуссии велись в конце XVIII века! Из-за реплики одного студента о том, будто бы надо проучиться в университете 30 лет, чтобы понять «Критику чистого разума» Канта, другой вызвал его на дуэль. Чего стоит только война Гердера с Кантом. Настоящая драма, от которой веет ужасом. Человек, говорит Кант, строит башню, а потом разбирает, чтобы посмотреть, какой у нее фундамент.

30.04.2009

Писать о Кенигсберге сквозь призму философии Канта — это кажется самым приемлемым. Мощнейшая духовная аура одного человека продолжает влиять на город. Не надо путать с харизмой. Но ведь были и другие следы: древних пруссов, их богов, Симона Даха и Гофмана. Можно представить существо высшего порядка, которое наблюдает, направляет, строит. Когда я построю башню, начну разбирать фундамент. Кстати, я всегда так делаю, принимаясь за историю.

Сегодня Вальпургиева ночь. Хорошо бы слетать в Калининград.

04.05.2009

Вернулась сегодня, посмотрела на страницу. Отвыкла за три дня от Интернета. Сегодня мне показали распечатанный на принтере мой последний роман. Я сказала: «Как хорошо рассылать свои книги электронной почтой, не думать об издании. Отпустить на свободу, как птиц». Этот мир полон людей, с которыми стоит дружить. Я рассказала моим новым друзьям о Канте, и они мне тоже рассказали о нем, пускай ничего нового, но теперь для них он будет ассоциироваться с книгой, которая однажды придет к ним почтой, невесомая, легкая.

В поезде читала о Пруссии, о колонистах, которых приводили с собой рыцари. Всегда завоеватели приводят с собой поселенцев, людей, для которых нет места в мире. Они более интересны, чем сами завоеватели.

Искоренение язычества велось совершенно дикими методами. Представила себя на месте прусса, у которого на глазах срезают священный дуб.

05.05.2009

Сон уходит все дальше, отодвигая пыльные занавеси ночи, белой от цветения садов, и сегодня все еще «сегодня», а не «вчера». «Философским огнем» называли костры из книг в поверженном Кенигсберге. Это напомнило мне «Таинственного незнакомца» Марка Твена. Эпизод сожжения колдуна, когда нищая бабушка греется у костра. Ныне тысячи книг, среди которых и чудесные книги, написанные на непонятном языке, изданные готическим шрифтом, идут в макулатуру. Им ломают кости, потом из этой муки лепят новые тексты,

создают новые книги. И бумага тетради, в которой я пишу, хранит частицы души умерших книг. Не поэтому ли, прикоснувшись ручкой к бумаге, я пишу гораздо увереннее, испытывая непонятные чувства?

Ворох газет из Калининграда помог мне понять, откуда берутся эти незнакомые чувства.

06.05.2009

В какой-то момент, читая «Очерки истории Пруссии», я вдруг осознала что-то очень важное для себя. История вдруг запульсировала ярким слепящим светом, обнажились те связи, которые я тщетно пыталась найти. Французское влияние на Пруссию, например. Литвины, как дерзкий, сильный народ, похожий на оседлых кочевников, да и язык их чрезвычайно близок к санскриту. Разные способы обращения в новую веру. И много чего другого мне придется открыть.

Потом, уже вечером, читая очередную порцию биографии Канта, я смогла это связать с Альбертом Швейцером, который писал диссертацию о Канте, и его слова о том, что человечество спасают сны и надежды, тоже стали для меня озарением и знаком свыше. Ничто не приходит не в свое время. Стены раздвигаются, за ними страна зеленых лугов и голубых озер. Разве, путешествуя в пространстве или роясь в архивах, я смогла бы увидеть тончайшие ментальные нити, пронизывающие Кенигсберг?

07.05.2009

Упадок философии ведет к разрушению общества. Более того, ныне философию приходится защищать. Кое-кто считает, что она исчерпала себя. Это все от утраты морального инстинкта. Жалкое существование породило жалкое сознание. Такой великий философ, как Кант, мог позволить себе свободное отношение к религии, не найдя Бога в ближайших окрестностях. И он никогда не позволял себе ханжества. Но на самом деле я имею в виду другое. Кант далеко опередил Просвещение и нас с вами. Он пытался поднять человека с колен при помощи мысли, а не патетики и бунта, иронии, а не осмеяния. Вот что нужно ему от нас. А он нужен нам сейчас как никогда.

08.05.2009

Вчера мне прислали фотографию сохранившейся помещичьей усадьбы возле Калининграда, где во время войны был штаб советских войск. Сейчас там музей. Пока еще этот дом ничего мне не говорит. Он очень большой и красивый. Не знаю, как там жить, но попробую. Как правило, раньше я селилась в выдуманные дома, создавая их мимоходом из своей крови и плоти. Каждый раз приходится делать что-то новое, ступая шаг вперед. Но куда? И ради чего? Ответы никогда меня не удовлетворяли.

Сейчас я вижу, как стареет Кант, как ему трудно ходить на лекции. Почему этого человека так любили студенты? Они даже устроили ему маленький юбилей, начало литературного пути. С пением и фейерверками. Почему до сих пор, проходя мимо его могилы, молодежь говорит: «Привет, Кант!» Я думаю, что так бывает всегда, когда человек следует своей философии, делает то, что говорит. Я продолжаю вращаться на орбите Канта почти уже месяц. Мне хочется возвратиться к началу, но это трудно, когда читаешь книгу в электронном варианте. Но не думаю, что ее будет трудно найти. Книги всегда приходят вовремя, и книга о Канте тоже не посмеет опоздать.

09.05.2009

Последние годы жизни Канта. Сделано все, что задумано. Философскую систему завершает «Антропология». Неожиданное определение человека: «Человек есть существо, создающее культуру при помощи силы своего воображения». Семидесятипятилетний философ не может лгать. Он считает, что если бы мир перестал лгать, все бы в нем развивалось быстрее. Но лгали и до него, лгали и после него. Аферисты осаждают Канта, но у того находится сила еще иронизировать и опровергать домогания мнимых родственников. Настоящие же родственники ведут себя скромно.

Никакой завершающей исповеди. Главный урок жизни — работать, получая от этого наслаждение. Очень много работать. До конца жизни. И это — правда. Неработающий человек порог смерти переступает с отчаянием, неудовлетворенностью. Он никогда не произнесет напоследок: «Все хорошо».

11.05.2009

Господин Кант в виде облачка над Кенигсбергом. Все тяжелое осталось в сундуках, все легкое принадлежит взирающим на небо жителям этого славного города. Одно мгновение, и взгляды их тяжелеют, опускаются с неба на мостовую. Жизнь продолжается. Кант ушел, и Бог его знает, что станется с его философским наследием. Может, канет в Лету. Но никто не думает, что город будет разрушен и ему поменяют имя. Даже Кант, освобожденный навеки от своей бренной оболочки.

12.05.2009

Неумение мыслить, свобода мыслить — об этом писал в XVI веке Монтень. Через два столетия в эпоху Просвещения об этом смело и открыто заговорил Кант. Оба философа считают умение мыслить самым моральным поступком. В наше время массовой культуры об этом тоже следует заговорить, ибо мир питается чужими мыслями и стал слишком ленив. Но самое печальное, что высокие мысли предаются осмеянию. Тема предназначения человека лишь повторяется в произведениях на религиозную тематику.

Канта хоронили без священника, и никто в Кенигсберге не был этим шокирован. Мысль Канта тогда парила слишком высоко, чтобы ритуал имел какое-то значение. Хотя в другой стране, католической, например, этого не могло произойти. Мне почему-то кажется, что Кенигсберг остался прежним в отношении религиозной терпимости. Без протестантизма в его лучших проявлениях Просвещение просто не могло возникнуть.

Но мысль, предающаяся разврату, несвободна.

13.05.2009

Я нахожу некоторые идеи вместе с другими, будто те случайно оказались (или же мы оказались) в одном мысленном пространстве. Может, оно стало гуще или же теснее. Но часто именно у меня оказывается больше храбрости передать идеи словами, или реакция быстрее. Но каждый ведь использует их по-своему.

Случайность оказывается необходимостью. Необходимостью все время думать о городе, где меня никогда не было. И в то же время я там уже есть, когда произношу три магических «К»: Кенигсберг, Кант, Книга. Меня охватывает мистическое чувство причастности ко всему этому; все, что нахожу, тоже сплетается в ткань мыслей и образов, нужных мне для воссоздания общей картины. Привидения Кенигсберга, его золото, серебро, янтарь меня не интересуют. Но

волк, прячущийся от артиллерийского обстрела в подземелье, крик ворона, летящего над снежной равниной, усеянной трупами коров и людей, — это я вижу слишком отчетливо. Чем мощнее оружие, тем короче война.

17.05.2009

Когда-то мне удалось собрать свои сны и построить сюжет. Но это были не чужие сны. Теперь я отношусь к снам более критично.

Девочка-переселенка, бьющая стекла в уцелевших домах. Откуда у нее злоба? Что она пережила, прежде чем попала в Кенигсберг? Или это плоская ненависть, вызванная пропагандой? Впрочем, меня не так уж интересует эта девочка. Другая ненависть, обида, страх. Это сложнее понять, ведь ненависть спряталась под покровом вины. Простого ясного пути я еще не нашла.

Как в Библии: одни сеяли, другие собрали урожай. Чувствовали ли те, другие, себя мародерами? Или победителями?

18.05.2009

Хороший сон — всегда целителен. Особенно в тяжелые времена. Все меньше остается надежды на то, что мне удастся поехать в этом году в Калининград, но это как раз и поможет мне написать книгу. Чем больше давление, тем больше сопротивление. Кто-то там, чьи кости давно истлели в мире или не в мире, хотя костям все равно, желает, чтобы я написала ее. Часы заведены. Настоящие механические часы, а не электроника, которая от падения возвращается на несколько лет назад, в январь, например. Механические часы просто замирают и ждут. Но нам обоим необходимо терпение. Еще не прозвучала во сне первая фраза.

19.05.2009

Разорение Кенигсберга. После войны город походил на свалку, из которой вольно было тащить все что угодно: оружие, золото, мебель, кирпичи. Большая мародерня, да и сейчас здесь немало кладоискателей. Раньше больше всего ценились спрятанные бывшими хозяевами продукты, теперь — предметы оккультизма.

Но разве никому не приходило в голову, что нельзя вывозить из города? Нельзя его грабить, оставляя пустым. Алчность и безразличие вместо совести — вот что осталось в некогда славном городе, въевшись, как ржавчина и копоть, в то, что нельзя унести.

20.05.2009

Многие желали бы видеть старые города застывшими, словно муха в янтаре, что придавало бы их обозрению большую ценность. Любовь к мертвому и мертвым удобна, так как прилична и вызывает зависть у остальных, у кого нет любимых мертвых. Я живу в городе, посещаемом толпами туристов, сердце которого медленно остывает вместе со смолой. Он постепенно утрачивает свое очарование. К счастью, это не мой родной город. У меня вообще нет родного города. И я мечтаю обрести когда-нибудь более тихое пристанище. Вот поэтому и возникла мысль поселить одного из своих героев за чертой города. Жить все время среди грохота — ужасно. Здесь довольно тихо, но стоит пройти сто шагов — и приходится оглядываться, чтобы не сбила шальная машина.

Я всегда такой останусь, хотя способна оценить красоту живого города, где все постоянно меняется. Города со смещенным на окраину сердцем. Города, которому впору поменять название.

21.05.2009

Приходится идти по колено в пепле, клочья сажи садятся на плечи. Может, это снег; нет, снег тяжелее. Все пропиталось дымом. Воздух, кажется, всегда был таким мутным. Частицы разрушенного мироздания под названием Кенигсберг Вавилонскую башню будут отстраивать заново. Что бы ни построили на этом месте, оно будет содержать часть прошлого, со временем все больше и больше. То, что стремятся уничтожить, получает огромный заряд созидающей энергии.

Это утешает. Утешение истории. Но сейчас хочется стерильности белых полей, как хирургического стола, чтобы из тебя изъяли, наконец, боль и страх.

22.05.2009

Белая стерильная чистота, в которой нет настоящего, — не это ли нужно на самом деле? Зачем воевать с прошлым, пугаться будущего — если их уже нет и еще нет? Так и было бы, если б время было таким, каким мы привыкли его представлять. Но время — это вечный ад, из которого один лишь выход — белая стерильность пустоты, серая, черная. Один цвет.

Как тяжело в эти дни из-за осознания всевременья. Так бывает, когда хаос проникает в глубину сознания и сознание пытается изгнать его из своего дома.

23.05.2009

Мне придется возвращать на время хотя бы исконные названия улиц и местностей. Самое страшное издевательство — перемена имени чего-то или кого-то. Но благодаря мысли ничто не может исчезнуть. Кант как всегда прав.

Жизнь Кете Кольвиц (Kathe Kollwitz), на глазах которой прошли две мировые войны. Старость ее была омрачена изгнанием из Берлина. Нацистам не понравились ее картины. Кольвиц, уроженка Кенигсберга, умерла в Морицбурге, Саксония. Племянница положила на ее могилу одну-единственную зеленую веточку. Никого больше не было на похоронах. Да и зачем? Когда я буду блуждать улицами, утратившими имена, я вспомню об этом.

Кете Кольвиц на большом валуне прикрепила бронзовый барельеф деда, и памятник открыли в Кенигсберге 13 августа 1909 года к столетию со дня рождения Юлиуса Руппа.

24.05.2009

Май — месяц разрушения и безумия. Май 1945 года в Кенигсберге. Депортация, грабеж, страдания. Мир. Труд. Май. Все это есть, но нет покоя и счастья. Только облегчение в связи с окончанием войны. Пожалуй, с этого стоит начать.

Для меня лично май — самый тяжелый месяц, самый трагический. Когда смотришь на буйство природы и думаешь: зачем мне это? Разорванность бытия и в прорехе живая кровоточащая рана.

25.05.2009

Все газетные вырезки прочитаны и сложены. Меня не покидает аура Кенигсберга-Калининграда. Что делать дальше? Тень я нашла, но надо еще найти тело, которое ее отбрасывает. Дом, улицу, район, окрестности, мир вокруг.

Жасмин. В Кенигсберге было очень много жасмина. Его запах привел меня к нему. Я помню, как в детстве нас везли в грузовике на соревнования, мы ехали по омытому дождем городу. Сирень, жасмин и магнолии, возвышающиеся над всем цветущим. Дорогой шел мальчик, он принадлежал этому миру. Он принадлежал миру Бруно Шульца и Мирча Элиаде. До сих пор я не могу забыть его сосредоточенное нахмуренное лицо. И свою тоску по красоте и по тому, что я не могу выйти и пройти по влажной мостовой. Уходящий и непознанный мир.

26.05.2009

Мне предстоит проложить собственный путь в этом городе и в том, еще неразрушенном. Что бы я хотела увидеть, а что нет — это достаточно важный повод продолжить изучение темы в направлении истории. Сегодня я буду смотреть поверх фильма о разрушении фильм о современном юбилейном Калининграде. Для того, чтобы найти тропинку, щель между временами, вход в то блаженное безвременье, где навеки запечатлелись контуры судьбы.

Человек обнимает дерево и говорит с ним: «Мы оба многое пережили. Мы знаем, что такое погрузиться корнями в ад и продолжать зеленеть вопреки сжигающему ядовитому пламени».

Русалочка из Кенигсберга, которой придется много лет ходить босой по острым камням человеческого мира.

27.05.2009

Вчера пришла весточка из Калининграда — статья об имении друзей Канта — Вальдебург — Капустигаль. Достаточно было посмотреть только унылые фото того, во что превратился некогда самый аристократический пригород Кенигсберга. Как будто там побывало само Уныние — самое точное слово. Но я вдруг подумала — это пройдет. Как проходит все на свете. Каким-то образом мы уверились в незыблемости архитектуры, примеряя ее к своему куцему веку, к квартирному вопросу. Но ведь тот дом, в котором я живу, не просуществует ста лет. Конечно же, нет. Наверное, люди, жившие в домах XVII века, иначе воспринимали время и пространство. Они знали, из чего построены их дома. Они чувствовали кирпич и камень. А что чувствуют кенигсбергские кирпичи в Минске? Что чувствовали люди, уехавшие навсегда в другую страну, — это мы знаем.

28.05.2009

Сегодня приснился сон о доме, который мне не принадлежит. Жемчужины, вшитые в шторах, куча чужих вещей. Я была бедна и сперва обрадовалась, что смогу выжить. Но потом, как-то неосознанно, начала думать, как бы найти владельцев или их наследников и отдать им все. Я выстроила во сне логическую цепь поисков, и мне сразу же стало легко. Каким-то образом они возвратились, и мы стали жить вместе.

Ну конечно, это оттого, что я читала о переселенцах в Калининграде. Интересно, думал ли кто из них о том, чтобы возвратить хотя бы некоторые вещи? Ведь сейчас можно разыскать депортированных, то есть их наследников.

29.05.2009

Здесь, во Львове, представляю себе Калининград, но он как бы двадцать лет назад, и люди те же. К тебе на лавочку может запросто подсесть усталая женщина средних лет и завести разговор, которого во Львове никак быть

не может. От него становится не так одиноко в чужой стране. Если бы не естественная доброта многих переселенцев, Калининград превратился бы в жуткого монстра. Но во Львове после войны осталось больше местных жителей, и они помогли сохранить старый город, пока не началось новое переселение — крестьян в город, и Львов начал разрушаться. Теперь он снова меняется — ради туристов, но эта неестественная красота почему-то не радует. Отчуждение города от жителей — как оно было в Калининграде? Что будет происходить дальше? Новая плоть на новых костях.

30.05.2009

Предпоследний день весны. Наверное, во всей Западной Европе так же холодно и сыро. И в Калининграде — туман. Вчера искала в Интернете дополнительную информацию, уходила все дальше и дальше, но нашла то, что раньше находила. Будто находишься в длинном тоннеле, по которому едут поезда, и все время оборачиваешься: нет ли чего позади. Есть начало и есть конец всему. Это не может не утешать.

31.05.2009

Пустота последних дней, слишком много незаполненного пространства. Последний день весны сто, двести лет назад. Зачем это было создано? Поиск смысла — как пустая улица, ведущая туда, где восходит солнце. Плеск воды, гниющие отбросы, ржавость бытия, мелкие боги рыбаков и чаек жмурят глаза, просыпаются. Неуловимое движение в воздухе вызывает беспокойство у чувствительных крыс, ложащихся спать после ночных прогулок. Нет, это не люди, можно продолжать спать до заката.

02.06.2009

Гофман, немецкие философы, мемуары Макса Фриша — все это возьму с собой. Может, в сельской тиши мне удастся начать роман. Может, нет. Главное — метод, подход. Сильно устала за прошлую неделю от сумбурности бытия. Город — плохое место для творчества.

Хочу подышать жасмином, ирисами и шиповником. И теми простыми розами, что растут возле калитки.

06.06.2009

Истинные слова найти очень трудно. Бывает, кажется, вот оно, — но оно начинает таять в воздухе и не остается в памяти. Это не страшно, просто мой путь еще не найден. Как будто освобождаешь сад от высокой летней травы, чтобы могли деревья дышать свободнее, а кусты видеть солнце. Этот хаос в джунглях разума со временем прекратится. И тогда зазвенит первая фраза, и я смогу дышать холодным горным воздухом.

Все чаще вспоминаю неповторимого Марселя Пруста. Единственное, что в нем не нравится, — когда слишком много цветущих деревьев и любования ими. Но чувство времени у него потрясающее. Пруст — это бесконечный сон.

07.06.2009

Перемены сейчас происходят на глазах одного поколения, и оно должно приспосабливаться к ним. И конечно же, приспосабливается, но какие бури при этом переживает сознание и как оно потом отражается на реальности... Фолкнер писал, что самая большая трагедия человека, когда он не знает, кто он и своего места в этом мире.

Пруст же говорил о том, что человек не взрослеет. Символом этого может стать аксолотль — личинка амбластомы.

Никто не видел ее взрослой. Основной признак невзросления — то, что человек считает себя объектом внимания мира. На самом деле миру безразличен человек. Все живые существа знают об этом, и у них нет ни фобий, ни депрессий, ни истерик. Модель поведения в кризисных ситуациях хорошо изучена, но тоже с точки зрения человека-недоросля.

Какой роман я хочу написать? Воспитания чувств? Становления? Пути?

08.06.2009

Тема насилия. Я собиралась ее не слишком сильно затрагивать, но после прочтения одной статьи на Проза.ру поняла, что нельзя без этого. За последние сутки картина приобрела вполне реальные очертания. Будет тяжело справиться с таким обилием мыслей. Я уже чувствую этот груз на своих плечах. Но мне не впервой.

Реальность не всегда бывает сном. Пруст здесь не совсем прав. Все зависит от умения мыслить и держать мысли в узде.

09.06.2009

Странная любовь Новалиса к римско-католической церкви. Мне никогда не приходило в голову, что романтизм склонен к деспотии. Но через два столетия понимаешь, что мир не может существовать без иерархии. Взрослый человек должен иметь свое место в вертикали общества. Демоны демократии, как выразился один грузинский поэт, разрушают мир почище войны. Нельзя каждому всюду войти. Только творческое сознание может скользить во всех мирах по вертикали и горизонтали. Это — понимание свободы в духе истинного романтизма.

10.06.2009

Мир очень тесен, и это не перестает удивлять. Поэтому нужно быть очень осторожной, чтобы не наступить на маленькое существо, беспечно разгуливающее в траве. Каждая жизнь имеет ценность, но на войне не имеет ценности сама ценность. Только судьба. Даже Бог не может защитить, когда Парки встают из-за своих прялок и нечаянно обрывается чья-то нить. Что это значит? Лишь то, что мы не знаем мир и мир не знает нас. Только осознав это, становишься взрослым.

Ночью за стеной капала вода из испорченного крана. Было темно, будто прячешься в гроте. Все зависит от того, кто заглянет в грот, проходя мимо. Вот об *этом* мой роман.

11.06.2009

Пытаться вновь воссоздать картину разрушений, вернуть боль, разбередить раны — искусство жестоко. Еще хуже, когда это делается в кино. Становится мерзко на душе оттого, что все ненастоящее — подделка. Слова — другие. Иногда подделку увидеть трудно. Без совести в писательстве нельзя.

Русалочка, превратившаяся в Офелию, начитавшись романов. Тупость и неразвитость юности, отсутствие в ней сострадания. Потом человек становится старше, и сострадание появляется в нем. Откуда?

12.06.2009

Вчера написала первую страницу. Магический театр где-то в окрестностях Кенигсберга. Или Парки настоящие? Неизвестно. На то он и магический театр. Имени Германа Гессе. Но легкомыслием — ни моим, ни персонажей — здесь и не пахнет. Театр или что-то другое — всего лишь катализатор для взрыва, который произойдет через 140 лет.

Но магия вступила в игру и со мной. На странице писем — реклама «живых» столов. В Киеве. Мерзкое зрелище, так как имеются фото. Хотя я сразу догадалась, что это такое. А ведь это тоже катализатор. Впрочем, взрывать этот мир не надо. Он уже давно взорвал себя, и теперь в воздухе летают клочья сажи и пепел засыпает подъездные аллеи.

13.06.2009

Для меня нормально жить в будущем или прошедшем времени. Слишком часто я встречаю то, о чем уже написала. На бытовом уровне еще трудно проследить забегание вперед, его трудно просто различить. Но слияние времен существует. Мысль — это инструмент, помогающий проникнуть на три секунды, час, даже сутки в будущее. Просто люди или не умеют им пользоваться, или принимают это как совпадение.

Пока я буду писать этот роман, со мной будет случаться разное. Ведь связь с Кенигсбергом у меня уже установлена. Он знает обо мне. Он присутствует в моем сознании и подсознании. То, что вчера произошло со мной, указывает, что я выбрала правильный путь. Мне не надо путешествовать в физическом пространстве, имея возможность путешествовать в пространстве ментальном.

14.06.2009

Лето пройдет быстро. В нем запрятан механизм ускорения времени. Поэтому летом много может чего случиться с моими персонажами. Я никогда не делала это. Но это в духе романтизма. Сейчас я дышу этим воздухом, и сад Блейка переходит в сад Михаэля Клейста. Классицизм — это зима. Просвещение — весна. Романтизм — лето. Все остальное — вечное безвременье. Некому собирать плоды, все уходят воевать, кроме мальчиков, больных чахоткой.

15.06.2009

То, что не написано днем, начинает вторгаться в мое сознание ночью, хоть ставь возле себя диктофон. Я четко вижу жесты, каждое слово из беседы — к месту. Очередная реплика, очередной ход, очередное вступление. Вместо видений — живая картина и живые люди. Они сами рассказывают о себе или о них рассказывают. Тончайшие оттенки интонации.

— Его звать Генрих. Бедный Генрих!

Ах да, он читал эту старофранцузскую поэму о пораженном проказой сюзерене и простодушной девочке-крестьянке.

Ассоциации с жертвенностью. Свободомыслие как проказа, поэзия как эпидемия. И они верят, что потом не будет рецидивов? Что может заменить поэзию и безумие? Ничто, кроме труда над собой и философии.

Но меня зовут к себе земляничные поляны, в прямом смысле.

16.06.2009

Писать все время о людях, которые находятся в пустоте и никогда не могут приблизиться к другим настолько близко, чтобы ощутить тепло, исходящее от них. Но и бьют их не так больно, как вблизи.

Мне не придется писать о том, как живут люди, отбросившие всяческую философию, а вместе с ней надежду. Хватит того, что я уже живу сама в таком обществе.

Мы отвечаем за тех, кого любим, а не за тех, кто прибегнул к нам за помощью и, получив ее, немедленно уйдет, бросив нас.

Вот такие мысли появляются утром, похожим на вечер.

17.06.2009

Запах живых цветов перебивает запах духов светской дамы. Это вызывает воспоминания о городе в деревенской глуши. Лицо поворачивается, глаза смотрят в сторону Кенигсберга, трезво мыслящий, не столь уже молодой человек, охвачен смятением. Почему бы не возвратиться в город юности? Но он раб своего наследства. Общество не простит ему этого.

Приближение грозы.

Вот как это будет. Немного по-другому. Обратиться лицом к городу, смотреть. Вечер, ночь нескончаемы, длиной в полтора столетия. Только глубоко личные переживания привязывают нас к тому или иному месту. Детство, юность, любовь.

Но у меня самой нет привязанности ни к одному месту. Как будто я ниоткуда иду в никуда.

18.06.2009

Мне придется уйти из этого мира дам, похожих на Мойр, и мужчин, играющих в безумие, туда, где человеческая жизнь ничего не стоит. Война открывает перед нами безразличие Вселенной ко всем живым существам, то, о чем мы раньше только догадывались в своих снах. Они с нами рядом, наши сны, параллельный мир, где все наоборот. Эмоциональное напряжение, тоска, печаль, радость возникают попеременно. Мы скользим от одного душевного состояния к другому, но когда они просачиваются сквозь тонкую перегородку здравого смысла, мы пытаемся защититься от всего: от снов и от реальности, создавая что-то третье. Как же его назвать?

19.06.2009

Стены здания XVI века, окно высоко, почти в углу. Как хорошо себя чувствуешь в месте, где стены толщиной почти полтора метра. Сколько труда вложено, чтобы построить дом с такими стенами. Спокойствие, тишина, время, несоразмеримое с временем человека. Современный город не для защиты. Люди поняли, что сами разрушили свою защиту, и ими овладел демон нетерпения. Поэтому время ускоряется. Чем тоньше стены, тем быстрее время и выше здания. Вавилонская башня. Массовая культура для того, чтобы все понимали друг друга. Упрощение языка. Все короче. Даже плети дикого винограда.

22.06.2009

Пока город далеко, мы видим его в призрачном свете своих надежд или воспоминаний. Но он уже разрушен другими зданиями, менее красивыми, зато удобными, где уже царит не иерархия происхождения, а всеобщая власть денег. Он изменяется иногда даже на протяжении одного поколения, а что уж говорить о сотнях лет. Что ж, такова его судьба. Каждый город трепещет в ожидании варваров. Но мы думаем, что он с нетерпением ждет именно нашей ласки.

Хорошо, что мой немецкий позволяет мне глубже познать Кенигсберг, что названия улиц я могу произнести вслух, что немецкие писатели и философы всегда были мне близки, несмотря на экспансию англо-американского наречия. Хотя Кенигсберг стоит того, чтобы углубиться в изучение немецкой орфографии и грамматики. Мне не придется сейчас читать клонированные по всему бывшему Советскому Союзу названия улиц, да это и не те улицы. Никуда я не поеду. В Калининград стоит ехать, чтобы подвергнуться атаке мистического обаяния этого города-привидения. Но я ощущаю это обаяние в городе, которому удалось избежать судьбы Кенигсберга. Иначе откуда берутся все эти образы людей? Я никогда не придумывала своих персонажей. Они сами стучались в дверь моего сознания.

23.06.2009

Тихая утренняя гроза. Немного грома, немного дождя. И вечер был такой же. Наверно, такой воздух был в Кенигсберге, когда Герман вышел из коляски, и в доме слуги зажгли огонь. Дверь отворилась, и он вошел в дом, хотя мягкая тишина и влажное шуршание листьев хотели, чтобы он еще ненадолго остался.

Ничего этого не будет в книге, ведь оно уже было.

Мужчина, воспитанный женской строгостью и придирчивостью, навсегда остается мягким и нерешительным, хотя может стараться изо всех сил быть мужественным и решительным. Женщина, которая ожидает поддержки и защиты, разочаровывается в нем. Ему подходит женщина, похожая на строгую мать. Он будет ее обманывать, шалить, никогда так и не повзрослеет. Он приблизится к краю XIX века старым одиноким ребенком, поскольку мать или тетка, как положено, умрут раньше, а жены у него не будет. Заглядывать в XX век ему нет смысла: он уже был там.

25.06.2009

Дать имя персонажу — значит дать ему судьбу. Во времена Гофмана и позже писатели нарекали персонажей именами других литературных героев, брали себе их имена. Реализм отдавал предпочтение именам из жизни. Имя было там всегда в тени, само по себе оно ничего не значило для человека. Была утрачена мистическая связь с именем, словно у цветка забрали его аромат. Если выбираешь имя интуитивно, потом оказывается, что оно выбрано правильно, помогает строить судьбу персонажа. Но в жизни чаще всего имя дают, пользуясь иными критериями. Еще один пример того, что искусство выше обыденности и сравнивать их просто некорректно.

26.06.2009

Сны о войне снились мне в детстве, когда все фильмы были о войне, и это настолько глубоко вошло в подсознание, что первую повесть я тоже написала о войне: сюжет мне приснился. С тех пор я никогда не писала о войне. И даже не собиралась. Пока в моей жизни не появился Кенигсберг, город, который всегда готовился к войне, пока она не уничтожила само его имя.

Всякая война для меня представляется в виде сна еще потому, что она абсурдна и бесчеловечна. Я могу писать о ней только с точки обозрения сновидения.

Война для меня — бегство, утрата, поиски убежища. И спасение в конце. Когда мне было 10 лет, в одном из снов я встретила мальчика, немного старше. Его имя оказалось для меня пророческим.

И вот сегодня — похожий сон, где мы уже взрослые. Несмотря ни на что — чувство полной безопасности, защищенности.

Сон проделал за меня работу, которая не была сделана в мыслях. Он связал воедино мою первую повесть и, быть может, последний роман. Кажется, жизнь делает круг. Будто я ее уже прожила и не пожелала умереть, когда пришло мое время.

01.07.2009

Почему-то всплыл «Макбет», и вот уже некоторое время я пытаюсь понять связь этого сюжета с моим романом. Ведь сначала были три парки, прядущие нити человеческих судеб. Потом их перепутали с ведьмами из «Макбета». На самом деле магия не способна что-то изменить. Она действует подобно плацебо, и сами ведьмы знают об этом. Миром движут человеческие желания.

Мне кажется, Шекспир думал о царе Эдипе, когда писал «Макбета». Он не мог написать второго «Эдипа».

«Добро есть зло, зло есть добро», — поют ведьмы. Глубочайшее разочарование и усталость трех старух заражают все повествование.

Поэтому улыбаются только «блажные». Они видят мир без власти и денег, без предательства и сомнений.

02.07.2009

Волчица в лунном свете. Геката. Ведьмы как собирательницы костей. Голос крови, он все еще чувствуется, особенно перед тем, что должно случиться. Дикость более способствует спасению, чем цивилизация с ее условным договором и игрой в человеколюбие. Значит, все-таки ведьмы, ошибки не могло быть. Не бесстрастные Мойры, а старухи, познавшие, что добро есть зло, а зло есть добро.

Не строить роман на интуиции — отнимать у него право на жизнь. Будто собирать кости, чтобы составить из них только скелет, не думая о том, чтобы вдохнуть в него жизнь. Но почему они это делают? Почему это делаю я?

Со стороны покажется бредом то, что я сейчас пишу, но эти заметки на данном этапе понятны только мне. Иначе быть не может.

03.07.2009

Вчера была «Пиковая дама». Германн похож на пружину, направленную внутрь себя. Одержимость посредственности — повод, чтобы расправиться с ней всеми силами ада. Ибо она заслуживает безумия. Тот же Макбет. Словом, некая пародия на романтизм. Выход за пределы жанра.

Слабоумие иногда ошибочно принимают за безумие. Это из-за отсутствия линейного мышления. Оно здесь пунктиром. Пробелы принимаются за признак таинственности. Безумие — это просто иной тип мышления. Человек неспособен больше думать как все, поэтому его и считают больным, как чужеродное тело в живом организме, он вызывает воспаление. Сам он страдает более всех.

04.07.2009

Отвращение к сочинительству из-за того, что ты манипулируешь чужой судьбой, разве это бывает? Мне кажется теперь, что да. Оно проявляется в отсутствии воображения, которое приводит к бытописательству или же самоописательству. Не каждый может убить человека росчерком пера. Но поскольку сочинительство романов и рассказов в наше время занятие вполне

легитимное, то происходит процесс некой сублимации в разных формах. Не помню, чтобы Выготский писал об этом.

Поэтому творец — очень страдающее и неуравновешенное существо, пока не превращается в ремесленника. Он готовит для себя место в аду. Еще хуже — актер, играющий в жизнь и смерть.

05.07.2009

Первые несмелые шаги повествования. Чувства человека, возвратившегося в обстановку детства и юности. За стенами старой усадьбы грохочет небесная машина. Во сне она должна превратиться в адскую машину судьбы, где не будет уже ничего от театра, даже самого прекрасного изо всех театров — Шекспировского.

Магическое действие вовлечения зрителя в мир тоски, отчаяния и ужаса. При этом все часы в доме бьют вразнобой, заставляя людей вздрагивать каждый раз. Я не собираюсь стилизовать рассказ под что-либо из прозы XIX века. Это усыпило бы читателя. Пускай почувствует тот же холод, ветер, что почувствовал одинокий король Лир. Отсутствие справедливости на данный момент не означает отсутствия ее как таковой. Быть вне времени — попробуйте, каково это быть выброшенным из времени и пространства. Даже развлечения превратятся в испытание, пытку.

06.07.2009

Читала о верованиях пруссов. Одна статья оказалась очень поэтической, как-то не поверилось. С этнологией и этнографией у нас на постсоветском пространстве не очень. Стагнация из-за отсутствия методологии. Но лошадиный череп на шесте, когда возникает опасность, — это интересно. И с предыдущими книгами было то же самое: информация не внушала доверия. Приходилось применять сравнительно-исторический и лингвистический метод. Но самое главное — истории из первых уст, то есть живая Этнография. Здесь с этим трудно. Придется поработать еще со словарями. Если имеешь дело с подсознательными реакциями, без мифологии не обойтись.

Да, еще священные камни, на которых сидела Лайма, богиня судьбы, и пряла нитки судеб. И не только она. Вот откуда у меня взялись Мойры. Это хороший признак. Значит, я чувствую ту землю, на которой стоит Кенигсберг. Придется заняться еще германской мифологией. Таков у меня странный подход — ходить вокруг да около, всегда находя действительно нужные вещи, разбросанные временем.

07.07.2009

Иван Купала и праздник Лиго. Поражаешься сходству украинского и балтийского обычаев. На Форуме вчера нашла очень интересные сообщения о язычестве пруссов и сделала вывод, что в Прибалтике лучше сохранились древние знания, менее подверглись христианизации. Мать рек, Мать леса, Мать поля. И у нас все это было.

Человек, разговаривающий на прусском языке, умер в 1980 году. Постараюсь сегодня стянуть словарь из Интернета. Еще — связи с Римом. Греки считали реку Преголю рекой вечности и забытья, так как она неизвестно куда впадает, попросту растворяясь в море. Понемногу начинаю чувствовать себя свободнее в окружении знаков и символов. Так было у меня с Шумером. Когда разговариваешь на том языке, на котором говорит мир, принявший тебя в качестве гостя. Языке, который включает в себя наречия камней, деревьев,

рек... Язык богов, он ведь существует на самом деле. Чтобы понять народ, надо понимать язык его богов.

Я сделала бы грубейшую ошибку, если бы писала о Кенигсберге, не познав сущность земли, на которой он стоит. Я чуть ее не сделала, но вдруг всплыли собиратели костей. Это судьба. Лайма-пряха.

08.07.2009

Написала страницу начала сна, и вдруг охватила такая тоска, словно это мне предстоит увидеть горящий в ночи город, который разрушит мою жизнь. Когда вот так внезапно перехватывает дыхание, надо немедленно остановиться и подождать. Творчеству не нужны лишние эмоции и волнения сердца.

Когда вечером писала статью о двух городах, заметила в процессе, сколько лжи налипло на простейшие факты. Сознание попросту отключается, принимая их за истину. Король Оттокар приводит с собой крестоносцев, и вместе с тевтонскими рыцарями они захватывают обыкновенное городище, а через некоторое время король решает построить крепость. Затем помощники уходят, напугав до смерти местное население, и тевтонские рыцари строят крепость для себя — будущий Кенигсберг. Какая выгода в том богемскому королю? И это механически повторяется во всех книгах. Очевидно, что это миф, то есть пиар XIII века.

Вся история состоит на 90 процентов из мифов и пиара.

Хотя могли существовать обеты. В Средние века это было очень распространенное яление.

09.07.2009

Мысли — не поезд, который надо ждать. Они прибывают в процессе работы. Когда я писала вчера статью о Львове и Кенигсберге, сделала для себя несколько важных открытий. О видимом Львове и невидимом Кенигсберге, например. И вдруг поняла, как будет трудно втиснуть в повествование все, что я хочу сказать. Вряд ли я прислушаюсь к голосу разума. Оно меня потащит в пустоши, болота, дюны, и неизвестно, что от меня останется. Дневник пытается меня сдержать, да он пригодится, когда зайду в тупик. Не имею привычки заглядывать в свои записи. Они уже и так в моей голове.

Мои знакомые писатели не рассказывают о том, что с ними происходит, считая, наверное, это неинтересным. Но мне кажется, что, когда пишешь, меняются даже твоя внешность и состав крови. Впрочем, неважно, напишу ли я этот роман. Моя жизнь изменилась благодаря Кенигсбергу. И увидеть его я не спешу тоже. Я и так его уже вижу. В дыму, в тумане, дрожащем от нагретого камня воздухе.

10.07.2009

Болезненное лето. Лето в болезнях и печалях. Что ж, не первый раз. Древний обычай приносить камни со своей бедой в одно место. Тысячи и тысячи камней, вобравших в себя страдания. Их бы очистить огнем, но они лежат сотни, тысячи лет в лесу, пока другие люди не забывают об их миссии и берут себе в качестве сувенира. Дьявольский замысел — отдать чужому свои несчастья. И в чем истинный замысел прусских ведунов и ведьм — неизвестно.

Все время думаю о проклятии «херем». Уничтожение Кенигсберга так похоже на «херем». Но разбрасывание камней наталкивается на собирание камней. Два обычая встречаются во времени и даже пространстве. Это слиш-

ком сложно предвидеть и понять. То, как влияет подобное столкновение на судьбу отдельного человека.

Мне некуда нести свой камень. Негде уберечь его от прикосновения чужой руки.

11.07.2009

Много людей говорят о Боге, молятся, опять говорят о добре, красоте, милосердии, интуитивно пытаясь разбавить грязь сознания вокруг себя. Этого очень мало. Нужны поступки, и самое главное — воспитание своим примером детей, взрослых и не взрослых. Представляю, каким ударом была для честных немцев ложь Гитлера и ложь Сталина. Какие раны души, какое отчаяние, внутреннее отчаяние, может, даже неосознанное. Пройдут века, прежде чем восстановится сама Германия. Сейчас она, словно наказанный ребенок, стоит в углу европейской цивилизации. Она уже осознала свои прегрешения. Другие нации даже близко не подошли к этому.

Попытка восстановить историческую справедливость по отношению к пруссам в среде калининградских интеллектуалов — как это хорошо, по-человечески, хотя это тоже можно испортить политикой.

12.07.2009

Обреченные люди в обреченном городе. Передать их ощущения несложно. Бывают случаи, когда хочется выйти из тела на свободу, если все в тебе. Но если оно и в тебе, и вокруг... Тогда выходишь в сон. Сны снятся, если остается хотя бы какая-то надежда. А если надежды нет, приходится умирать.

Мрачным покажется это тому, кто не доверяет себе. Кто не может найти другой выход, дверцу в подвале, заваленную досками и старым тряпьем.

Доверие к себе — это свет спасения.

13.07.2009

Деталь — словно дорожный знак. Ты поворачиваешь и понимаешь, что путь, избранный тобою, ведет в незнакомое место, надо возвращаться назад. Как-то я забыла о пепле, горячем и уже остывшем, где люди с пустыми глазами, с металлическим прутом или просто руками шарят в поисках реликвий. Они настолько сосредоточенны, что им легко выстрелить в спину. Или пройтись очередью из автомата. Они настолько безразличны к возможной смерти, что нет смысла их убивать. Из-за отсутствия страха они продолжают жить.

На самом деле они возвратятся после своих поисков в подземелья, примут яд и умрут возле своего господина. Верность всегда величественна, не имеет значения, кому она принадлежит: проигравшему или выигравшему.

Плен — бесчестие, и возвратившимся пленникам нельзя доверять.

Так было всегда. Самая главная задача человека — победить страх. Поэтому ритуалы инициации прежде всего проверяют способность преодолевать страх. Не имеет значения, женщина ты, старик или воин. Требования всюду одинаковые. Мы взрослеем всю жизнь.

14.07.2009

Город является символом культуры, хотя здесь не пашут и не сеют.

Чем же тогда является деревня? Прообразом культуры — теми семенами, из которых она произрастает? Колыбелью культуры, мутной тенью маргинальной культуры, помойкой культуры? Отчасти верно даже последнее.

Но село для меня — утерянный рай первозданной культуры, место, где человек становится естественным человеком. Никогда не слышала о философском исследовании деревни как такового явления. Почему-то я смотрю на город, охваченний пламенем, издали. А также изнутри. Хотя это заметно усложняет видение Кенигсберга.

15.07.2009

Дождаться ночи, чтобы отправиться в опасное путешествие по дремучему лесу своего подсознания. Это у нас общее. Цель этого путешествия — найти выход. Выхода нет. Проснуться, влачить жалкое существование и снова ждать ночи. Так поступают все.

Ночные кошмары по сравнению с дневными выглядят менее страшными. Хотя в действительности нами овладевают духи земли, воды и воздуха. Моральный инстинкт как защита срабатывает крайне редко.

19.07.2009

Три дня в доме, где никто уже не живет. По ночам просыпаешься, слыша отголоски странных звуков, и накатывает тоска, и мысленно продолжаешь роман. И в мозгу, как на подушке, впечатывается последняя его фраза. Но я не могу произнести ее вслух или написать. Магия слов — опасное дело. Кто держит наши души во сне? Какая сила? Ни добрая, ни злая. Что может дать художник миру? Только сакральные фразы, которые создает сам.

Твое предназначение — как его понять? Помогать другим найти выход, зная, что на самом деле выхода нет...

20.07.2009

Приходится жить одновременно в трех эпохах, переходить из одной в другую, видеть, как в одной сеют, а в другой собирают колосья. Ирония судьбы — земля Восточной Пруссии, столь гостеприимно принимавшая беженцев и эмигрантов со всей Европы, в середине 40-х годов XX века сама становится местом, откуда насильно депортируют жителей. Самых стойких и самых беззащитных. Хотя в такой расклад карт на Потсдамской конференции здравомыслящий человек мог бы сначала и не поверить. У каждого из нас своя логика.

Я впервые задумалась о том, что большинство людей никогда не покидают свое время и даже не представляют, что это возможно. Им все это кажется выдумкой. Но я реально ощущаю в руке ключ от железной двери, скрывающей вход в подземелья Кенигсберга. А на шее жемчужное ожерелье. И мне всего лишь 15 лет, столько, сколько было в 1945 году моей маме. Но одновременно я нахожусь в XIX веке и вижу ранним утром, как по мостовой проезжают тележки молочника и зеленщика, опрятные, чистые, с довольными лошадками, и вода сверкает в реке, блики ее ложатся на стены дома...

21.07.2009

Мертвые на улицах, словно спящие. Жизнь как сон, и смерть как сон. Пробуждение не обязательно. Это как проснуться среди ночи в темноте. Ослепительный блеск мысли — снова сон. С утра пошел дождь, а потом голубое небо отражалось в лужах. Как давно я видела это? Проснулась на мгновение и увидела.

Собиратели трупов и собиратели костей — какая огромная разница между ними. Первые принадлежат зиме, вторые — лету.

22.07.2009

Ночью приснилась бабушка, умершая много лет назад. Она родилась еще в позапрошлом веке. Будто она пришла, села и плачет за столом, о том, как тоскует по Украине, именно так она говорила. И мы растерянно смотрим на нее, ведь ей надо возвращаться. Бабушка никогда не плакала навзрыд. Только тихо. Каждый день в одно и то же время она вспоминала погибшего молодым старшего сына и плакала. И носила на груди единственную фотографию. У нее было пятеро детей, но ей не хватало именно его.

Даже во сне я ощутила всю тяжесть ее тоски, всю безысходность ностальгии. Может, это мне предупреждение? Что-то начинает сдвигаться во мне, ведь мой язык — это моя настоящая родина.

23.07.2009

Вчера подумала, что и я так: живу в подземелье, куда нет входа, с ключом от двери, и никто не знает, где я. Чтобы выйти, мне нужно долго идти во тьме, возможно, даже по лабиринту. И то, что в конце там — свет, но свет тоже может быть разным. Главное — не вспоминать ничего из прошлого, чтобы не разорвалось сердце. Что бы мы ни писали, мы всегда пишем о себе. Только так возможно отобразить мир.

Множество лиц, множество жизнеописаний — в конце концов тебя самое принимают за кого-то иного, разобьют зеркало твоего сердца всенародно, в толпе, и в осколках будут отражаться разные лица.

Утро творчества такое свежее, полдень такой слепящий, но сумерки — как граница между жизнью и смертью — пугающи.

24.07.2009

Небольшая книга Юрия Чернышова «Путешествие по Кенигсбергу», тоненькая, в яркой мягкой обложке. Становится жутко — все фотографии из досоветской эпохи и краски оживают только на раскрашенных открытках. Калининград знаменует начало эры мародерства и безнаказанного воровства, которая никак не может окончиться. Частицы Кенигсберга рассеяны по всему миру. Автор пытается собрать их вместе, как пазл, но картинка — это картинка, образы — это не сами вещи. Кенигсбергские кирпичи, камни, фарфор, книги в серебряных обложках, кресла, картины источают запах дыма, сажи, рыбы и водорослей. Они и в моем городе. Кенигсберг присутствует всюду. Весь мир состоит из обычных вещей и вещей из Кенигсберга. Но люди не знают об этом.

25.07.2009

Утомленная душа погружается в счастливый сон детства. Не было бы этого, мы бы умирали намного раньше. Вчера я никак не могла начать тот счастливый сон, пока не представила себе куст сирени с его темными листьями, резко контрастирующими с цветами. Этот мрак в средине куста. Впереди самое тяжелое — пройтись улицами Кенигсберга XIX века; даже решиться на это тяжело. Отчего-то по правую руку от меня всегда Прегель. Берега, одетые камнем. Я не знаю, как это — видеть из окна воду внизу, воду, омывающую здание. Для меня это всегда означает потоп, стихийное бедствие. Хотя воды я не боюсь, я всегда хотела видеть вокруг себя как можно больше воды. Я радуюсь половодью.

26.07.2009

Крест и меч — вот что такое 26 число. И хотя сей день — день Солнца, я родилась в день Сатурна. Вот такое мое счастье. Интересно, под каким знаком родился Кенигсберг? Составить бы его гороскоп. Думаю, это возможно. Потом посмотрю. С тех пор как День Львова стали праздновать в праздник Юра, город стал выглядеть более счастливым.

27.07.2009

Желтый свет ночного города. Я проснулась среди ночи, увидела его из окна и вспомнила чужие города. Желтый свет тогда был знаком одиночества и бесприютности. Пустота улиц. Бесконечность.

Разрушенный город, засыпанный пеплом и снегом, освещенный пожарами, — другого цвета. В нем больше страха, чем отчаяния. Он жаждет пустоты и рассвета. И еще черная бездна воды, по которой скользят отблески проезжающих машин. Здесь нет точки наблюдения, только точки попадания и прицела. Разве что Бог взглянет иногда и спасет несчастное человеческое существо от гибели.

28.07.2009

Недавно кто-то сказал мне, что нельзя написать сон, создать его своим воображением. Может, и так, но взяв одну деталь из настояшего сна, можно создать целый мир-сон. Когда я вчера писала роман, нужно было остановиться, и в небо XIX века ворвался самолет-истребитель. И мир распался.

Пока все, что я пишу, как разучивание музыкальной пьесы. То время, когда все звуки выстроятся в гармонический ряд, еще далеко.

Сегодня я поняла еще одну важную вещь. Роман будет закончен, когда сон станет невыносимым, и действительность тоже невыносимой. Тогда настанет момент примирения. И кончится внутренняя война, когда окончится война внешняя. Это и будет хлопок одной ладонью.

29.07.2009

«Страдания юного Вертера». Главный герой — сложный, непредсказуемый, полнокровный. Но другие — только через его поверхностные впечатления. А сами рассуждения — как они отличаются от рассуждений философов того времени, не имея другой цели, кроме как стать частью этого мира. Прекрасно место, где Гете описывает траву и все то, что в земле, тихую жизнь маленьких существ. Этот восторг перед жизнью, такой чистый, искренний. Магическая книга, ею можно только дышать, но не анализировать. Убийцы-литературоведы, как хорошо, что я вовремя свернула с этой дьявольской тропы. Увы, они делают то, что делают со старыми городами: строят башни и торговые центры на месте, где нельзя ничего строить, — в парках или на кладбищах. Они меняют облик мира, созданного чувствами или здравым смыслом, превращая все в вещи, приносящие прибыль. И защищают старый мир только безумцы, способные умереть из-за того, что их чувства поруганы и им не осилить одиночества.

30.07.2009

Чтение «Вертера» вызвало во мне непреодолимое желание уйти из дому куда глаза глядят, хотя бы на полдня, и насобирать ежевики, а в пути поразмышлять о разных вещах. Жизнь в «скворечнике» квартиры за невидимыми

городскими стенами временами вызывает сильное отвращение. Город разбросал свою паутину, паук повседневности напал на меня, укусил и ввел в состояние анабиоза. Поэтому и психология городского жителя мне незнакома, и я вижу город как бы со стороны. Как, впрочем, и село, что является, безусловно, очень выигрышным положением, помогающим почувствовать все изломы, изгибы и недоделки бытия.

31.07.2009

Представила вчера в лесу, что город, находящийся вдали, — Кенигсберг. Странное чувство, будто я и вправду приблизилась к этому городу, тем более что лес словно после бомбежки: ямы, траншеи, искалеченные деревья. В какое ужасное время мы живем! Поругание всего святого, гибель искусства, издевательство над природой. И полная безмятежность муравьев, которые тащат себе в норки добычу.

Отчуждение от духа города как целостного организма — и это произошло с двумя прекрасными городами, Львовом и Кенигсбергом. А печально мне оттого, что отчуждению предшествует отречение. Все равно, что за город на западе, лишь бы была в нем каморка для тебя.

01.08.2009

Жара истончила плотную материю лета, небо сменило цвет на более мягкий, и на моем столе впервые появился виноград. Не могу забыть вывороченные корни деревьев в лесу, ямы, где под тонким слоем глины и листьев — белый морской песок. Миллионы лет назад здесь было море.

Под тонким слоем обыденности в каждом человеке море чувств, где растворена соль его опыта.

Кажется, я начинаю строить Новый Кенигсберг в том опасном пригородном лесу. Взгляд мой все время обращен в ту сторону: трасса, за ней белая дорога, склады, кустарник, буковые деревья со светлыми стволами, повсюду разбросан мусор. В тех кустах, рассказывали, есть подземелья, похожие на бункеры. Постиндустриальные времена — ведь правда, они будут длиться теперь вечно?

02.08.2009

Куда же мне отправиться сегодня? В Кенигсберг 1845 года или пусть даже 44-го. Там нет ни Канта, ни Гофмана, да и буду искать не их, а некий дом. Он должен находиться в тесной улочке, похожей на колодец. Солнце туда никогда не попадает, и на нижних этажах не растут цветы. Жизнь там бледна и анемична. Начинается столетие чахотки. Поутру кашель некоего ребенка с ангельским личиком. Назойливый визг колес тележки угольщика, скользящих по брусчатке, гульканье голубей на крыше, потом стук деревянных башмаков по лестнице. Для живущего в этом доме у каждого звука есть конкретный адресат, для случайного же прохожего — типовое музыкальное сопровождение утра. Эти звуки слышны по всей Европе.

У меня же здесь — лишь пение птиц и приглушенный шум машин. Деревья беспорядочно машут ветвями, как капельмейстер Крейслер. Не выходи, не иди никуда, потому что это снова окажется не тем городом, прекрасно выглядевшим на горизонте, выставив напоказ все башни, флюгеры и увенчанные шпилями верхушки. Тебе не удастся притянуть сюда еще и резиденцию прусских королей. Только звуки человеческого быта и окна, бывшие когда-то

единственным местом развлечения у стариков и детей, ну и конечно, молодых девушек на выданьи.

03.08.2009

Утро и гроза. Как давно этого не случалось. Навоевавщись с утра, можно приниматься за дела мирные и скучные. Вчера начала писать *третью главу* и обнаружила, что две ведьмы из Макбета у меня уже есть. Осталось найти еще одну. Может, цыганку, может, медиума, хотя это не слишком оригинально. Может, это все-таки Парки?

Но надо опять возвращаться к прусской мифологии. В ней все дело. Это начало всех начал Кенигсберга.

Сжатая пружина, так что больно держать ее в руках. Боишься отпустить, потому что будет еще больнее. Поэтому я пишу очень мало и сильно устаю. Приходится сдерживать себя, чтобы слова не вырвались и не натворили беды. Неужели мои предчувствия верны, и это мой последний роман? Последнее волшебство.

05.08.2009

Дорожная карта тевтонских рыцарей. Они строили замки в Трансильвании в XIII веке, помогали венгерскому королю Андрею избавиться от половцев, потом были изгнаны им же и отправились завоевывать Балтию. Там они тоже строили замки, называя их теми же именами, например, Мариенбург. А тем временем в Польшу и Трансильванию хлынули орды монголо-татар, и некому было эти страны защищать. Мир тесен. Я не ожидала, что узнаю о замках-двойниках, как раньше не догадывалась о существовании Нового Кенигсберга. Люди приходят со своими порядками в чужое место — вот так и происходит глобализация мира.

08.08.2009

Среди вырезок из калининградских газет снова прочитала статью об изображении города в литературе. Главная мысль — Кенигсберг «неописуем». С одной стороны и Москва тоже неописуема, а с другой — когда представишь себе роман, автор которого ставит себе целью написание произведения о конкретном городе, все его герои будут искусственными, а это читателю не нужно. Это вроде как построить еще один город. Поэтому я отказалась от мысли писать о Кенигсберге. Меня интересуют даже не люди, проживающие в нем, то есть кенигсбергские типажи, а просто люди. Они живут себе, им снятся сны, и не город влияет на них, а они на него. Я хочу, чтобы читатель ощутил свою причастность к Кенигсбергу и мог войти в его ноосферу, как вошла я. Кенигсберг должен войти в сердце. Это и будет высшей магией — завоевать сердце человека. А не тайны Янтарной комнаты, оккультные рефлексии. Для этого мне надо просто оставаться собой, а не историком, туристом или мастером создания сюжетов. Кенигсберг должен меня принять так, как я принимаю его. Это будет честно.

Львов—Никополь,
апрель 2010 года.

Перевод с украинского Виталия ЩЕРБАКОВА.

Окончание следует.

Наум ГАЛЬПЕРОВИЧ

Вечности знак

* * *

Хвоя, муравьи и тихий бор.
День очередной солнцеворота.
Вся в движенье вечная природа.
Здесь мгновенны только мы с тобой.

Этот день — лишь маленький фрагмент,
Из извечной песни песней нота.
Нас отнюдь не жалует заботой
Времечко: идет эксперимент.

И готово в каждый новый век
Светлое мгновенье перелиться:
Хвоя, муравьи и бор, и птица,
И слеза-росинка на траве.

Монолог

Пропахли ветром и дождем
Твои застуженные руки.
Мы от разлуки до разлуки
Надеждой как-то доживем?

Пройду сквозь жар и сквозь мороз.
И оторвусь от злой погони, —
Чтоб, не скрывая счастья слез,
Припасть к теплу твоих ладоней.

Такая музыка была,
Таким повеяло покоем,
Что тяжесть вольного крыла
Почувствовал я за спиною.

И ночь густела тишиной,
Печальная, как эта осень...
Все вправду было то со мной
Иль нынче показалось просто?

* * *

Мы молчим, хоть чай, как прежде,
Пьем степенно за столом.
Отчего стучится реже
Праздник в наш с тобою дом?

Что ж, давно уже не утро.
И не лето за окном.
И молчат деревья мудро,
Синим скованные льдом.

Ну так что ж, затеплим свечку —
Станет легче на душе.
Помолчим. Еще не вечер!..
Хоть и сумерки уже…

* * *

Струны коснусь я осторожно,
Пусть задрожит легонько, пусть.
Пускай мне душу растревожит
И свет прольет. Струны коснусь.

Коснусь — ведь музыканта руки
Едва лишь трогают струну —
И порождают столько звуков!
И я коснусь. Смелее! Ну!..

Но я боюсь. Рука немеет.
А вдруг услышу снова ложь?
И тронуть я ее не смею,
Чтоб разбудить. И в пальцах дрожь!

Струна застыла в ожиданье.
И в страхе — вдруг не вспыхнет свет? —
К ней прикасаюсь, словно к тайне,
И молча слушаю ответ.

* * *

Вот и я. Как, листьями шурша,
Ветер зло буянит на дорогах!..

Боже, как болит моя душа!
Но ведь я дошел, я — на пороге.

Вот и я. Вы примете меня?
Я устал, я так спешил, я падал.
Вот ожоги-язвы от огня,
Вот следы от молнии и града.

Я дошел. Как здесь у вас светло!
Как огонь сверкает и искрится!
Вот оно — спасенье и жилье.
Я дошел. Дадите мне напиться?

Рассказать вам, сколько я терял,
Сколько бед оставил за спиною,
Сколько я тепла души отдал,
В чем неправ был я и в чем виновен?..

Я стою. А предо мною — вы.
Я дошел. Могло ли быть иначе?
Я снимаю шапку с головы
И соленых слез уже не прячу.

* * *

А. Коновалову

Но этих птиц никогда не бывает!
Эти цветы видит только один…
Дух одиночества скорбно витает
На вернисаже печальных картин.

Ах, как избавиться хочется все же
От огорчений, безрадостных слез!
Дух одиночества душу тревожит.
Кто его в сердце однажды принес?

Может, и впрямь избавляться не нужно,
Если не сладить с тоскою никак?
Небо и россыпи тучек жемчужных
Перед глазами, как вечности знак.

* * *

Страшные игры, жестокие дети…
Что же так грустно на нашей планете?
Разве затем поселил нас Господь,
Чтоб истязали мы душу и плоть?

Горечь полыни, пронзающий ветер…
Страшные игры, жестокие дети…

* * *

У ветра спросить хотел,
Как он узнает меня
Под вечер, устав от дел,
И в самом разгаре дня?

Зачем он под грозный свист,
Под тучи крылатой взмах,
Уносит кленовый лист,
Что был у меня в руках?

Зачем он, продув насквозь
И душу мою, и плоть,
Не спрячет наплывших слёз,
Что мне не перебороть.

* * *

А жизнь, как странное кино,
Из тайных сложенная снов,
Хмельная, будто бы вино.

Она, как давняя вина,
Безжалостная, как война,
Шершавая, как та стена.

Жизнь — дней безрадостных гурьба
И по-над озером верба,
И вьюги за окном гульба,

И затухающий костер,
И ветра с тишиною спор,
И страсти с болью разговор…

Такое странное кино…
Такая давняя вина…
Такая тайна и судьба…

Перевод с белорусского Елизаветы ПОЛЕЕС.

Елена КРЕСС

Букет сирени

Рассказы

Последняя капля

Есть в Центральном районе города Минска улица Нововиленская. Эта небольшая улочка была застроена унылыми двухэтажными домами, стоящими в тени пыльных старых лип. Архитектурных шедевров и достопримечательностей на ней отродясь не бывало, если не считать достопримечательностью Минскую птицефабрику, которая, как сказано у Ильфа и Петрова, «воздуха не озонировала», а совсем даже наоборот. Но люди ко всему привыкают. А народ улицу Нововиленскую населял разнообразный, попадали в эти двухэтажные бараки не от хорошей жизни, а когда негде было жить. Условия здесь были спартанские, не все могли с ними мириться. Самые невероятные истории случались на улице и во дворах этих домов. Об одной из них я хотела бы рассказать.

Он проснулся от неприятных звуков, раздававшихся прямо у него над ухом. Как будто кто-то пилил стекло. Волосы на руках и ногах моментально встали дыбом, его нервные окончания не переносили этот звук. Немного поразмыслив над тонким устройством человеческого организма (где уши, а где волосы), он полежал с закрытыми глазами и попытался снова уснуть. Но только на него стало наплывать сладкое сонное облако, как отвратительный звук повторился снова. Резко сев на разложенной тахте, которая стояла прямо под окном, он раздвинул шторы и выглянул на улицу.

На улице разгорался июльский день. Два окна его маленькой квартиры выходили прямо на уличный тротуар, а сама квартира находилась на первом этаже двухэтажного кирпичного дома, длинного, скучного, не имеющего ни лоджий, ни балконов. Под его окнами еще в незапамятные времена кто-то написал неприличное слово, которое он старательно закрасил желтой масляной краской, когда получил эту квартиру, и это художество было единственным украшением здания.

Город был пуст в эти часы, рабочий день уже давно начался, да и сезон отпусков давал о себе знать. Прохожих практически не было. На тротуаре напротив окна сидел облезлый серый кот и с наглым кошачьим превосходством рассматривал его.

Котов он не любил. После того как маленький пушистый котенок Федор, подаренный его жене, вырос и оказался беременной кошкой, коты ассоциировались у него с тяжкими испытаниями. Кошка Федор, разродившись в положенный срок, принесла в дом шестерых котят. Котята росли, пищали,

требовали еды, гадили, и пристроить их в хорошие руки оказалось очень трудным делом. Кошку, очень любвеобильную, тоже пришлось отдать в деревню родственникам.

Но кроме серого кота на улице, больше никого не наблюдалось. С неприязнью подумав, что звук, разбудивший его, мог исходить от этого животного, он упал на подушку и закинул руки за голову. Вставать было еще рано. Отработав ночь, он надеялся выспаться, благо семейство отсутствовало, жена на работе, дети у бабушки. Но раз уж его разбудили, придется одеваться и идти в туалет. Для похода в туалет одеваться было обязательно.

Строение, обозначенное буквами «М» и «Ж», находилось во дворе дома, метрах в пятидесяти от подъезда, свет в нем то горел, то не горел, убирали его крайне нерегулярно, и это было излюбленное место обитания окрестных крыс, потому что несмотря ни на что помещение отапливалось в холодное время года. Однажды зимой, когда свет в туалете не горел, он и наступил в темноте на крысу.

Кстати, многие жители дома избегали посещений столь небезопасного и неприятного места и пользовались услугами парка, раскинувшегося неподалеку, особенно в летнее время. В парке же имелось и озеро, в котором некоторые, экономя деньги, совершали банно-прачечные процедуры. Горячей воды, ванной или душевой в квартирах тоже не было.

Звонок в дверь заставил его отвлечься от грустных раздумий о благах цивилизации. На пороге стояла соседка Валюша в засаленном халате, рваных тапках и неком подобии банта на нечесаных волосах. В глазах ее застыла вселенская скорбь. Стеснительно прикрывая щербатый рот, она попросила хлебушка. Валюша никогда не бывала трезвой. Плавно переходя от состояния легкого опьянения до полной отключки, организм ее иногда требовал еды. Чаще всего еды в доме не оказывалось, многочисленные собутыльники сметали все. Деньги были потрачены на спиртное, ибо, как известно, закуска градус крадет. И тогда Валюша шла по соседям.

Ближайшими соседями была его семья. Несмотря на то, что соседство это никак нельзя было назвать удачным, в хлебе Валюше не отказывали. А денег она никогда не просила. Наверно, заранее знала, что не дадут. Ее друзья иногда звонили в дверь и предлагали купить то кочан капусты, то кабачок. Както раз, открыв на звонок дверь, он увидел измученного похмельем мужика, держащего в руках женские сапоги. Можно было только догадываться, где они брали эти вещи. Покупать у них ничего ни в коем случае было нельзя, иначе поток страждущих увеличился бы в несколько раз, да и воспитание не позволяло.

Иногда ночью раздавался стук в окно, и темные личности нетрезвыми голосами требовали продать им самогон. В то, что самогона нет, верить они отказывались и долго канючили под окнами, мешая спать.

Со стороны дверей все тоже обстояло не совсем благополучно. Однажды, когда он был на работе, огромный пьяный мужик пытался выломать входную дверь, утверждая, что в квартире находятся его жена с любовником. Дверь трещала, но не поддавалась. Переговоры длились долго, трудно, но в конце концов увенчались успехом. До мужика дошло, что адрес не тот, и он ушел искать нужный ему дом. После этого случая двери в квартиру укрепили железными штырями, а жена начала продумывать планы эвакуации детей: в случае нападения на дверь — в окна, в случае проникновения через окно — через дверь. На милицию надежды было мало, для того, чтобы ее вызвать, нужно было бежать в конец квартала, где находился телефон-автомат.

Весь этот коммунальный рай назывался «подменный фонд». Название говорило само за себя. Это была подмена. Подмена настоящей, цивилизованной, благоустроенной жизни жизнью в этих двухэтажках, построенных, по слухам, пленными немцами после войны. Какому сумасшедшему проектировщику пришло в голову лишить эти дома элементарных удобств? В те времена строились здания, архитектура которых впоследствии будет названа «сталинской». Квартиры в них отличались высокими потолками, широкими коридорами, просторными комнатами и большими окнами. И все, что нужно для нормальной человеческой жизни, в них имелось. Но это в центре. А «подменный фонд» находился на бывшей окраине. Своеобразная «Воронья слободка». Никто и не думал, что дома простоят столько времени и окажутся в Центральном районе столицы.

Народ попадал сюда не от хорошей жизни. Если в хрущевке проживало человек десять и спальных мест на всех не хватало — был шанс получить «подменку».

«Подменка» представляла собой однокомнатное помещение тридцати метров, где зона кухни без окон была отделена от жилой зоны фанерно-стеклянной перегородкой. В квартире имелись электричество, газ и холодная вода. Жилую комнату в своей квартире они разгородили на две: в «зале» спал он с женой, «спальня» досталась сыновьям, кровать там пришлось поставить двухъярусную, места было в обрез. И все-таки на первых порах они были счастливы, это было их личное, отдельное жилье.

Публика в доме проживала разношерстная. Половина соседей числились в друзьях у Валюши. Любители выпить находили друг друга буквально на следующий день после заселения в квартиру. Новоселья отмечали с размахом и молодецкой удалью. Когда на второй этаж, в квартиру непосредственно над ними, въехала молодая семья, никто не мог даже представить себе, что на новоселье муж в пьяном угаре выбросит нетрезвую беременную супругу в окно. Грохнувшись на восьмом месяце беременности со второго этажа, жена отделалась выбитыми зубами и через месяц родила вполне здорового младенца.

Адекватные соседи, пожив в «подменках» какое-то время, правдами и неправдами стремились вырваться в нормальные условия жизни, пьющие — оставались, превращаясь в старожилов и не имея ни желания, ни возможности куда-либо переехать. Из восьми квартир их подъезда таких было пять.

Они с женой тоже думали над вариантами переезда в благоустроенное жилье, и сейчас, разглядывая Валюшу, под левым глазом которой красовался желто-синий старый фингал, он опять остро почувствовал необходимость перемен. Сыновья росли в неблагополучном окружении, жена жила в постоянном страхе, и бомж, поселившийся под лестницей, тоже не добавлял оптимизма.

Время в размышлениях пролетело незаметно, пора было собираться на работу. Уже вошло в привычку перед выходом на улицу смотреть на температуру «за бортом». Снаружи к оконной раме был прибит гвоздиками копеечный градусник, который исправно показывал температуру окружающей среды. И сейчас, думая, как одеваться, он подошел к окну и выглянул наружу. Градусник отсутствовал.

Еще не веря своим глазам, он посмотрел на другую сторону окна, вверх и вниз, как будто градусник мог оказаться в другом месте по собственной прихоти. Ничего подобного. Мало того, на прежнем месте нахождения градусника остались гвоздики и пластмассовые дужки, а сам градусник исчез. Впрочем, он не сильно расстроился, просто немного удивился незначительности кражи

и недоумевал: кому мог понадобиться градусник без креплений? Но мало ли для каких нужд его хотели использовать…

Выбросив проблему из головы (да и не проблема это была вовсе), по дороге на работу он зашел в магазин и купил новый градусник. Все-таки температура за окном была важна для их семьи.

Вечером к ним в гости зашли друзья. Обязательным атрибутом дружеских посиделок была гитара. Песни под гитару любили все. Пели много, душевно, а когда собрались расходиться, обнаружили аудиторию благодарных слушателей, расположившуюся у них под дверью, на лестнице. Раздались аплодисменты и нетрезвые крики «Бис!». Оказывается, пять квартир тоже были неравнодушны к романсам.

Провожая гостей, он захватил с собой купленный градусник, гвозди, молоток и прибил его гораздо выше первоначального места, так, на всякий случай.

Через день градусник исчез.

Все повторилось. Гвоздики, крепления на месте, градусника нет. Крепления обрезаны чем-то острым, скорее всего, ножом. Кто мог затеять с ним эту дурацкую игру? Кому были нужны градусники и для чего? История стала напоминать пародию на детектив. При том, что нормальный человек дотянуться до градусника не мог, надо было обязательно на чем-то стоять, чтобы его срезать. Представить себе кого-то, стоящего на лестнице и деловито срезающего градусник, было тяжело. Но когда таким же образом исчез третий градусник, по всем законам детективного жанра он решил устроить засаду.

Купив очередной термометр и под покровом ночи тщательно прибив его к оконной раме, с утра он затаился в квартире и стал ждать. Не имея возможности целый день находиться возле окна, время от времени отлучаясь, когда возвращался, он был уверен, что градуснику уже приделали ноги. Но не тут-то было! Градусник гордо висел на своем месте.

День прошел в томительном ожидании. Засада оказывалась неэффективной. Жена подозрительно посматривала на него, он ходил мрачный, разочарованный тем, что никто не покушался на его градусник. Утро не принесло облегчения, термометр висел там же, настроение было испорчено, вставать с постели не хотелось.

Уставившись в потолок, он старался не думать о градуснике, и вдруг его ухо уловило тот самый неприятный звук, который разбудил его несколько дней назад. Железо по стеклу! Его передернуло, захотелось сразу выглянуть в окно и узнать, что там происходит. Но торопиться было нельзя. Засада есть засада. Затаившись за плотно задернутыми шторами, он ждал. Звук повторился снова, и еще, и тогда он осторожно посмотрел в щелку.

Непонятно, что он ожидал там увидеть, может быть, мальчишек-хулиганов, но картина, открывшаяся его глазам, была удивительна. Под окном стоял старый убогий дед в ватнике и зимней шапке, несмотря на летнюю погоду. В руках он держал некое приспособление, напоминавшее железную клюшку для гольфа на длинной ручке. Загнутым концом клюшки он аккуратно и сосредоточенно спиливал новый градусник.

Медлить было нельзя. Пилить деду оставалось немного.

Быстро натянув майку и штаны, он выскочил на улицу и подбежал к старику. Увидев его, дед не растерялся, вынул из кармана засаленного ватника раскладной нож, раскрыл его и приготовился к бою. Градусник он собирался защищать с оружием в руках. Ничего подобного от старика он не ожидал. Но такая наглость привела его в бешенство. Тем более что дед размахивал

раскладным ножом направо и налево, как в плохих боевиках. Ситуация была комичной. Драться с дедом ему не позволяла совесть, стариков не бьют, оставить все как есть тоже было невозможно. Одной рукой он держал деда за шиворот, другой отобрал у него нож. Дед сучил ногами, норовил ударить его, кричал тонким голосом «Убивают!», шапка слетела с его головы, открыв потный череп с редкими седыми волосенками.

Вокруг начал собираться народ. Симпатии были не на его стороне. «Что ж ты, гад, старика обижаешь?» — слышалось в толпе. Кто-то предложил вызвать милицию, чтобы прекратить это издевательство молодого здорового мужика над беззащитным старым человеком. Объяснять людям, в чем на самом деле состоял конфликт, было бесполезно, они его не слушали, видя только внешнюю сторону происходящего. Дело принимало совсем другой оборот.

Забрав в качестве трофеев «клюшку» и нож, он отпустил деда и вернулся домой. Толпа, постояв немного на тротуаре и обругав современную молодежь, тоже разошлась. Дед, натянув ушанку, шустренько убежал первым.

Дома он внимательно рассмотрел рабочий инструмент, с которым старик ходил на дело. «Клюшка» была сделана мастерски, с очень острым отточенным обоюдоострым лезвием. Подход к срезанию градусников был весьма серьезным. Для чего они понадобились деду в таком количестве, так и осталось тайной. Старик больше не появлялся. Недорезанный градусник остался висеть на своем месте.

Через два месяца они переехали в другую квартиру, со всеми удобствами. Первое время никак не могли привыкнуть к тому, что для посещения туалета не надо одеваться по-уличному, и радовались горячей воде, текущей из крана. Но к хорошему быстро привыкаешь. Сейчас уже и непонятно, как без этого можно было жить?

«Клюшка» при переезде потерялась, но осталась стойкая уверенность в том, что история с градусниками была последней каплей, переполнившей чашу их терпения.

Не было бы счастья, да несчастье помогло.

История одного букета

В незапамятные времена, а если точнее, больше ста лет назад, в самом начале двадцатого века, в уездном городе Рославле Смоленской губернии проживал молодой инженер-железнодорожник Михаил Иванович Зуев. Парень был видный, красивый, с усиками, подстриженными по моде того времени. Работал, встречался с барышнями, поругивал царя и правительство, а в 1905 году даже оказался членом социал-демократического кружка города Рославля, чему свидетельством стала фотография, запечатлевшая трех самоуверенных, довольных жизнью молодых людей в форменных мундирах.

По делам служебным ездил Михаил Иванович в командировки, и в том числе в уездный город Карачев Орловской губернии, где и был представлен Ольге Семеновне Ситниковой, девице серьезной, но не лишенной романтизма, на каковую произвел неизгладимое впечатление своим бравым видом, великолепным мундиром и усами.

Ольга Семеновна тоже была не просто так себе девица, а из древнего купеческого рода. Она была образованна, закончила институт благородных девиц, любила стихи Анны Ахматовой, особенно стихотворение «Течет река неспешно по долине, пятиоконный на пригорке дом…». Название города Карачев в

переводе с тюркского означает «Черный лес». И то правда, лесов в те времена было видимо-невидимо, и дед Ольги Семеновны, по фамилии Путивцев, был крупным лесопромышленником. Население города быстро росло и в начале двадцатого века составляло больше двадцати одной тысячи человек. Надо сказать, что последующие войны и революции изрядно потрепали и уменьшили население города, и только через сто лет его численность достигнет того же уровня. Но тогда город процветал, и вместе с ним росла и процветала семья Ситниковых, у Ольги Семеновны было двенадцать братьев и сестер.

Предложение руки и сердца не заставило себя долго ждать, и хотя брак с приезжим железнодорожником был мезальянсом для семьи Ситниковых (отец Михаила Ивановича владел только лишь скобяной лавкой в Рославле), но время было неспокойное, шла Первая мировая война, женихи погибали на фронте, можно было и в девках остаться, посему согласие родителей невесты было получено.

Не откладывая дело в долгий ящик, мать невесты Марфа Кирилловна, в девичестве Путивцева, со слезами на глазах благословила молодых иконой Иверской Божией Матери, после чего они обвенчались в Соборе Архангела Михаила, стоящем на берегу реки Снежети, и благополучно отбыли на родину жениха.

В положенный срок молодая жена родила сына, которого в честь любимого мужа назвали Михаилом, Михалочкой.

Семья жила в доме родителей, у Михаила Ивановича имелся еще младший брат Федор. С рождением ребенка в доме стало шумно и тесно. Отец решил отделить старшего сына. Раздел произошел далеко не мирным путем, хотя из-за чего поссорились отец со старшим сыном, история умалчивает. Возможно, из-за политических убеждений, отец и младший брат Федор были сторонниками царской семьи.

Михаил Иванович купил добротный дом у купца Поросятникова и перевез его на выделенную отцом землю. И стали бы они с женой жить-поживать и добра наживать, да не тут-то было. Грянула Октябрьская Социалистическая революция, и все покатилось в тартарары. В этом хаосе были только две незыблемые вещи: семья и дом. Дом стоял, сын подрастал.

Вот только Ольга Семеновна из-за нервных переживаний заболела туберкулезом и совсем было уже вознамерилась умирать, даже фотографию свою сыну подписала с прощальным напутствием.

А в то время проживала в Рославле немка по фамилии Зонтах. Знатная была травница. Как она в Рославль попала, никто не знал. Но многие пользовались ее услугами. К ней Михаил Иванович и пошел на поклон. Время было тяжелое, никаких лекарств не достать. А Зонтах приготовила какую-то темную настойку в бутылке, заткнула тряпицей и сказала, как принимать. Рецепт никому не рассказывала, помощница у нее была, думали, перед смертью она ей рецепт передаст, но — нет, унесла тайну с собой в могилу.

А Ольга Семеновна принимала ту настойку исправно, да и выздоровела. Как не было туберкулеза. И одна бутылка с темной жидкостью у нее осталась, так, на всякий случай, вдруг Мишенька, сынок, заболеет. Детей у Ольги Семеновны больше не было. То ли болезнь дала осложнения, то ли еще что, но только Михалочка — единственный свет в окошке.

Мужа на Гражданскую войну не мобилизовали. Служил он по-прежнему на рославльском железнодорожном узле, и участие его в социал-демократическом движении не прошло незамеченным, назначили его начальником железнодорожных грузоперевозок. Человек он был опытный, ответственный,

образованный — кто, как не он? При такой должности вступление в коммунистическую партию было обязательным условием.

А тут и лихие тридцатые подоспели. И началась великая чистка. Арестовывали всех по малейшему подозрению, по доносу, расстреливали без суда и следствия, люди в своих домах боялись сказать лишнее слово. А Ольга Семеновна — верующая. Иконы, и в том числе венчальную Иверскую Божию Матерь, привезенную с собой из Карачева, пришлось спрятать на чердаке, закопать в опилки.

Но Господь был милостив к семье Зуевых. Сталинские репрессии не коснулись их дома. Михалочка рос послушным, умным, любящим сыном, хлопот родителям не доставлял, учился хорошо. Мать не могла нарадоваться на него. Так и жили втроем, отец с утра до вечера на работе, кроме дел железнодорожных выбрали его депутатом Рославльского городского совета. Мать — на хозяйстве. Дом, сад-огород, живность кое-какую завели. Сын Михаил окончил школу, потом железнодорожный техникум и уже работал. Высокий, красивый парень, с густой гривой темных волос. Девчата засматривались.

Лида Голосова работала мастером дорожного строительства. В ее подчинении были одни мужчины. На перекрестках каких дорог встретились они? Что увидал Михаил в черных глазах Лиды? Но только вскоре привел он в родительский дом молодую жену. Прошу любить и жаловать — Голосова Лидия Михайловна.

Родителям невестка не понравилась. Хоть и советское время, а опять мезальянс. Девушка воспитывалась у бабушки по фамилии Фокина. Фамилия в Рославле известная, до революции Фокины богатыми были, свои конюшни имели, к слову сказать, в одной из них сейчас местный кинотеатр находится, под названием «Октябрь». Но то до революции… А сейчас? Отец Лиды — темная лошадка, по семейной легенде — цыган. Со своей женой Якубовой Анной Васильевной трех детей нажил, Лиду и двух ее братьев, но не смог жить семейной жизнью, воли захотел, ушел — куда? Никто не знает. В небо.

Жена его, Анна, поплакав и погоревав, вышла замуж за человека по фамилии Григорьев и уехала с ним в Москву. Лиду оставила на попечение бабушки Фокиной. Лида рано стала самостоятельной, поступила в строительный техникум, ушла жить в общежитие. А тут красавец Михаил, единственный сын уважаемых родителей, большой дом, хозяйство. И конечно же, любовь.

Жить с родителями мужа оказалось несладко. С работы пришлось уволиться, Михаил ревновал молодую жену к сослуживцам. Крутилась целый день по хозяйству, помогала свекрови, Ольга Семеновна губы поджимала — все не так.

В 1937 году родилась старшая дочь. В честь свекрови ее назвали Ольгой. В 1939 году родилась вторая дочь — Милочка. Девочки были похожи на отца, бабушку Олю и друг на друга. В доме стало шумно, весело. Дом просторный, всем места хватает, бабушка с дедушкой внучек обожают, балуют.

И тут — война. Немцы быстро продвигаются вглубь страны, скоро будут рядом с Рославлем. Михаил Иванович занимался эвакуацией железнодорожного узла. Его семью эвакуировали в город Касли Челябинской области. По дороге Михаил свалился с брюшным тифом, и его пришлось оставить на какой-то станции в лазарете. После выздоровления он с огромным трудом разыскал свою семью, которая ютилась в маленьком домике с земляными полами на окраине города, устроился на военный завод. Законы военного времени были жесткие. Однажды за опоздание на одну минуту его чуть не отправили под трибунал. Пожалели только из-за троих малолетних детей — к тому

времени в эвакуации родилась дочь Раиса. Три года борьбы за выживание, и наконец, возвращение домой.

До Рославля добирались неделю. Военные эшелоны спешат на запад, но железнодорожное сообщение восстановлено еще не полностью. Товарняки, приспособленные под пассажирские поезда, часами стоят на запасных путях. Еды, воды нет, дети плачут. В одну из многочасовых стоянок Михаил Иванович пошел искать воду и вернулся, ведя за рога упирающуюся козу. Коза бегала по железнодорожным путям и жалобно блеяла. Назвали козу Милка. Теперь у детей было молоко. Если бы у Зуевых был герб, на нем с полным правом должна была красоваться коза. Она стала воистину спасительницей семьи.

Вот, наконец, и Рославль. Место, где находится дом Зуевых, называется Юр-гора. На Юр-горе стоит Храм Петра и Павла, переделанный в советское время в склад, и от него видна вся улица Пушкина, бывший Мглинский большак. Семья застыла у храма: улицы нет, стоят лишь обгорелые остовы домов. И — чудо! Окруженный сгоревшими домами, стоит их дом, невредимый, с закопаной в опилках на чердаке венчальной иконой Иверской Божией Матери.

И потекла река времени дальше. Посадили новый сад, кусты роз, сделали качели для детей, сарайчик для козы Милки. На берегу речки Глазомойки три сестры по очереди пасли козу, глаз с нее не спускали. Михаил Иванович и Ольга Семеновна старели, сестры подрастали. Детей на улице было много. Послевоенное детство было голодным, тяжелым, но веселым. Война закончилась. Сталин умер, началась хрущевская оттепель. Все ждали и верили только в хорошее. Девочки заканчивали школу, когда, как гром среди ясного неба новость: Лида беременна. Четвертый, последыш, — может быть, сын?

Родилась дочь. Назвали Наташей. Черноволосый, черноглазый бесенок, единственная из всех сестер похожая на мать, любимица отца. Она смешно не выговаривала букву «К», вместо нее говорила «Т»:

Тупание, тупание,
Полный дом народу,
Целая томпания
В тухне греет воду.

Когда ей исполнилось три года, три старшие сестры уже учились в Смоленске в институтах, двое — в педагогическом на математическом факультете, и одна — в медицинском, на лечебном. Натуся осталась из детей в доме одна, сестры приезжали только на каникулы.

А вскоре Милочка закончила медицинский и вышла замуж. Парень тоже учился в Смоленске, в физкультурном институте. Был он родом из Белоруссии, из города Бобруйска. Звали его Иван. Высок, красив и в придачу ко всем достоинствам — хорошо готовит. Какие драники он жарил девчонкам в общежитии из белорусской картошки! Сердце Милочки не камень, поженились они в городе Горьком, где Милочка работала по распределению, а через год у молодой пары родилась дочь Елена. После четверых дочерей Михаил надеялся на рождение внука, но на свет опять появилась девочка.

Смесь кровей произвела на свет существо непоседливое, капризное, с вьющимися светлыми волосами и наивными голубыми глазами. Она рыдала, слушая детскую песенку про букашечку с оторванными крылышками, и била сачком для ловли бабочек свою прабабушку Ольгу Семеновну, потому что та не разрешала ей шалить. Больше всего на свете она обожала сметану, ела ее большой ложкой, и поэтому получила прозвище «бобруйская сметанница».

Наташа была старше племянницы на шесть лет, Лена обожала тетку и старалась во всем ей подражать. Рославльский дом как будто специально был создан для детских игр и развлечений, в нем было множество укромных уголков. Сад манил качелями, бочкой, в которой плавали тритоны с белыми брюшками в яркую крапинку, во дворе сидела умная овчарка Динка, стояли клетки с кроликами, ходили куры, по утрам пели петухи. Дом имел уютный внутренний дворик с «приделом», пристройкой, в которой на полках и верстаке лежали дедовы инструменты, и девочкам казалось, что если хорошенько поискать, то там можно найти все что угодно — например, даже клад.

На чердаке был свой отдельный мир, пронизанный теплыми солнечными лучами, в которых весело плясали пылинки, с коробками, наполненными старыми книгами, любимые из них прочитывались каждый год заново, как, например, «Динка прощается с детством».

На качелях можно было качаться до одури, распевая во все горло песни, а потом упасть в душистую траву и валяться, нежась на солнышке и поедая яблоки, вкуснее которых не было на свете. Можно было забрести в малинник и есть ягоды прямо с куста.

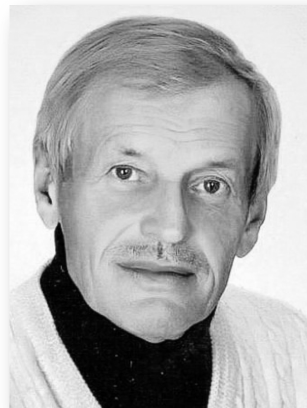
Как и три старшие сестры, Наташа поступила в институт, но не в Смоленске, а в Москве. Поэтому домой она приезжала только на каникулы. Племянница тоже подрастала и с завистью смотрела, как тетя собирается на танцы. У Лены было выходное красивое платье с синими цветами по подолу, и она мечтала появиться в нем на танцплощадке. Девочка жаловалась бабушке на свою горькую судьбу, и бабушка Лида попыталась уговорить младшую дочь взять племянницу с собой на танцы. Но Наташа была неумолима. Что скажут друзья, если она приведет с собой девчонку в детском платьице?

Надежды рухнули. Наплакавшись, Лена посмотрела передачу «Спокойной ночи, малыши» и села у окна с книгой, ждать возвращения жестокой тети. Пусть хотя бы расскажет, как там и что. Дедушка Миша был в отъезде по делам, бабушка, закончив возиться по хозяйству, легла спать.

Наташа вернулась около двенадцати часов ночи. Быстро перекусив, девочки поболтали немного и собирались уже ложиться спать, как вдруг в тихом ночном доме раздался громкий звук дверного звонка. Все вскочили с кроватей и бросились к окну. Но у входных дверей никого не было и на вопрос «кто там?» никто не ответил. Дрожа от страха, они вернулись в спальню, когда громкий дверной звонок повторился снова. Тут уж стало совсем не до сна. Окно в сад темнело пугающей чернотой, свет не зажигали, бесшумно передвигаясь по комнатам. Наташа взяла на себя роль защитницы семьи и, вооружившись отцовской берданкой, затаилась в засаде возле окна. Но звонки больше не повторялись. Бабушка Лида ушла в спальню и увела с собой дрожащую внучку, которая, чтобы страх поскорее прошел, моментально уснула, а Наташа охраняла их сон с оружием в руках.

Утром в солнечном свете все выглядело совсем не так страшно, как ночью, поэтому решились выйти и посмотреть, что там, за дверью. Открыв ее, они обнаружили на крыльце дома огромный букет сирени. Цветы влажно блестели на утреннем солнце. Три женщины восхищенно смотрели на букет, доставленный таким романтичным способом. Кто их принес и кому? Конечно же — Наташе, читалось в глазах у бабушки. Лена тоже понимала, что цветы принесены не ей, и немного завидовала тетке.

А может быть, это подарок Дому, в спальне которого, в красном углу, висит венчальная икона Иверской Божьей Матери. Неисповедимы пути Господни.

Юрий МАТЮШКО

И нежность, и любовь…

* * *

В черном небе звездам стало тесно,
Запестрел от блесток небосклон.
Появился Сириус над лесом,
И сместился выше Орион...

Жду тебя, наверно, больше часа
И гадаю: выйдешь или нет?
А в твоем окошке все не гаснет
Чересчур обманный желтый свет.

Пробирает холод, ноги млеют,
На окошко зря глаза глядят...
На тебя сердиться не умею —
Остается злиться на себя.

* * *

Непомерную грусть я, наверное, перетерплю,
Хоть она растекается, трезвые мысли губя.
Ни стихов, ни цветов я тебе никогда не пришлю,
Ни к чему тебе знать, что стихи я писал для тебя.

Мне часы одиночества хочется нынче спалить,
Но для встречи с тобою не сделаю шага вперед.
В печке дым обвивает горючие мысли мои.
В печке пламя гудит, норовя улететь в дымоход.

Память, память, душевную смуту затронь,
Воскреси ощущенье забытого мною тепла.
Вспоминать о любви — все равно что смотреть на огонь,
Сознавая, что после останется только зола.

Нет пространства, что раньше вмещало тебя и меня.
Я исчез, я пропал, от тебя, от себя убежал.
Кто-то, странно похожий, глядит на причуды огня.
И ему для огня самых лучших поленьев не жаль.

Осенний поцелуй

Уже не те деньки, уже не те минутки,
Что впереди тебя так весело бегут...
Осенний поцелуй! Ты детище рассудка,
Но как же ты хорош для неспешащих губ!

Запаздывает свет в окошко хмурым утром.
Глаза в глаза — и с плеч сползает шаль...
Осенний поцелуй! В тебе таится мудрость
И нежность, и любовь с возможностью дышать.

Осенний поцелуй... спокойное, иное,
Сравнимое с теплом хороших новостей...
Осталось лишь гадать, наступит ли весною
Накал высоких чувств, до выплеска страстей.

* * *

За оконным переплетом — утро серое, как пепел.
Настроенье — как у волка, отлученного от стаи.
Долго тянутся минуты, почему-то мир не светел.
За окном моим сегодня день никак не наступает.

За окном моим сегодня оживать не хочет ветер.
То ли умер, то ли просто не хватает сил для вздоха.
Без надежды, по привычке, вскрою почту в интернете.
Там письмо... А это значит — в мире все не так уж плохо!

* * *

Наступили дни чересполосные,
Мы с тобой живем в пространстве осени,
Там, где листопад фальшивым золотом
Украшает землю перед холодом.

Серыми осиновыми листьями
Старые дорожки осень выстлала,
А теперь к тебе тропинку новую
Устилает листьями кленовыми.

В октябре погода перебесится,
Выплачет дожди в начале месяца,
А потом без жалости попробует
Напугать нас первыми сугробами.

Пусть ветра колючие стараются
Нас заставить осенью раскаяться,
Но не смогут бедствия природные
Повлиять на чувства всепогодные.

Мне не спится

Мне не спится этой ночью.
Время не идет вперед.
Скорый поезд прогрохочет,
Следом туча громыхнет.

Капли капают все реже
С приопущенных небес.
Поезд ночь лучом разрежет,
Уходя за дальний лес.

Птица крикнет, ветер дунет,
Нет претензии к судьбе.
Остается только думать,
Только думать о тебе.

Мы ни в чем с тобой не схожи.
Вечно порознь ты и я,
Но представить мне не сложно
В этом поезде тебя.

Быт мой вовсе не роскошен,
Но вокруг покой и тишь.
Может быть, ты из окошка
В мою сторону глядишь.

Туманный стих

Непостижима для ума
Утрата жизненных реалий.
В тумане плавали дома,
В тумане люди проплывали.

Терялись всякие слова
О том, что приключилось с нами,
Когда кружилась голова
От поцелуев и касаний.

И было как-то все равно —
Текут минуты или сутки,
Когда туманность за окном
Стирала контуры рассудка.

* * *

Когда душевный сбой
Поднимет муть досады,
И всюду тупики,
И перспективы нет,

Я говорю с тобой,
Как будто вижу рядом.
Я говорю с тобой —
И возникает свет.

Простая слововязь
О несуразном прошлом.
Неспешный разговор
О разной ерунде.
Я говорю смеясь
И знаю: ты смеешься.
Но здесь я и сейчас.
А ты-то, ты-то где?

* * *

Охмурила меня весна.
Провела меня, дурака.
Потерялся я в трех соснах,
Заблудился я в трех строках.

Не хватает теперь трех нот,
Трех аккордов и пары крыл.
Кто сознанье мое встряхнет,
Чтобы я о тебе забыл.

От тебя исходящий свет
Ослепил до слезы в глазах.
Не могу тебе дать ответ —
Не умею двух слов связать.

* * *

Март подытожил череду утрат:
Сугробы сникли, вывелись метели...
Но вот сегодня, с самого утра,
Шел мелкий снег, и ели поседели.

Нет признаков прихода перемен,
Когда все ожидания напрасны.
По-прежнему в душе туман и тлен,
И ясно то, что ничего не ясно.

Останется, разглядывая муть,
Не находить приемлемых решений,
И думать про египетскую тьму
Нечаянно возникших отношений.

Владимир ЛАНДЕР

Восхождение на театральный Эверест

Документальная повесть

Возвращение к родным пенатам

Когда занавес с широкой бахромой понизу медленно стал открывать сцену, я как бы оторвался от земли и, завороженный, завис над ней, оказавшись в одухотворенном мире, в другой реальности, в гуще вымышленных событий спектакля, которые, однако, в это время мне были намного ближе, чем мои земные заботы.

Актеры вышли на поклон, и я, как и весь внушительных для районного городка размеров зрительный зал театра, заполненный с приставными местами до отказа, долго аплодировал и искренне радовался очередному режиссерскому успеху этого необычного лицедейства. После поставленных молодым режиссером нескольких ярких спектаклей в разных театрах взыскательный и критичный театральный бомонд республики уже во весь голос заговорил о появлении на сценическом небосклоне новой восходящей режиссерской белорусской звездочки. А мне Михаил Ковальчик уже тогда представлялся матерым драматическим «прорабом», который для строительства спектакля не по возрасту умело и смело управлял не только актерами, но и сценографами, художниками, музыкальными оформителями, костюмерами — огромной армией работников сцены. Он поразительно быстро и точно схватывал авторские задумки, мастерски выражал их через художественные сценические образы, как опытный специалист на большой стройке умело читал рабочие чертежи будущего здания, и его режиссерское видение уже возводило «скелет» задуманного спектакля. Молодой постановщик вдруг заговорил собственным театральным языком, который и определил его стиль в искусстве: бережное отношение к авторской драматической литературе, к образным изобразительным средствам, к точному и понятному зрителю музыкальному сопровождению спектакля. Своими способностями и творческим чутьем он уже в то время многих маститых постановщиков ставил просто в тупик...

Через года два мы встретились в Харькове. Михаил Ковальчик привез сюда свой Бобруйский театр на гастроли. Гастрольное турне артистов небольшого белорусского города в бывшей столице Украины, где больше двух миллионов жителей и знающая толк в искусстве, взыскательная публика, избалованная большим репертуарным выбором и встречами с артистами мирового уровня, проходило весьма успешно. Весть об особенностях формы спектаклей и стиля их подачи с белорусским колоритом, о доходчивости театрального языка распространялась быстро. Михаил Станиславович Ковальчик был каждый день в центре внимания и своих коллег по сценическому цеху, и журналистов. Его «завалили» вопросами на пресс-конференции, которую открывал заместитель

мэра города. Интересовались самим театром, актерами, репертуарной политикой, вниманием местных зрителей и властей, предстоящими планами. Газета «Вечерний Харьков» поместила интервью с главным режиссером и артистами, давала зарисовки о ведущих актерах, лестные рецензии на спектакли и благодарные отзывы зрителей.

Ковальчик явно не ожидал такого радушного приема, уважительного отношения любителей сцены Харькова к своему театру. И это его окрыляло. Теперь он мечтал со своим очень разносторонним творческим коллективом создавать на сцене не только драматические, но и музыкальные постановки, иметь в театре артистов балета и хора, музыкантов, и даже репертуар музыкальных спектаклей давно продумал.

Мы «увековечили» себя на фоне памятника Тарасу Шевченко в парке и тепло расстались.

После этого я Михаила Ковальчика потерял из вида. Наши профессиональные интересы были не только в разных ведомствах, но и в разных городах. Я был твердо убежден, что способный и перспективный молодой режиссер уже давным-давно обустраивает сценическую площадку в каком-либо солидном театре белорусской столицы. И как же был удивлен, когда узнал, что ему «помогли» не обустроиться, а с обидой и душевной травмой «вывалиться» из белорусского театрального гнезда. Его просто вынудили «гнездиться» далеко за пределами своего Отечества.

Думается, близорукие домашние чиновники от культуры даже не заметили беглеца, потому что своим самобытным и перспективным творцам они просто не доверяли и были озабочены поиском «варягов». А те, словно бабочки, легко и без каких-либо обязательств пересаживались из кресла в кресло наших театров, чтобы после очередного выгодного предложения также легко «улететь» из Беларуси, оставив после себя шлейф театральных проблем: кадровых, репертуарных, этических, психологических. В общем, в то смутное перестроечное время у нас не оценили, не поняли, не поддержали воспитанного белорусской национальной сценической школой одаренного театрального специалиста Михаила Ковальчика. Но его приняло в свою большую и дружную семью российское театральное сообщество. Ему там сразу же поверили, поддержали, а позже и довольно высоко оценили.

Больше двадцати лет Михаил Станиславович бороздил российские театральные просторы. Там он сразу же поменял свое амплуа и осуществил давнюю мечту: занялся режиссурой музыкальных спектаклей. Он стоял у руля творческого процесса сначала Красноярского театра музыкальной комедии, потом — Пятигорского и Волгоградского. На его счету почти три десятка поставленных спектаклей, которые до сих пор украшают репертуар российских театров. Он работал в связке с лучшими либреттистами, композиторами, дирижерами, дружил с известными писателями России, входил в состав Правления Российского театрального общества. Он не только сам много учился, но и учил молодых россиян постигать сценические секреты музыкальных театров: возглавлял кафедры актерского мастерства в музыкальных училищах, был доцентом кафедры режиссуры и актерского мастерства Волгоградского университета искусств и культуры. И как результат, Владимир Владимирович Путин подписал Указ о присвоении белорусскому специалисту звания «Заслуженный деятель искусств Российской Федерации».

Михаил часто появлялся в Минске. В Барановичах живут его родные брат и сестра, племянники, в Минске — сын, внуки. И вообще, Беларусь — это

родная земля, о которой он никогда не забывал. Каждый раз, бывая в нашей столице, он предлагал Министерству культуры свои услуги и был готов возглавить любой музыкальный театральный коллектив. Терпеливо ждал ответа и сокрушался: «Почему я не нужен своему Отечеству?»

А не так давно позвонил и сообщил: «Знаешь, старик, я уже в должности главного режиссера Минского музыкального театра, и даже поставил свой первый спектакль «Свадьба в Малиновке». Приходи на премьеру». И я пришел. Удобно устроился в первом ряду, но меня все время не покидало какое-то тревожное предчувствие.

Вспомнились те далекие, лихие, на редкость бесшабашные 90-е годы, когда можно было просто захлебнуться от хлынувшего потока всяких вымыслов и пасквилей. Едва ли не все прежние достижения стали огульно охаивать, «разоблачать», «развенчивать», нагло «переписывать» страницы прожитой истории целого поколения людей. Поэтому перед премьерным спектаклем мне было как-то волнительно: а вдруг и в белорусское искусство через открытые границы заползли чуждые нам микробы театральной вольности? Ведь оперетту, созданную композитором Борисом Александровым и драматургами-либреттистами Л. А. Юхвидом и В. Я. Типом еще в 1937 году, можно было уже не раз перелицевать и обновить, как поношенный прапрадедовский сюртук.

И когда на сцене появились Яринка и ее жених Андрейка, староста дед Нечипор и Яшка-артиллерист, пан-атаман Грициан Таврический и его адъютант Попандопуло, когда в зрительный зал полетели крылатые фразы типа — «И шо я в тебя такой влюбленный…», «Убери ножичек, сделаешь дырку — потом не запломбируешь» или «Скидавай сапоги, власть переменилась», я почувствовал себя в том самом знакомом с детства украинском селе Малиновка, где во время гражданской войны часто менялась власть: то придут махновцы, то — петлюровцы, то — красные... Ведь оно было не так далеко от Харькова, в котором прошла моя юность, а имя харьковчанина Леонида Юхвида было у нас на слуху.

Еще звучали последние аккорды оркестра, а зрительный зал взорвался громом оваций. Зрители добрых полчаса стоя аплодировали, выкрикивая «Браво!», — не хотели отпускать их со сцены. Позже театральные критики признают, что этот спектакль стал заметным событием в театральной жизни Беларуси. Отметят его необычную и пластичную сценографию, которая ранее никогда не приходила в голову ни одному постановщику этой оперетты. Действительно, сперва на сцене появляется огромная мельница, которая как бы «перемалывает» судьбы людей того тревожного времени. Потом она превращается в Дворец, где проводится «свадьба». Раз идет война, значит, там стреляют, поэтому появляется что-то вроде тира. И таких эффектных и выразительных образных аллюзий в спектакле немало. Но это было — потом. А сейчас критики вместе со зрителем искренне радовались и восхищались. Произошло настоящее братание актеров со зрителями.

И пока Михаил Станиславович Ковальчик выводил на авансцену актеров на поклон, мне показалось, что публика просто истосковалась по настоящей классике театра, которую, оказывается, еще с молодости бережно пронес через всю свою жизнь, сохранил и проповедует сегодня этот уже слегка поседевший, но бодрый и энергичный маэстро сцены.

Возвращение сына Отечества в родные пенаты для белорусских театралов оказалось действительно заметным событием.

Всяк своего счастья кузнец

Было уже поздно. Миша возвращался домой, как говорится, навеселе. Они с пацанами частенько за разговорами потягивали легкое болгарское вино. Тогда им, уже работающим ученикам вечерней школы, никто не мог помешать чувствовать себя вполне взрослыми, у которых от самостоятельности «крышу сносило». Обычно Миша поражал сверстников своими познаниями в области кино и мог с увлечением говорить о нем часами. В кинематографическом седле он держался уверенно и обычно размахивал своей юношеской эрудицией, как потомственный казак шашкой. Все знали, что он собирался снимать фильмы еще с шестого класса.

В середине 1957 года вдруг раздвинулся «железный занавес», и в Москву со всего мира съехались десятки тысяч молодых иностранцев на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. От этого остолбенели не только иностранцы, но и советские люди. Все газеты и журналы открыто намекали, что пришла долгожданная «оттепель» и что лозунг фестиваля «За мир и дружбу» сделает нашу жизнь открытой миру.

В Барановичах напротив Мишиного дома и недалеко от кинотеатра «Октябрь», как раз в самом центре города, казалось, с прошлого века стоял видавший виды старейший в городе газетный киоск, а в его витрине на самом заметном месте красовался яркий журнал «Советский экран». На обложке обернутая кинолентой с перфораторной дорожкой огромная ромашка, в крупных лепестках которой улыбающиеся разноцветные «дети разных народов». Миша выскреб из карманов всю свою скудную наличность, крепко зажал журнал в руке и, возбужденный, побежал домой. С упоением читал и о фестивале, и о фильмах, вышедших на экран, и об их создателях — режиссерах, кинооператорах, актерах. Отныне каждый месяц под разными предлогами выпрашивал у мамы деньги на очередной журнал. Он просто бредил фильмами, не только читал и перечитывал журналы, но и с одним из закадычных друзей по четыре раза на день без билета прорывался в кинотеатр. Однажды их поймали, крепко надрали уши и выставили на улицу. Когда он в кинотеатре уже работал киномехаником и рассказывал об этом коллегам, ему говорили: «Ну, сейчас смотри столько, сколько душе угодно, сколько терпения хватит». И он смотрел. «Судьбу человека» — три сеанса, а это не меньше шести часов. Музыкальный фильм «Возраст любви» с Лолитой Торрес — несколько сеансов. Правда, плохие фильмы — не больше одного раза.

И вдруг в детскую голову пришла мысль, что создавать фильмы и снимать кино — это хорошая профессия. Вот только с другом-не разлей вода Борей Левым, с которым все годы сидели за одной партой, никак не могли договориться, какая специальность лучше — режиссер или кинооператор. Да, режиссер управляет постановкой и решает, *что снимать*, а вот кинооператор отвечает за изображение фильма, значит, он решает, *как снимать*. В общем, режиссер отвечает за творческую часть кино, а кинооператор — за техническую. После недолгих споров друзья решили, что будут операторами. Но прежде всего надо было заиметь фотоаппарат. Такая покупка грозила заметной пробоиной в семейном бюджете. Мария Казимировна была явно озадачена: все-таки после внезапной смерти мужа работала за небольшую зарплату одна, пыталась из последних сил прокормить и поставить на ноги троих детей, а аппаратура тогда стоила немалые деньги. Но понимала, что кредитует будущее сына. Поэтому собралась с духом и купила Мише фотоаппарат «Смена». Еще и сегодня в семейном альбоме хранятся детские

снимки — Миша возле дома, у кинотеатра, на камне у реки, босыми ногами в воде, которые сделал его «Сменой» Боря.

Возле здания народного театра, которое в Барановичах почему-то прозвали «драм-сарай», может, потому, что оно, построенное еще, как говорится, при «царе Горохе», было одноэтажное и деревянное, Мишу неожиданно что-то «тормознуло»: то ли монотонный скрежет металлической тарелки скупого уличного фонаря, который раскачивался на легком ветру, то ли листочек рядом с афишей предстоящего спектакля «Юность отцов», которого еще днем не было. Оказалось, приглашали желающих стать актерами народного театра. Указывались даты и время прослушивания «новобранцев». Миша усмехнулся и сказал себе: «Вот уже завтра и прослушаюсь».

Утром он еще раз удостоверился, что не ошибся, решительно потянул на себя массивную дверь и переступил порог театра. В тот день он еще не осознавал, что совершил самый важный поступок в своей жизни, который в корне перевернет вверх тормашками не только его внутренний мир, изменит характер, окружение, увлечения, склонности, но и выведет на неведомую ему доселе стезю, вложит в руки компас, с которым ему предстоит выбираться по всякого рода житейским ухабам и колдобинам, бытовым извилинам к вершинам профессионального и творческого совершенства. В этот день он навсегда приковал себя мощными цепями к колеснице прекрасной Мельпомены, и еще не зная последствий, добровольно подался в рабство Ее Величеству — покровительнице театрального искусства. С этого дня сцена театра станет смыслом его жизни, его судьбой, его отрадой и болью.

Встретила Мишу Елена Антоновна Абрашкевич. Она бегло окинула его оценивающим взглядом с ног до головы, как будто примеряла на главную роль в спектакле, приветливо, но чуточку иронично улыбнулась: «Да каким же ветром занесло в нашу скромную обитель это юное дарование — попутным или случайным, может, просто мимо проходил?» А дарованию сразу же вспомнилась самая первая встреча с театром. Когда в Барановичах гастролировала труппа из Минска, учительница повела свой класс на представление: дети хоть и малые еще, но пусть начинают приобщаться к прекрасному и вечному. И до сих пор помнится тот бой — автоматные выстрелы, взрывы гранат и снарядов, команды, крики, суета людей: применение пиротехники было продумано эффектно и умело. Он привык все это видеть только в фильмах про Павку Корчагина, Чапаева, двух смелых бойцов — все-таки выросли на этих картинах, а тут — прямо на сцене, совсем рядышком с его креслом в зрительном зале. Это его ошеломило и озадачило, но вот загадка, как ноющая заноза, долгие годы не давала покоя сознанию: как же такое возможно на сцене? Театр для него был тайной за семью печатями, над которой сейчас появилась возможность чуточку приподнять завесу. Елена Антоновна только вздохнула и попросила что-либо почитать. Миша предложил несколько новых стихов модных тогда, дерзких и смелых «шестидесятников» — Евгения Евтушенко и Андрея Вознесенского. После чего она сказала: «Для начала неплохо. Жду вас завтра на занятия». И школьник Миша Ковальчик был зачислен в группу чтецов.

Елена Антоновна оказалась в той крохотной актерской «могучей кучке», которая осталась в городе после расформирования драматического театра, когда упразднили Барановичскую область. Почти вся труппа перебралась в Брест, а вот они, очевидно, здесь пустили корни глубже всех и не стали разрушать свои насиженные гнезда. Каждый нашел себе по душе и способностям пристанище и весь рабочий день не отходил от «трудового станка» — кто в

Доме пионеров, кто в типографии, кто в школе, кто в Доме культуры, а вечером — ноги сами несли по привычке на сцену, где их всегда ждал Николай Игнатьевич Сченснович на репетицию очередного спектакля.

Вообще, Николай Игнатьевич до войны служил в Театре имени Янки Купалы. Заслуженный работник культуры Белорусской ССР. В первые годы оккупации Минска выполнял рискованные задания подпольщиков, а вот в партизанском соединении, которое базировалось в Налибокской пуще, не только воевал, но и занимался своим профессиональным делом. Он создал постоянно действующую артистическую труппу из тех, кто мало-мальски знаком с театральным искусством и не тушевался перед зрителями. А сам был и режиссером, и актером, и даже драматургом. В перерывах между боями самодеятельные артисты учили роли и репетировали. Потом, положив рядом оружие, с песнями, танцами, скетчами, памфлетами выступали с импровизированных сцен перед партизанами и населением тех деревень, которые находились в зоне соединения. В состав соединения входило с десяток разбросанных по пуще партизанских отрядов, и труппе везде надо было побывать. Такое «гастрольное турне» с нехитрым инвентарем по дремучему лесу, непроходимым болотам и трясине, через реки и речушки, которые, словно вены, испещрили пущу, на подводах и пешим ходом с боевым оружием — дело не из легких и не для хилых. После таких переходов молодые валились с ног, а что уж говорить про возрастного их руководителя. Нет, жизнь в лесу, в окопах, в длительных и изнурительных переходах Николаю Игнатьевичу была знакома еще с Первой мировой войны. Правда, ему тогда было 20 лет, сейчас — уже за 50. Но свои слабости он никогда не афишировал, трудности переносил мужественно.

После войны Николай Игнатьевич Сченснович бросил свой якорь в Барановичах, этот якорь здесь так и «заилился» до конца его жизни. Но не смутила старого актера потеря театра. Он тут же создал при Доме культуры обычный театральный кружок. Когда на очередном конкурсе его участники показали по-настоящему масштабный спектакль «У купальскую ноч», по произведению Янки Купалы, где ярко предстали мифологические образы белорусской легенды, а действие дополняли и хор Дома культуры, и танцевальная группа, и эстрадный оркестр, а профессиональное мастерство исполнителей просто поразило театральное сообщество. Министерство культуры БССР и Белсовпроф присвоили коллективу звание «народный», а лучшим кружковцам вручили удостоверение «Артист народного театра». Так в городе появился новый театр — народный. Однако кто-то все равно считал, что это уровень обычной самодеятельности. Действительно, костяк профессиональных актеров окружали просто любители искусства и даже школьники. Некоторым преданности искусству надолго не хватило. Но талантливый актер и режиссер сумел в маленьком городке сделать настоящий театр-студию, в котором все штатные единицы — и художника, и ассистента режиссера, и заведующего постановочной частью, и заведующего костюмерным цехом, и даже машиниста сцены, заняли в основном, как говорится, «комсомольцы-добровольцы», однако с богатым багажом знаний и опытом театральной деятельности. Спектакли были такого уровня, что главному режиссеру разрешалось привлекать консультантов. Когда, например, ставился спектакль Николая Погодина «Цветы живые», консультантом по образу В. И. Ленина был народный артист СССР Павел Степанович Молчанов.

Это была хоть и провинциальная, но все-таки театральная мини-школа, где желающие, в основном молодые ребята, проходили два этапа — сначала

учились понимать логику поэтического и драматургического произведения, а те, кто выдерживал этот утомительный марафон постижения азов удивительной и сложной профессии, получали роль в спектаклях. Потом они прямо на сцене отшлифовывали тонкости актерского и сценического мастерства, вызывали эмоциональное потрясение в спектаклях по пьесам любимых классиков драматургии — М. Горького, А. Островского, В. Голубка, К. Гольдони, В. Билль-Белоцерковского, У. Шекспира. И как вдохновенно, искренне, мастерски это делали! Им так нравилось стоять на сцене, чувствовать живое дыхание зала, держать зрителя в напряжении. Ведь для молодых обычная школа — повседневность, а театр — настоящий праздник. С этих сценических подмостков сходили люди с совершенно другой духовной начинкой, потому что театр — это искусство, которое учит быть настоящим человеком, учит тонко чувствовать и сопереживать, совершенствовать себя и подниматься над своими слабостями, привычками. Еще Вольтер говорил: «Театр поучает так, как этого не сделает толстая книга».

Николай Игнатьевич Сченснович был преданным сцене актером и умным, проницательным педагогом, психологом, да и просто замечательным, неравнодушным человеком с горячим сердцем, которого в народном театре все любили и боготворили. Он понимал, что начинающему актеру одним поспешным поступком можно нанести душевную травму и убить мечту о сцене. Поэтому он не спешил новичков вводить в спектакли. Их сначала пропускали через сито группы чтецов, где Елена Антоновна с особым тактом и терпением оттачивала мастерство владения словом, «вычерпывая» из подопечных все их актерские таланты и способности.

Миша Ковальчик именно тут узнал, что между словами «артист» и «актер» есть отличия. Оказывается, артист — понятие довольно емкое. Это творческая личность, связанная с каким-либо видом искусства, направленного на публику: музыкант, певец, танцовщик, фокусник, юморист. А вот актер — это виртуоз перевоплощения, то есть человек, примеряющий на себя в театре, кино, литературных монологах образы своих драматических героев: сегодня — помещик, завтра — холоп, потом мавр Отелло, партизан, фашистский каратель, передовик производства. Он и не представлял, как сложно быть другим человеком, у которого должны быть и говор, и лицо, и одежда, и походка, и манеры поведения, и характер такими, какими его «увидел» драматург. Чтобы этот типаж «создать», следовало не один раз прочитать пьесу, в которой уловить период его жизни и атмосферу того времени. Чаще всего приходилось находить характерные детали в исторической литературе, а уж потом продумывать, как выразить мимикой, жестами, движениями, интонацией, скажем, удивление, гнев, радость, возмущение и еще какие-то чувства своего героя. Елена Антоновна всегда говорила: «Артистом может быть любой, а вот актером — лишь от… — и показывала указательным пальцем на небо, пытаясь не выходить из рядов атеистов. — Артист — это состояние души, а актер — профессия». Миша уяснил, что актерская игра — сложное искусство, но оно ему пришлось по душе, и он старательно проходил «курс молодого бойца», чтобы скорее попасть на сцену. И такой случай вскоре представился.

Как-то пригласил его в репетиционную комнату ассистент Николая Игнатьевича, усадил перед собой, сам устроился в кресле, с такой доброй, ласковой улыбкой посмотрел на Мишу и говорит:

— Ну что, «повелитель сцены», давай знакомиться. Меня зовут Вячеслав Сергеевич Киселев, а для тебя — просто Слава. Расскажи чуточку о себе.

— А я Миша Ковальчик, заканчиваю девятый класс. Хочу снимать кино. Раньше мечтал стать оператором, сейчас передумал — лучше быть, мне кажется, все-таки кинорежиссером.

— Ты умница, если знаешь, чего хочешь!.. — оживился Слава. Одобрительно похлопал его по плечу и продолжал: — О таких, как ты, один римский консул — это дипломат, защищавший интересы государства за рубежом, звали его Аппий Клавдий, мудро заметил: «Всяк своего счастья кузнец». А чуть позже наш коллега, актер и комедиограф Тит Макций Плавт уточнил, что способностью ковать себе счастье обладает только мудрый. Поэтому, будешь ты снимать кино или нет, все зависит только от тебя самого, если, конечно, у тебя хватит на это мудрости. Жаль, но здесь мы тебя этому не научим. Советую — закладывай фундамент для своей мечты на нашей сцене. Кстати, ты знаешь, что почти все знаменитые кинорежиссеры были актерами театров. Какой фильм тебе нравится?..

— «Судьба человека»…

— Так вот, к твоему сведению, его снял Сергей Бондарчук, который долгое время был театральным актером. Школьником он посещал театральный кружок, закончил Ростовское училище и играл в драматических театрах Ейска, Грозного, Москвы. В фильме «Молодая гвардия» снялся первый раз уже в зрелом возрасте. Его участие в фильме «Тарас Шевченко» понравилось даже Сталину. И только в 1959 году, обрати внимание, в 39 лет, состоялся его режиссерский дебют. Он снял твой любимый фильм «Судьба человека», в котором блестяще сыграл еще и главную роль. И такая судьба почти у всех кинорежиссеров. Запомни, театр — это не просто школа, а целый университет — кладезь разносторонних знаний для тех, кто хочет посвятить себя искусству. В театре «зарыто» столько профессий — копай, не ленись, и ты обязательно найдешь свою — по душе.

Слава о театре говорил с таким восторгом, что Мише показалось — перед ним открылась толстенная Энциклопедия, где было много нового, интересного и все так просто, понятно, доступно. Слава, словно школьный учитель, пытался, как мог широко и доходчиво, раскрыть Мише истинную сущность театра, «вложить» все то, что знает, в его еще хрупкое сознание. Очень хотелось, чтобы этот способный мальчишка полюбил театр так же фанатично, как любил его он.

Слава Киселев на сцене с третьего класса. Однажды он шел после уроков мимо «кошкиного дома» — так почему-то называли Дом пионеров, который разместился в бывшей польской школе, а там из окошка в сумерках полыхал такой яркий свет, что мальчишеское любопытство взяло верх. Когда он заглянул в него, то «прилип» к стеклу в неописуемом восторге надолго. Там шел, по-видимому, чистовой прогон спектакля «Город мастеров», потому что дети были в костюмах, на сцене стояли декорации, в полупустом зале — тишина. Домой пришел возбужденный, но очень поздно, за что и схлопотал взбучку. Утром мама отвела Славу к Татьяне Петровне Романи, которая вместе с мужем Валентином днем вела драматический кружок, а вечером они были заняты, как и все члены «могучей кучки», в каком-либо спектакле. Способный и смышленый юный актер быстро получил роль принца в «Золушке», потом — сказочника в «Снежной королеве». А роль Александра Матросова — это его гордость. Как же, он на сцене носил настоящий автомат, хотя слабенькие детские руки такую тяжесть еле держали.

Пройдет не так уж много времени, и Вячеслав Сергеевич Киселев вместо Татьяны Петровны возглавит драмкружок Дома пионеров, а полученные

когда-то от этих мудрых педагогов азы театральной науки сам будет передавать местной детворе. К примеру, Слава Майоров, который сыграл немало ролей в детских спектаклях «Королевство кривых зеркал», «Волшебные кольца Альманзора», закончил ГИТИС и связал свою жизнь с искусством. Молодого театроведа с феноменальной памятью и глубокими знаниями оставляли в Москве читать историю театра в этом же театральном институте, но — затосковал по родному белорусскому краю и уехал в провинцию, возглавил народный театр Лиды.

Конечно, на спектакли народного театра Слава Киселев ходил часто и бесплатно на правах преданного зрителя и потенциального члена труппы. Его всегда завораживала шумная театральная суета, аромат закулисья, невероятно теплая обстановка в актерской среде. Он с юношеским максимализмом идеализировал все это. И когда после седьмого класса его зачислили в драматическую группу, готов был делать все, что нужно театру: мастерил мебель, обшивал матрацы, делал лыжи, из алюминия отливал чугунки, вместе с Николаем Игнатьевичем готовил к спектаклям декорации. Так по ступенькам и карабкался на театральные подмостки. Способность перевоплощаться и входить в образ позволила ему со временем сыграть самых разных персонажей — и начальника, и сына, и агента по снабжению, и капитана 3-го ранга, и английского офицера-десантника, и даже обершарфюрера СС Шмидта в единственной пьесе Эриха Мария Ремарка «Последняя остановка». Ему удалось показать мерзость войны, которая кованым сапогом растоптала его детство, заставила голодать, мерзнуть, испытать чувство страха. Война застала семью в родном городе Озеры под Коломной, недалеко от Москвы. А когда Слава стал пухнуть от голода, младшие сестры забрали их в Москву, где тетка Анна Клименко работала в НКВД. В конце 1944 года ее назначают начальником исправительно-трудовых колоний и лагерей Барановичской области, и она с собой увозит семью Киселевых. Вот так Слава, как случайный метеорит, свалился на Барановичи в морозном январе 1945-го.

Слава Киселев был старше Миши Ковальчика на семь лет. Он окончил школу, попытался штурмовать актерский факультет ВГИКа, где ему намекнули, что для этой профессии он чуточку сутуловат, прошел закалку в армейской среде и теперь готовился посвятить свое будущее режиссерской профессии. Поэтому охотно и с энтузиазмом помогал главному режиссеру театра работать с актерами. Конечно, Слава был более опытным, мудрым, авторитетным, и Миша ему очень доверял, к его мнению прислушивался, ценил бескорыстную дружбу с ним.

Когда встреча в репетиционной комнате вроде бы подходила к концу, Слава как-то осторожно попытался конкретизировать разговор:

— Я смотрю, что ты, Миша, у нас в Доме культуры попробовал себя почти во всех кружках, даже играешь на аккордеоне в эстрадном оркестре Йогана де Клерка, и этот «летучий голландец» о тебе высокого мнения. С твоими способностями прочит в профессиональные музыканты. Все понимаю — это был период твоего поиска. Ты сегодня стоишь как бы на «перекрестке семи дорог». Думаю, пора уже сделать выбор, по какой пойти. А то, как сказал один мудрец: «Если не знаешь, куда плывешь, ни один ветер не будет попутным». Выберешь театр, предложу для начала маленькую роль отпетого разгильдяя в деревенской комедии…

И Миша Ковальчик окончательно выбрал сцену. Так с легкой руки Славы Киселева у него «покатили» премьеры. И каждая — событие не только для

самого Миши, но и для театра. Он даже был удостоен чести носить звание «Артиста народного театра». Особенно радовался удачам начинающего актера режиссер-постановщик Николай Игнатьевич Сченснович. После каждой премьеры он всегда встречал, обнимал еще не вышедшего из образа Мишу и вручал ему программку с какими-то теплыми, добрыми словами. Они, как зарубки на дверном косяке, говорили о росте актерского мастерства молодого артиста. Если в ноябре 1960-го после комедии А. Н. Островского «Без вины виноватые» Николай Игнатьевич на программке напишет: «Миловзорову-Ковальчику. Поздравляю с премьерой», то в июле 1962-го от спектакля Вадима Собко «Красная линия» режиссер-постановщик уже будет в восторге: «Ивану Губатову-Ковальчику на память о премьере. Спасибо за хорошую работу. Думай, наблюдай и помни, что источник всякого искусства — это жизнь».

Михаил Ковальчик считает, что его успешное актерское становление — заслуга Славы Киселева. Они вместе разбирали тексты пьес — пытались понять авторскую задумку, характер персонажей, их говор, манеру поведения, чтобы заглянуть во внутренний мир своего героя. Они вместе предлагали разные наброски мизансцен. Он привел его в компанию барановичских интеллектуалов, которые были одержимы искусством. Ребята жили поэзией, музыкой, театром, обсуждали кинопремьеры и спектакли местного народного театра, писали сценарии каких-то сюжетов и готовили театральные этюды. Центром такой необычной в провинциальном городке «богемной жизни» стал Владислав Леонов. Он появился незаметно, когда его мама, бывшая актриса Черниговского музыкального театра, вышла на пенсию и переехала в Барановичи. Мама пополнила актерский состав народного театра, а Владислав поступил в МГУ на филологический факультет и уехал в Москву. Но через три года болезнь заставила прервать учебу и вернуться домой. Вот тогда-то вокруг него и стали кучковаться любители, как раньше говорили, изящных искусств. Благодаря Владиславу Миша узнал, что французский энциклопедист Дени Дидро стал прародителем драматургии. Раньше у классического театра была межа между трагедией и комедией. Трагедия — жанр для любовных и героических тем, где изображалось высшее сословие, а будничные темы с героями из простых сословий отражались в комедиях. Дидро предложил средний жанр — драму. Новый вид драматического искусства, который он назвал «серьезным жанром», «распахал» границы, отделяющие аристократические классы от низших, возвышенные чувства от будничных.

Группа Владислава Леонова держала руку на творческом пульсе города Барановичи и помогала Елене Антоновне Абрашкевич, которая руководила агитбригадой района, а для того времени это был высочайшего класса самодеятельный художественный коллектив, который исколесил с концертами все уголки района, выступал в Минском ТЮЗе, в Бресте.

Сцена затягивала Мишу Ковальчика в свои объятия стремительно. И как только захлопнулась за спиной дверь школы, Миша упаковал чемоданчик «сухим пайком» на несколько дней и книжками, с аттестатом твердого «хорошиста» двинулся в сторону столицы брать штурмом бастион театральной науки — поступать на актерский факультет. Но этот бастион оказался для Миши пока крепким орешком, с ходу взять его не удалось: не того калибра этюды оказались, да и «пороху» в виде знаний маловато припас. Но не зря говорят, что попытка — не пытка, а вот «разведка боем» — это полезный урок, который Мише вскоре пойдет впрок.

Там, где детство не кончается

Первый и довольно громкий крик на весь дом Миша Ковальчик издал 12 августа 1943 года в деревне Подлесейки. Хотя вокруг шла страшная война и в каждой семье горе выглядывало из-за любой занавески, дом деда Казюка просто распирало от избытка счастья. Здесь появления первенца ждали довольно долго и с тревогой. Но больше всех радовался молодой папаша. Прошагав по этой жизни уже 38 лет, он явно заждался наследника. А рано утром Станислав Ковальчик с боевой группой партизан ушел защищать от врага сына, семью, деревню, приняв решение назвать мальчика — Михаил-Марьян Станиславович, как это было принято у поляков. Правда, позже ему пришлось согласиться с тем, что в Советском Союзе двойное имя не приветствуется. А ближе к вечеру в дом нагрянули немцы: устроили в деревне облаву на партизан. Фашист, размахивая пистолетом, выхватил из колыски грудного Михасика и остолбенел, услышав в полесской глубинке от простой белорусской женщины чистейшую немецкую речь. Мария Казимировна не сводила испуганных, полных слез и отчаяния глаз с малыша и, громко всхлипывая, без конца по-немецки причитала: «Господи, господи, спаси мое ни в чем не повинное дитя!» Тот зло швырнул в руки матери ребенка и вышел. Такой подарок судьбы ребенку войны тогда был редкостью…

Это сегодня деревня Подлесейки одна из ухоженных деревень Крошинского сельсовета. В ней есть и Дом культуры, и фельдшерско-акушерский пункт, и широкие улицы — Школьная, Несвижская. Долгое время здесь работала лучшая в районе средняя школа, в которой было больше десяти кабинетов, столовая. Не так давно ее укрупнили с близлежащей школой и перевели в соседний агрогородок Крошин. А в середине XIX века место это было глухое, болотистое, безлюдное, царство дикой природы. Но не суждено было ему оставаться глухоманью.

Поговаривают, что облюбовал его некий пан Соколович, который долго искал убежище, чтобы спрятать от людских глаз молодую красавицу-жену. Как только высадился здесь десант его холопов, нарушился извечный девственный покой этого прекрасного лесного уголка: начали верещать пилы, стучать топоры. А вскоре тут появились панское поместье и сыроварня, которая потом прославится аж до самого Несвижа и Мира. Крепко разозлился на непрошеных гостей Лесун, хозяин леса, что вот так бесцеремонно вторглись они в его царство, и проклял их. Первые Соколовичи почти все умерли молодыми, а последних — уже в 1939 году — судьба выкорчевала под корень. Пана и пани большевики расстреляли прямо в местном болоте. Старший сын погиб где-то на войне, средний — родился глухонемым и не дал продолжения рода, еще один убежал в Германию, и там его след потерялся, красавица-дочка легла спать и не проснулась — так и отдала Богу душу, а самый маленький паныч сварился в котле с молоком в сыроварне.

Очевидно, в те годы молодой Казимир Гезун не знал об этой истории и перевез сюда свою только что созданную семью из-под Минска, из поселка, который был в черте еврейской оседлости. Обосновался прочно и надолго. Построил просторный дом у дороги, обзавелся землей и домашней живностью, в конюшне было уже четыре коня, стал по меркам того времени зажиточным и уважаемым человеком. Был на редкость справедливым. Поэтому односельчане всем обществом возвели его в ранг деревенского старосты, и он как мог их защищал. Как-то даже судился с местным помещиком. Своего старосту почему-то никто не называл по имени, а просто — «Казюк». То ли

С мамой.

от его имени — «Казимир», то ли от названия популярной ежегодной ярмарки изделий народных промыслов, то ли от названия традиционного пряника «Сердце Казюка», ставшего одним из атрибутов ярмарки.

До 1939 года деревня была, как говорили, «за Польшей», и здесь расквартировался воинский транспортный взвод под командованием бравого подхорунжего. Хоть это и был всего-навсего унтер-офицерский чин в польской армии, но его появление в новенькой отутюженной форме с погонами было событием. Поэтому его разместили в самом лучшем доме Казюка. И когда стройный и щеголеватый Станислав Ковальчик на пороге увидел Марысю, так на польский манер односельчане называли дочку Казюка Марию, он в полном смысле этого слова потерял дар речи — был поражен ее красотой. Станиславу удалось покорить сердце красавицы. Она согласилась выйти за него замуж, несмотря на разницу в возрасте в двенадцать лет.

Жили они душа в душу. Гром грянул нежданно, когда в деревню пришла советская власть. Надо было Станиславу определяться — или уезжать, или оставаться. Но он так боготворил свою Марысю, что решил сбросить польскую военную форму и остаться рядом с любимой женщиной. Во время Великой Отечественной войны защищал белорусскую землю от врагов. А в 1945-м оказался в казематах кинотеатра «Октябрь», как польский шпион. Только решительность Марыси спасла ему жизнь. Она тут же схватила в охапку двухлетнего Михасика и ранним утром отправилась в Брест к командиру партизанского отряда Скрипко, который там был или судьей, или прокурором. К концу этого же дня Скрипко уже показывал следователю медаль «Партизану Отечественной войны», которой Станислав Ковальчик награжден указом Президиума Верховного Совета СССР за отвагу и героизм. А потом реабилитированного вызвали получать белорусский паспорт.

— Ковальчик, ваше имя?
— Стани́слав…
— Значит, Станисла́в. А отчество?
— Янович…
— По-нашему, выходит, Иванович. Национальность?
— По́ляк, конечно…
— Ковальчик Станислав Иванович не может быть поляком. У нас будешь белорусом.

Так в прошлом поляк в настоящем оказался белорусом. Но это его не задевало, потому что понял — обратной дороги у него уже нет, как говорится, мосты сожжены окончательно. Главное, он чувствовал себя счастливым человеком рядом с любимой и сыном. Станислав Иванович был профессиональным шофером, поэтому сразу же устроился работать водителем в пожарную часть города Барановичи, а рядом, на улице Димитрова, построил для семьи новый дом.

Послевоенные годы втиснули всех в жесткую продовольственную карточную систему. Да и после ее отмены легче не стало. Надо было изворачиваться, чтобы не пропустить момент «добычи съестного» для семьи: следить за поставками продуктов в магазины и лавки, стоять в длинных очередях, унизительно отстаивать право на лишнюю буханку хлеба или кусочек сахара. И это тяжкое бремя легло на хрупкие плечи Марии Казимировны, которая после рождения еще одного сына Эдуарда и дочери Лилии стала настоящим домашним секьюрити, который очень умело оберегал спокойствие семейного очага и ревностно следил за нравственным здоровьем каждого обитателя дома. Поэтому-то именно в этом доме дети всегда были согреты сердечным родительским теплом, заботой и особым духовным вниманием. Они здесь никогда не слышали ссор, споров, брани. Казалось, каждый его уголок был заполнен, как сундук с приданым богатой невесты, любовью и счастьем. И когда случались какие-то семейные торжества, из всех окон на улицу вырывалась музыка целого ансамбля профессиональных музыкантов. Ведь все двоюродные братья Миши и их жены были преподавателями Гродненского музыкального училища: кто фортепианного отделения, кто — народных инструментов, кто — по классу баяна. А вот племянник Валерий Дедович был баянистом-виртуозом от Бога, настоящим самородком от природы. Ему даже место в консерваторию зарезервировали, а он предпочел на свадьбах играть и загубил свой талант. В этом ансамбле всегда достойно звучали мандолина Станислава Ковальчика и красивый голос Марии Казимировны, у которой был идеальный музыкальный слух.

Михаила Ковальчика, сколько тот себя помнит, всегда сопровождала музыка. Может, поэтому он, по совету отца, пошел учиться играть на аккордеоне в музыкальную школу, которой руководил профессиональный музыкант и педагог Йоган де Клерк. Когда Йогана и его жену освободили из концлагеря, они не захотели возвращаться на родину и почему-то избрали город Барановичи местом своего пристанища. Жаль, что Станислав Иванович не смог порадоваться за сына, который вскоре демонстрировал свои первые успехи уже со сцены, потому что на 52-м году жизни его не стало. Страшная потеря поставила крест на многих семейных замыслах, планах, желаниях: в одиночку Марии Казимировне они были просто не под силу. Она и так взвалила на себя двойную ношу — и дом, и работу. Днем — работа, вечером — приготовить, накормить, постирать, заштопать, уложить спать, ночью — на своей швейной машинке «Зингер» что-то перешивала детям и себе. Некоторые справлялись: «Когда же ты отдыхаешь?» А Мария Казимировна отшучивалась: «Детей

подниму — отдохну». Чуточку переводила дух, когда ребята на все лето отправлялись, как она говорила, набираться сил в Подлесейки под зоркое око дедушки и бабушки. Миша и Эдик были счастливы: они мечтали покататься на велосипеде деда.

Дом деда Казюка не однажды горел, но восстанавливался, а вот вишневый сад в самые трудные времена подкармливал семью и на радость детям стоял прочно. Они шустро лазили по деревьям и ели спелые крупные вишни прямо с деревьев. Дед уже ходил с палочкой, но еще не сидел без дела, не грелся, как ленивый кот, на завалинке: что-то мастерил, присматривал за садом. Бывало, чуть удалится от дома, дети — за его велосипед. Велосипед у него был без рамы — женский, поэтому мальчишки без труда взбирались на седло и по очереди с восторгом гоняли по деревне. Дед не любил, когда его вещи брали без спросу, да и дорожил своим единственным средством для передвижения — частенько у мальчишек он почему-то ломался. И ему приходилось его ремонтировать. Поэтому он гонялся за ними, приговаривая: «Ах вы, маленькие разбойники, непослушные…» — и для устрашения бросал свою палку. Она, конечно, летела в сторону метров на пять от детей, но «разбойники» от страха бросали велосипед и взбирались на каштаны, которые издавна росли возле дома. И сидели там, пока не появлялась бабушка. А та сначала поругает деда за то, что он ее «милых внучат гоняет», а потом просит «дорогих внучат сползать». Те «сползали» и попадали в ласковые объятия бабушки, которая их нежно целовала, шершавой рукой смахивала прилипшие соринки с тела и вела в дом кормить и поить парным молоком.

Сегодня Михаил Станиславович Ковальчик — уже давно взрослый человек с побелевшими висками, почувствовал на себе, что детство — это неизлечимо. Бывает, заноет сердце от этих теплых воспоминаний. Иногда ему кажется, что он ощущает ласковое прикосновение родных рук, слышит нежные слова матери, чувствует биение сердца и дыхание отца, который частенько усаживал сына на свои колени, клал его ручонки на руль и учил водить громоздкий ЗИС-5. И сегодня этот известный и уважаемый человек чувствует себя должником добра, заботы и жертвенной любви. Да, для него детство было хотя и трудным, но очень счастливым. И он частенько мысленно представляет себя хрупким мальчишкой из деревни Подлесейки, где из каждого угла дедовского дома высовывает свой курносый нос и корчит рожи беззаботное его детство. А там, где детство еще не кончается, всегда есть место для короткого привала, чтобы восстановить измотанные долгой жизненной дорогой силы, чтобы подзарядиться от душевного источника родной земли, чтобы дать волю слабостям, которые, увы, с нами неплохо уживаются, успокоиться, подумать, определиться.

Настоящий друг

Дома Михаил повесил в шкаф свой «выходной дембельский костюмчик» с ефрейторскими лычками на погонах и объявил Марии Казимировне, что идет работать: не мог он, старший в семье мужчина, ни дня «сидеть на шее» у матери, у которой нелегкой выдалась вдовья доля. Швейной фабрике нужен был электрослесарь. Его взяли сначала учеником в электроцех с условием, что будет заниматься самодеятельностью в Доме культуры, над которым шефствовала фабрика. Освоить новую профессию Михаилу помогли навыки, полученные в танковой школе под Борисовом, где он начинал свою срочную

армейскую службу. А там по учебной программе каждый день надо было своими руками в танке разбирать какие-то детали, что-то смазывать, менять, собирать, соединять: так постигалась анатомия грозной машины. Ведь любой член экипажа должен не только мастерски водить танк, но и обязан, как доктор, изучить его внутреннее строение. На фабрике все это пригодилось. Именно здесь молодой электрослесарь старался как можно глубже погрузиться в тайны своего дела, как это было принято в актерской профессии. Для этого ему был отпущен всего лишь один год. Однако и его хватило, чтобы позже рабочий опыт использовать на сцене.

Когда-то в легендарных Печах стояла мотострелковая дивизия. Там были созданы все условия для службы и жизни семей офицеров. Очевидно, поэтому в годы Великой Отечественной войны — с августа 1941-го по сентябрь 1943 года — здесь базировалась специальная школа «Сатурн» фашистской разведки Абвера. После победы военный городок расширился, похорошел и превратился в объединенный учебный центр подготовки прапорщиков и младших командиров. И в нем жизнь рядового Миши Ковальчика не ограничилась только изучением танковых «железных внутренностей», ему хватало времени и для творчества. В местном Доме офицеров он организовал драматическую студию, где состоялся его режиссерский дебют. Он впервые поставил одноактную пьесу Северина Гансовского «Северо-западнее Берлина». Впервые радиоспектакль по этой пьесе прозвучал по Всесоюзному радио, а позже был снят фильм-спектакль. Конечно, пьеса о войне, о трагической истории двух влюбленных. Но Михаил эти работы и не слышал, и не видел, а ставил эту историю по-своему, так, как ему подсказывало сердце, ставшее свидетелем послевоенного горя людей, вернувшихся после победы с искалеченными душами и судьбами. На сцене все было так, как предложил автор. Советское воинское подразделение освободило из плена солдата, который вел подпольную борьбу на немецком подземном военном заводе. Как раз в этом подразделении медсестрой была его невеста, которая добровольно ушла на фронт, чтобы найти своего жениха. Но лицо солдата было настолько изуродовано фашистами, что он не решился встретиться с ней и открыться. Лишь после его гибели в одной из боевых операций девушка узнала, что ее любимый был совсем рядом. Спектакль показывали в переполненном зале, который бушевал от солдатского восторга. Со сцены в Печах спектакль не сходил долго. И начинающий постановщик очень гордился этим.

Было много театральных задумок, но после окончания учебы Михаилу предложили на выбор воинские части в Лепеле или Слониме. Михаил выбрал Слоним. Как и в Печах, находил и приобщал к театральному искусству «бритоголовые» юные таланты. Вел концерты воинской самодеятельности, пел куплеты, играл в ансамбле на аккордеоне. Три года пролетели, как один день. И вот бравый командир танка уже дома. День на фабрике, а вечерами занят в спектаклях народного театра. В промежутках — готовится поступать в Белорусский театрально-художественный институт. Он по-мужицки рассудил: сначала надо поучиться в Минске, только потом ехать в Москву во ВГИК, куда поступал его друг Слава Киселев, иначе кто его, деревенского хлопца, возьмет в серьезный ВУЗ со знаниями какой-то провинциальной вечерней средней школы.

С такими мыслями Миша Ковальчик летом 1966 года появился в районе сельхозпоселка Минска на улице Базисной у порога частного дома, где крохотную комнатку снимала семья его друга Славы Киселева. Слава после института уже был режиссером в Театре юного зрителя и даже успел поставить пьесу норвежского писателя Турбьёрна Эгнера «Люди и разбойники Кардамона».

Женился на красивой и скромной девушке из Ленинграда, которая во время войны пережила с семьей блокаду. Полюбили они друг друга еще в Барановичах. Женю после института направили конструктором-модельером на швейную фабрику. А когда она стала петь в хоре Дома культуры, там их дорожки и пересеклись. Теперь в Минске молодожены жили в ожидании первенца. Слава все пять студенческих лет был старостой курса и ходил в любимчиках у легендарного педагога Веры Павловны Редлих, которая училась театральному мастерству у самого Станиславского. И после окончания института начинающий режиссер часто забегал к своему педагогу посоветоваться, похвалиться, «поплакаться в жилетку», да и просто лишний раз повидаться с умным, интеллигентным, много знающим человеком. Она для Славы была заботливой и терпеливой «мамой» не только в профессии, но и в жизни. И конечно, он не только шепнул на ушко, но и прожужжал ей все уши о способном и трудолюбивом земляке — Мише Ковальчике, мечтающем о режиссуре.

Миша появился за две недели до начала экзаменов, чтобы вместе со Славой лучше подготовиться. Сначала долго «кумекали», как всем разместиться в клетушке около девяти квадратных метров, где и двоим трудно разминуться. Когда на ночь раздвигали диван, легкий столик приходилось разворачивать и прислонять к стенке. Углы заняли узенький платяной шкаф, этажерка с книгами, швейная машинка и магнитола. Свободное место оставалось только под столом. Там и пришлось разместить Мишу. Ему обычно стелили на полу матрас поперек комнаты и по ночам старались не выходить к удобствам во дворе, опасаясь наступить на гостя. Как раз в это время к Киселевым заглянул на постой еще один их земляк — Слава Майоров. Ему в комнатушке-клетушке места не хватило. Поэтому спать ему пришлось тоже на матрасе, но уже на холодной веранде.

А по утрам творческий люд из тесных и душных «хором» выползал на воздух репетировать. Облюбовали в сарае широкий деревянный входной порожек в качестве подмостков, где Миша упорно отшлифовывал к экзамену стихи, монологи, репетировал этюды. Слава Киселев садился напротив, забрасывал ногу на ногу, подпирал кулаком подбородок и молча слушал. Миша любил фронтового поэта и журналиста «Правды», «Известий», Совинформбюро Иосифа Уткина, который погиб в ноябре 1944 года в авиакатастрофе под Москвой. В момент гибели в его руках был томик стихов Лермонтова, с которым он не расставался ни на фронтовых дорогах, ни в госпиталях. Так вот из его последней карманного формата книжицы «О родине, о дружбе, о любви» Миша выбрал стихотворение «Затишье», где поэт показал хищный оскал войны даже в момент покоя и тишины между боями.

Голосок на левом фланге.
То ли девушка поет,
То ли лермонтовский ангел
Продолжает свой полет.
Вслед за песней выстрел треснет —
Звук оборванной струны.
Это выстрелят по песне
С той, немецкой стороны.
Голосок на левом фланге
Оборвется, смолкнет вдруг…
Будто лермонтовский ангел
Душу выронит из рук…

После этого начинался «разбор полетов»: поиск точной интонации, расставлялись логические паузы и акценты. И стихотворение читалось снова и

снова. Это все сопровождалось непрерывным восторгом постоянных зрителей в сарае на насестах, которые не скрывали своего куриного присутствия громким «кудахтаньем». Потом Слава и Миша садились на крылечко и обсуждали содержание этюдов. Слава говорит: «Представь, ты солдат. Стоишь на посту, и у тебя загорелись охраняемые боксы для танков. Твои актерские действия на сцене?» И они пытались найти точные движения рук и тела, выражение лица, показать внутреннее состояние и поведение человека в такой экстремальной ситуации. Репетировали. В этом коротком этюде что-то поправляли, что-то совсем убирали, что-то добавляли, пытаясь добиться достоверности и убедительности. А вот для парного этюда взяли кусочек сценария, который написали Владик Леонов, Слава Киселев и Миша Ковальчик еще в Барановичах для так и не снятого ими короткометражного фильма. Гуляет по парку счастливая молодая пара. Девушка с цветами. У фонтана парень хочет ее поцеловать. Она стесняется прохожих и убегает за плотный кустарник. А там, на короткой аллее, воинский обелиск. Их настроение меняется. Они подходят к памятнику и подаренные парнем цветы кладут к подножью. На экзаменах партнершей Миша выбрал Аллу Полухину.

А потом засиживались до полуночи. И Слава размышлял: «Важно не *что* ты читаешь на творческом экзамене — басню, стихотворение, монолог, а *как* ты это делаешь. Тут у тебя есть возможность проявить свой актерский талант: речь, интонацию, мимику, жесты, эмоции, образное мышление. Творческое испытание — это проверка дефектов речи, умение размышлять, уверенно говорить и излагать свои мысли в красивой и грамотной форме, импровизировать, двигаться, музицировать. Уверен, что уже после первого тура многих как пить дать турнут. Ведь жизнь, как лестницы каприз: кто-то вверх, а кто-то вниз. А ты, если сумеешь зацепить приемную комиссию, поднимешься еще на одну ступеньку к своей мечте».

Миша внимательно слушал, а про себя подумал: «Как туго пришлось бы в жизни без этого доброго и заботливого человека. Это же редкий подарок судьбы — иметь настоящего друга». Сначала их сблизили обычная человеческая симпатия и общность интересов. Потом — духовная преданность театру и искусству. Теперь это стало взаимной привязанностью, искренними и бескорыстными отношениями, построенными на доверии, уважении и братстве. Слава — открытая настежь душа. Возле такого человека всегда тепло, уютно, спокойно, можно отогреться и опереться на его плечо.

Когда Миша Ковальчик вошел в аудиторию, у него дух перехватило: за экзаменационным столом одна профессура, что ни имя, то известная в театральном мире знаменитость, за плечами которой выдающиеся роли, режиссерские постановки и народное признание. А в центре — Вера Павловна Редлих, набирающая для себя новый курс.

Испытание началось с определения замысла автора. Получив какую-то пьесу, Михаил определил ее жанровую особенность, затем начал анализировать факты, события, время, место действия.

И во второй тур прошел.

Во втором туре Миша рассказал о себе: деревенское детство в многодетной семье, ранняя безотцовщина, музыкальная школа и аккордеон, роли на сцене народного театра, режиссерский дебют с армейским коллективом в Печах. Прочитал стихи Иосифа Уткина, показал подготовленные этюды. А когда попросили спеть, он а капелла начал: «Я встретил вас — и все былое…», обращаясь персонально к Вере Павловне, которая сидела и улыбалась. Спел — с настроением и улыбкой, задушевно, артистично, «чистенько».

В конце Вера Павловна сказала: «Спасибо. Ждем вас в следующем туре, где вы, очень на это надеемся, покажете такие же прочные знания и по языку, и по литературе».

А в начале августа из института пришло извещение: «Вы зачислены студентом на актерский факультет, отделение режиссура драмы на I курс, с предоставлением общежития».

В Барановичах первым на это событие откликнулся Владик Леонов:

Сыграть ты можешь лишь одно — сплошное неподвижное бревно.
Но коль тебя удастся обтесать, как Смоктуновский, будешь ты играть.
И запомни, первокурсник: беспощаден рампы свет,
Но трудней судьбы актера и прекрасней в мире нет.

Студенчество — это маленькая жизнь

В этом году Вера Павловна впервые в Белоруссии набрала экспериментальный актерско-режиссерский курс, то есть режиссеры и актеры учились вместе по одной программе, а специализация начиналась на последнем этапе учебы. Двумя годами раньше подобный курс в Ленинграде набирал Георгий Александрович Товстоногов. И эта новинка пришлась по душе белорусскому театральному педагогу. Ей понравилось, что будущие режиссеры, с одной стороны, годика на три облачаются в «актерскую тогу» и вместе с ними вкушают «актерский хлеб», а с другой, займутся «пробой пера» — будут сами ставить с актерами по курсу этюды, отрывки, одноактовки. Она на своем опыте уверовала, что режиссер без практического знания актерского мастерства, как самолет с одним крылом, — и не взлетит, и актерам судьбу поломает.

Вера Павловна рано увлеклась театром. Талантливую девочку-гимназистку из села Николаевка Сумского уезда, что под Харьковом, в Сумах всегда звали на театральные вечера: она прекрасно читала стихи, монологи из различных пьес, занята была в спектаклях. А после окончания гимназии уезжает в Москву на высшие женские курсы, где общение с М. Волошиным, М. Цветаевой, С. Эфросом, О. Мандельштамом, В. Ходасевичем наполняет ее личный багаж новыми знаниями и впечатлениями. Через год ее принимают в частную школу драматического искусства, которая вскоре преобразуется во Вторую студию Московского Художественного театра им. М. Горького. Корни ее там и остались навечно. Мхатовские «старики» научили ее добиваться глубокой и тонкой характеристики образов, правдивого раскрытия психологии сценических героев, их мыслей и чувств, поэтичности спектаклей, но главное, вере в благородство человеческой души. Эту мудрую науку она пронесла через всю свою актерскую, режиссерскую и педагогическую жизнь, а судьба ей отмерила без двух лет целый век бытия.

В 1960 году народная артистка РСФСР Вера Павловна Редлих с семьей переезжает в Минск и возглавляет творческий коллектив Государственного русского драматического театра имени М. Горького, а через несколько лет становится профессором кафедры актерского мастерства Белорусского театрального института, где передает своим воспитанникам давно сформулированное ею кредо для театра — поэзия плюс психология.

В этот раз Вера Павловна отобрала для себя только шесть человек на режиссерское отделение, а остальных студентов — на актерское. Каждое утро она входила в аудиторию с обворожительной улыбкой, нарядная, в хорошем расположении духа, как будто перед дверью стряхнула с себя груз про-

житых лет и личных проблем. Удобно располагалась в кресле. Курс замирал в ожидании не какой-то там назидательной лекции старого профессора, а настоящего спектакля одного актера, где она говорила о величии театра, о знаменитых мастерах сцены, о своем учителе — К. С. Станиславском, который предложил универсальную методику обучения искусству актера и режиссуры. Эта «система Станиславского» стала обязательной школой отечественного театра.

С Валентином Распутиным.

Станиславский считал, что без такого понятия, как «действие», не может быть спектакля. Действие — это язык театрального искусства. Он постоянно говорил, что театр — это не сама жизнь, а только слепок жизни, отображенный в системе художественных образов. В музыке такое отображение реализуется с помощью мелодии и гармонии музыкальных тонов, в скульптуре — с помощью пластического расположения в пространстве, в живописи — через плоскостную композицию и сочетание цветов, а вот в театре — только через «действие». Постижение этих азбучных истин театрального ремесла обычно начинается с простейших упражнений и этюдов. Этюд сначала надо «построить»: определить экспозицию, то есть предметы для изображения, и завязку действия, потом — найти суть самого действия, кульминацию и развязку, что должно быть главным событием любого этюда. Такая «черновая» работа учит будущего актера «выкручиваться» из самых неожиданных ситуаций. Например, если на сцене партнер забыл текст или ошибочно появился не тот реквизит, он мгновенно должен словом или действием найти такой выход, который бы остался незамеченным зрителями.

Вера Павловна старалась развивать актерское внимание своих воспитанников не только на занятиях, но и в повседневной жизни. Она предлагала наблюдать за людьми и различными ситуациями везде, где бы они ни находились, и вести творческий дневник. А на занятиях разворачивала свое кресло к импровизированной сцене и по записям следила, как будущий актер передает образ — его походку, жесты, мимику, поведение. Иногда «герою» создавала нестандартную ситуацию, которой у него и не было, чтобы понять, как начинающий актер вжился в образ и как он поведет себя в тупиковых обстоятельствах. И когда что-то не получалось, Вера Павловна подсказывала, поправляла, советовала, детально разбирала ситуацию и доводила ее до совершенства.

Михаил Ковальчик с головой окунулся в это учебное пиршество. Он не только осваивал актерское ремесло — сам показывал этюды и много раз

удачно ставил их своим однокурсникам. А вот когда поставил пьесу Уильяма Сарояна «В горах мое сердце», получил за это «тройку» и вдобавок бурный поток справедливых нареканий и упреков от своего педагога. Вера Павловна назвала его режиссерскую работу «мейерхольдовщиной» за формальный путь воплощения драматургии. Она сокрушалась: «Это только Мейерхольд позволял себе от Гоголя или Грибоедова оставлять одни «рожки да ножки», против чего всегда восставал Константин Сергеевич. Да и я не учила вас, Миша, так вольно и небрежно обращаться с литературным материалом».

Не на шутку струхнул он тогда. Если бы к «тройке» был приставлен «минус», то массивная входная дверь института могла громко захлопнуться за его спиной досрочно, как за неуспевающим студентом. Выручил Владимир Андреевич Маланкин, заведующий кафедрой мастерства актера и режиссуры, который в то время был на пике своей педагогической славы. Он, как говорил потом Михаил Ковальчик, не побоялся пригласить чуть ли не «двоечника» поставить на его актерском курсе водевиль Николая Некрасова «Петербургский ростовщик», где начинающий режиссер полностью реабилитировался и получил твердую «пятерку». Здесь он уже педантично следовал советам Станиславского: прочитал пьесу, определил художественный образ спектакля, стал выискивать основные факты и их последовательность, и только потом стал оценивать отобранные для спектакля факты, то есть находить в них скрытый смысл, степень значения и воздействия на зрителя. Понял, что только от образа спектакля зависят образы действующих лиц пьесы, которыми были тогда безусые еще первокурсники, а впоследствии выдающиеся актеры белорусских театров, пополнившие «золотой фонд» национальной культуры. И спектакль получился содержательным, веселым, поучительным. Его показывали не только на институтской сцене, но и на подмостках подшефных предприятий. В то время шефство было не только популярным, но и обязательным.

После очередного шефского концерта в Институте иностранных языков группа Михаила Ковальчика заглянула в кафе «Березка» перекусить. Кто-то предложил удачное выступление отметить. Появилась бутылка портвейна, а бесплатный хлеб уже лежал на столе и манил своим ароматом проголодавшихся участников застолья. Шумно обсуждали режиссерски хорошо скроенную программу концерта, благодарную молодежную публику, будущие свои выступления. У каждого — радостное, улыбающееся лицо, а в глазах жажда немедленной деятельности. И тут Мила Морозова почувствовала недомогание: очевидно, капля спиртного вызвала отравление организма. Миша сразу же предложил ей свой дружеский эскорт до общежития, которое находилось на территории студенческого городка Политехнического института. По дороге силы Милу совсем стали покидать. Миша побежал за лекарствами и едой. Пробыл у нее допоздна. На следующий день пришел Милу проведать. Заботам его не было границ и в последующие дни — старался накормить, обеспечить лекарствами, поддержать дружеским словом. Маленькая искра взаимной симпатии вдруг воспламенилась: любое прикосновение друг к другу вызывало бурю эмоций, разговоры вечно затягивались. Как-то внезапно они попали в плен могущественной богини Венеры. Так в любви и согласии пребывают уже более полувека.

Эмилия Морозова села на институтскую скамью сразу же после гастролей Витебского драматического театра им. Якуба Коласа, где она за три года служения сцене уже отыграла немало главных ролей. Кроме того, работала на местном телевидении. И даже вместе с Володей Кулешовым снялась в фильме

«Осенние воспоминания». Он всегда говорил: «Милка, ты же талантище, но его пора водрузить на институтский фундамент, иначе тебя сначала затуркают, а потом и вовсе спишут в архив». И Мила поехала в Минск искать Веру Павловну Редлих. Нашла ее в Театральном доме отдыха в Острошицком городке и сказала: «Я хочу у вас учиться». Показала фильм, репертуар театра, свои роли в спектаклях. После чего Вера Павловна сказала:

— Вы мне понравились. Я вас обязательно возьму, вы ведь уже готовая актриса…

— Нет, Вера Павловна, я еще только студентка и хочу начать все с нуля.

И этой девушке с сильным характером во время учебы действительно никто и никогда не делал никаких скидок. Она наравне с не нюхавшими еще сценического пороху усердно «грызла» театральную науку. Этот упрямый и строптивый характер она унаследовала от родителей по женской линии.

Ее бабушка Марина Ивановна была из рода графа Воронова: получила хорошее образование и воспитание. До двадцати лет она отказывалась выходить замуж за человека из своего круга, потому что полюбила молодого красавца Михаила, который присматривал за огромной графской конюшней. Отец рассерчал так сильно, что выгнал из дома и дочь без всякого приданого, и своего лучшего конюха, как сегодня говорят, без «выходного пособия». Молодые поселились сначала в какой-то бане, потом просто мытарствовали, часто меняя жилье. Бывало, что и голодали. Ради любви все стерпела графская дочка, но на коленях не поползла с повинной, как предрекал граф. Но после революции семья Морозовых влилась в ряды пролетариата, а вот многочисленным потомкам графа пришлось похоронить свое прошлое и навсегда сбросить, как змеиную кожу, потомственный «роговой покров» Вороновых и облачиться в «шкуру» Ивановых.

Мама у Милы была тоже строптивой. После войны они со своим однополчанином старшим лейтенантом Михаилом служили в Приморске в саперных войсках и жили в гражданском браке. Когда Рая забеременела, ее сразу же комиссовали, а Михаилу надо было еще служить. Но не стала она ждать отпуска мужа, собрала нехитрые свои солдатские пожитки и уехала в деревню Логово Смоленской области, где жили Милины дедушка и бабушка. Там родила своего первенца и через пять месяцев по призыву комсомола поехала искать свою судьбу на стройку целлюлозного завода Карельского города Питкяранта, который означает буквально «длинный берег», так как он вытянут узкой полосой вдоль северного берега Ладожского озера. Вышла замуж, родила Миле братика и сестренку, но жизнь с пьющим мужем так и не сложилась. Пришлось уехать в Витебск.

А Мила осталась в деревенском уютном доме. От бабушки Марины Ивановны Мила вдоволь наслушалась разных историй о любви, семье, чести, преданности. А дедушка Михаил Федосович терпеливо прививал девочке трудолюбие и умение преодолевать жизненные трудности. Когда пришло время идти в школу, Раиса Михайловна забрала ее в Витебск. А там — школа, спорт, телевидение. Редактор детской студии Витебского областного телевидения посоветовала способной девочке поступить в студию при Театре имени Якуба Коласа. Там как раз главный режиссер Браганцев Борис Михайлович набирал курс молодых театральных дарований, чтобы учить их по программе МХАТа. И Мила Морозова прошла конкурс. Уже в конце года в отчетных отрывках она играет Варюху-горюху из «Поднятой целины» М. А. Шолохова. И так эмоционально и убедительно, что режиссер театра взял ее в свой спектакль «Гордячка», где ей пришлось играть роль детдомовской девчонки на стройке.

Милу Морозову отметили даже критики «Советской Белоруссии» в газетной рецензии на спектакль. После этого ее приняли в штат театра.

На втором курсе Мила попросила Михаила поставить им с партнерами отрывок по рассказу Джека Лондона «Однодневная стоянка», где главный герой Джон Месснер топит в проруби деньги, полученные им как откупные от нового мужа своей бывшей жены. Автор считал, что это — верх человеческого благородства, которому и надлежало получить сценическое воплощение. И это ребятам удалось показать. После чего молодые уже не расставались: вместе появлялись на занятиях, вместе уходили из института. Михаил всегда готов был защитить Милу, да и ухаживал за любимой девушкой красиво, деликатно, по-рыцарски достойно, хотя у него катастрофически не хватало на это времени. О чем Михаил Станиславович сожалеет и сегодня, потому что Эмилия Михайловна, как он утверждает, была достойна большего. Сохранилось фото, где влюбленные, страшно тощие, но веселые и довольные, с сумками в руках, на ходу жуют «пустые» булки, торопясь на занятия. Некоторые почему-то думают, что студенческая жизнь — сплошная тусовка. Но только не в театральном институте. Там у каждого отрывки, роли, а у Миши еще и режиссерская нагрузка. Кроме того, надо учить новые роли, читать пьесы, следить за новинками драматургической литературы, посещать театры, выступления приезжих мэтров сцены, встречаться с белорусскими актерами и режиссерами, заниматься бытом. За всем этим иногда забывали даже перекусить, а на сон оставались считанные часы. Но они были счастливы. Знали уже друг о друге если не все, то почти все. Мила дала понять Мише, что для нее главное в жизни — это семья, и частенько приводила чьи-то мудрые слова: «Карьера не ждет тебя дома, деньги не вытрут слезы, а слава не обнимет ночью». И он ей как-то неожиданно предложил: «Поедем в Барановичи к моей маме».

Мария Казимировна от неожиданности даже изменилась в лице, когда вдруг на пороге появилась молодая пара: Миша так и не успел заранее предупредить мать. Она суетилась в кухне, накрывала на стол в комнате и причитала: «Ой, Матка Боска Ченстоховска… Ой, Езус Мария… Ой, Матка Боска Остробрамска… Да как же так случилось…» Хотя сама не раз Мише выговаривала: «Когда же ты, наконец, женишься?» А уже перед сном в ночной рубашке долго ходила по комнате и наконец спросила:

— Так как вам стелить, вместе или отдельно?

— Конечно вместе…

— А вы зарегистрировали свой брак?

— Пока нет…

— Чтобы завтра же пошли и зарегистрировались!

В Минске молодые сразу же зарегистрировали свой брак, и второкурсница Мила Морозова стала Эмилией Михайловной Ковальчик.

А уже к исходу сентября она родила сына Сережу. Долгое время никто и не замечал в Миле каких-то изменений. И только в конце третьего курса пришлось показать свой животик, когда в отрывке сыграла беременную дочь короля нищих Полли из «Трехгрошовой оперы» Бертольда Брехта. Все подумали, что это обычная театральная подкладка, но Вера Павловна сразу все поняла и долго охала: «Детка ты моя… Что же теперь будет?..» Мила заверила своего педагога, что на учебе ее беременность не отразится. На летних каникулах попала в заботливые руки обеих мам — то в Витебске, то в Барановичах, не сводила счастливых глаз с первенца, а в октябре с ним появилась в расположении институтского корпуса для «прохождения дальнейшей студенческой службы». Но жизнь молодой семьи резко изменилась: заботы почему-то

наваливались со скоростью образования барханов в пустыне. Михаил больше месяца вставал чуть свет и до занятий стучался в разные двери, однако на постой с маленьким ребенком их никто не хотел пускать. Когда все-таки удалось обустроить комнату в доме на бывшей улице Горького, напротив магазина «Несцерка», к ним приехала присматривать за Сережей Милина бабушка Марина Ивановна. Они с правнуком устроились за матерчатой перегородкой. Сначала молодые родители от каждого всхлипа малыша вскакивали, бабушка всякий раз их останавливала: «Да успокойтесь вы, наконец, отдыхайте, у вас же завтра целый день занятия. А мы с Сереженькой как-нибудь договоримся». И она садилась к его кроватке, что-то шептала, напевала, приговаривала. А у Милы наворачивались на глаза слезы от воспоминаний о своем счастливом детстве рядом с этим щедрой души, самым близким и родным, уже пожилым, но жизнелюбивым и преданным человеком.

В начале третьего курса Михаил протянул Вере Павловне журнал «Полымя» и сказал: «Я думаю, именно этот материал подойдет для преддипломного спектакля нашему курсу». А в нем была опубликована новая повесть Василя Быкова «Круглянский мост». Читатели давно заметили его талант, а вот в идеологический климат он не вписывался: власть и ветераны войны раздражались, обвиняя автора в очернительстве. Ему даже приклеили пренебрежительный ярлык «окопного летописца». За повесть «Мертвым не больно» он стал опальным, и те, кто обращался к его работам, попадали в ряды подозрительных. Михаилу новая повесть пришлась по душе: он разглядел в ней авторское бунтарство. Там персонажи «без грима» и поставлены в обстоятельства, когда надо самостоятельно делать нравственный выбор. Там — беспощадный реализм войны, без всякой лакировки, набор таких ярких людских характеров, что режиссерское чутье уже видело их на сцене. Главное, события этой партизанской истории были просты: четыре подрывника должны взорвать деревянный мост возле деревни Кругляны. Но автор углубился в далеко не товарищеские отношения людей в момент опасности. Чтобы выжить, старшие откровенно хитрят, уклоняются от опасности, пытаются выполнить задание руками подростков, посылая их в самое пекло событий, явно на смерть. «Война — это риск людьми. Кто больше рискует, тот и побеждает», — рассуждает старший группы, разжалованный за что-то бывший комбат, привыкший воевать не уменьем, а числом. Поэтому из повести легко было выхватить сердцевину и сделать яркие «вытяжки» для учебного спектакля минут на пятьдесят, что не превышало требуемый формат показа в театральном ВУЗе. И Михаил решил встретиться с Василием Владимировичем. Позвонил в «Гродненскую правду», где работал писатель. «Я пока еще студент, но хочу показать вам инсценировку по вашей повести, проконсультироваться», — сильно волнуясь, говорил Михаил. И автор согласился.

Быков из Гродно приехал в Минск на какую-то литературную встречу. Встретились в Академии наук. Михаилу показалось, что Василий Владимирович суровый и нелюдимый человек: взгляд исподлобья, немногословен, в голосе настороженность. А Быков на самом деле был просто скромным человеком, отзывчивым, приятным в общении и довольно добрым.

Он не захотел пойти в холл, а тут же устроился на подоконнике и спрашивает: «Ну, хлопец, давай выкладывай». Михаил протягивает ему стопку напечатанных на машинке листков: «Вот я тут написал… Почитайте». Но Василий Владимирович не стал брать инсценировку: «Нет, не буду я это читать. Ты делай что хочешь. Но не связывайся со мной. Ничего, кроме неприятностей, тебе не светит». — «А я уверен, что на этом трагическом материале спектакль получится эмоциональным и запоминающимся», — горячился Михаил.

И спектакль действительно получился. Саша Мороз хорошо сыграл командира партизанского отряда, а Коля Тихон — юного Степку Толкача. На кафедре решили, что высокие оценки за эту постановку могут пойти выпускникам в зачет государственного экзамена по актерскому мастерству, но ректор Владимир Захаров, бывший полковник, оказался чересчур осторожным и от греха подальше собственноручно исключил дольно громкий студенческий спектакль из экзаменационного зачета. Михаилу при встрече говорил: «Не надо нам неприятностей. И тебе тоже. Сделал свою работу отлично, ну и на здоровье». Пришлось на курсе делать еще один преддипломный спектакль.

В те времена многие студенты Театрально-художественного института на каникулах ездили в Москву и Ленинград набираться ума-разума в столичных театрах. Михаил впервые ступил на московскую землю уже летом 1967 года. На улице Земляной Вал нашел ту знаменитую «Таганку», театральное эхо о которой дошло и до белорусского края. Как появилось такое название? Таган — холм, вершина горы. Очевидно, Таганский холм и есть одна из семи легендарных московских возвышенностей. А еще таганами называли подставки для котлов, которые выделывали ремесленники местной слободы со времен татарского владычества. В драматическом Театре на Таганке — театре Юрия Любимова, он посмотрел все спектакли, которые шли в короткие дни его пребывания, — «Жизнь Галилея» Брехта, «Гамлет» Шекспира, «Пугачев» Есенина, «Послушайте!» Маяковского. Помечал себе все интересные мизансцены, детали оформления, образные сцены и даже странное поведение Любимова, который иногда во время спектакля сидел в зале, а иногда ходил по балкону и трехцветным фонариком подавал знаки артистам: делал какие-то подсказки актерам и поддерживал ритм и динамику их действий на сцене. А уже в Минске пришло осознание, что Любимов обладает высоким чувством композиции, умеет статику поэтического эпизода перевести в настоящее действие, причем даже там, где это действие и не просматривается, так лихо и мастерски сталкивает на сцене контрасты и, словно одаренный музыкант, слышит эмоциональное состояние зрителя.

После Театра на Таганке он обычно спешил то на Театральную площадь в Центральный детский театр, то в Театр на Малой Бронной, чтобы посмотреть спектакли нового реформатора сценического действия Анатолия Эфроса, убежденного сторонника К. С. Станиславского. В его наследии Анатолий Васильевич считал наиболее актуальной для современности «линию интуиции и чувства». Он тогда смело ввязался в неравный бой за честь и достоинство своего кумира с непререкаемыми в то время корифеями сцены Николаем Охлопковым и Борисом Равенских, которые попытались его наследие забросить на дальнюю полку кладовки театральной истории, как устаревшее и немодное. Эфрос не только опубликовал разгромную статью, где вывернул наизнанку «фальшивую театральщину» этих мэтров с их помпезным, липовым, мертвым искусством, но и в считанные годы сумел превратить забытый зрителями ЦДТ в один из самых интересных и популярных театров столицы. В его театре начал свою карьеру выпускник Школы-студии МХАТ Олег Ефремов. С его театра еще до прихода Товстоногова в БДТ и создания «Современника» началось возрождение российского театра. Поэтому начинающим белорусским режиссерам у Анатолия Эфроса было чему поучиться.

В очередные летние каникулы белорусские студенты сперва почтили вниманием театр «Современник», а потом Театр имени Владимира Маяковского. «Современник» был интересен тем, что там работал его создатель и творческий вдохновитель Олег Ефремов, возрождавший традиции «театра

Станиславского» с художественными и, главное, этическими идеалами. Родился театр, как утверждал известный театровед Сергей Владимиров, словно «умный, талантливый, интересный, много знающий и понимающий собеседник». А вот Театр на Большой Никитской притягивал яркими спектаклями с энергичной режиссурой Андрея Гончарова, в которых были и масштабность замысла, и публицистический темперамент, и высокая постановочная культура. Андрей Александрович умело обострял житейские конфликты, обнажал скрытые пружины драматического действия, стремился раскрыть характер человека через его поступки и сугубо духовное начало. Он сформулировал первое правило театра: «Театр начинается с воспаленной зоны в зрительном зале». Через три десятилетия судьба снова сведет Михаила Ковальчика с Андреем Александровичем, когда тот будет возглавлять секцию драматических театров Союза театральных деятелей России, а Михаил станет членом секции музыкальных театров в этом Союзе. «Умение работать с человеком, с артистом — самое важное для режиссера, первый урок этому я получил на репетиции Станиславского», — говорил он. Но в конце шестидесятых именно актеры изведали настоящую тиранию своего талантливого мэтра. Его непростой характер не раз заставлял проливать горькие слезы обиды и любимую жену — Веру Николаевну Жуковскую, которую любил до конца своей жизни. В театральной среде до сих пор помнят не только его смешные алогизмы: «Это не театр, а пожар в бардаке во время наводнения!», «Ваш спектакль скучен, как музей в понедельник!», «Я болтаюсь один, как волос в супе!», но и его природный дар образного мышления, редкий режиссерский талант.

В 1968 году режиссерам-старшекурсникам впервые разрешили стажироваться в Москве, и птенцы гнезда Веры Павловны Редлих стали собираться — кто во МХАТ, кто в «Современник», кто на Сретенку в «Маяковку». А Михаил замыслил — к Г. А. Товстоногову, там шли его спектакли «Мещане» и «Варвары» М. Горького, «Горе от ума» А. Грибоедова, эзоповский «Лиса и виноград». Не было главного — разрешения. Его секретарь была неумолима. Пришлось в телефонную трубку «расплакаться», всякими виртуальным несчастьями подтапливать ее вышколенное строгой дисциплиной ледяное сердечко, и она не выдержала: «Учтите, я вам этого не говорила…» Он поехал в Тбилиси через Киев. На два дня остановился в гостинице «Украина». Администратор гостиницы бросила на ходу: «Георгий Александрович сейчас в банкетном зале». Оказывается, грузинские друзья привезли ему барашка и вина. И Михаил, словно казанская сирота, приютившись в уголке на стульчике, ждал его выхода часов двенадцать, до глубокой ночи. Официантки приносили ему бутерброды и порывались вызвать Товстоногова, но Михаил решительно отказывался: боялся вызвать гнев своего кумира. Откуда ему тогда было знать, что для грузинского застолья нет такого понятия, как время. Когда они садились за стол, стрелки часов останавливались, считалось, что общение с друзьями в счет времени не идет. Наконец одно девичье сердце дрогнуло. Она подошла к Товстоногову и возмутилась: «Ну, хватит же, наконец! Пожалейте парня». Георгия Александровича смутило, огорчило, что он заставил этого парня долго ждать. Он пригласил Михаила в номер и, широко улыбаясь, как давнишнему знакомому, спросил: «Ну-с, чего вам все-таки от меня надо, молодой человек?» Михаил что-то мямлил, злился на себя и чувствовал, что увертюра к основной просьбе затянулась, но стоп-кран не срабатывал. А Георгий Александрович, иронично улыбаясь, терпеливо ждал. И когда услышал фразу «Можно к вам на стажировку?», поспешил ответить: «Нет проблем!» Сел за стол, подвинул ближе стопку бумаги для оперативной

записи с логотипом театра и фамилией художественного руководителя, стал что-то писать. Михаилу важна была только последняя фраза: «Не возражаю в БДТ под моим руководством». Этот заветный фирменный листок он оставил на кафедре института — для согласования с театром условий и сроков выезда на желанную практику.

Владимир Андреевич Маланкин встретил Михаила доброй улыбкой: «Ну, Михаил, пакуйте свой чемоданчик… Вас Георгий Александрович Товстоногов ждет у себя 20 декабря». Михаил был просто «пригвожден» к полу этим известием. Владимир Андреевич пристально смотрел на Михаила и по-актерски «держал паузу», как это он здорово делал на сцене Русского драматического театра имени М. Горького в Минске после окончания Белорусского театрально-художественного института у народного артиста БССР Д. А. Орлова. Потом он закончил Государственный институт искусств в Москве у народного артиста СССР А. А. Попова по специальности режиссер драматического театра, был главным режиссером ведущих театров Риги и Минска, одновременно преподавал в Театрально-художественном институте. Михаил вспомнил, как однажды этот талантливый педагог, заслуженный деятель искусств Беларуси на занятиях говорил: «Вы думаете, что пауза на сцене — это тишина, остановка в тексте? Да она бывает громче любых слов! Актер раскрывается именно в паузах. В этом его способность доносить до зрителя изнанку своего образа. Умением держать паузу определяется наивысший профессионализм актера». Но Михаилу показалось, что пауза у заведующего кафедрой актерского мастерства и режиссуры несколько затянулась. Он, затаив дыхание, ждал. А Владимир Андреевич просто вручил письмо на имя директора БДТ Л. Н. Нарицына и сказал: «Ваша производственная практика продлится минимум полгода. Объясните семье, что вам придется работать над спектаклем в качестве второго режиссера».

Мила прочитала письмо и даже растерялась.

— Да разве такое может быть, чтобы студент четвертого курса ставил спектакль вместе с признанным мэтром советской театральной сцены?.. Нет, надо ехать, чего тут сомневаться…

Мила чувствовала, что Миша на распутье. С одной стороны, он давно мечтал увидеть работы Георгия Александровича и даже собирался очередные каникулы провести в Ленинграде. Часто педагоги на занятиях цитировали высказывания Товстоногова, ссылались на его замыслы спектаклей по литературным источникам, ставили в пример его классические мизансцены и его виртуозное умение работать и ладить с актерами, поэтому в юной творческой душе просто засвербело. Михаилу очень захотелось все это, как говорится, «пощупать своими руками». У него с детства была неистребимая жажда познания, а сейчас появился настоящий профессиональный голод, который необходимо было утолить. Конечно, это свойственно только одаренным и постоянно ищущим людям. Вот почему было бы грешно ставить барьер счастливому случаю — поработать со своим кумиром и пройти начинающему режиссеру школу мудрого театрального аксакала. А с другой стороны — ему не хотелось на такой срок оставлять семью. Пришлось Миле Мишу успокоить, дескать — справится, да и бабушка, Марина Ивановна, поможет, а уж потом с улыбкой напомнила, что именно так было заведено с древнейших времен: муж — глава, воин и добытчик, а жена — хранительница домашнего очага и всегда — за мужем. Правда, творческому человеку, да еще характерной актрисе, нелегко смириться с ролью «второго плана», но этот тяжкий женский крест она добровольно согласилась нести до конца своей жизни, потому что хорошо

знала режиссерский кочевой образ жизни. Режиссеры, как и армейские офицеры, вечно сидят на собранных чемоданах и по первому зову готовы мчаться в любую Тмутаракань, где востребован их творческий потенциал.

С Георгием Александровичем они сразу поладили. Миша Ковальчик с первых же дней подтвердил свои серьезные режиссерские намерения. Он каждый день приходил в театр раньше других, участвовал в самом зарождении нового спектакля, видел все репетиции за спиной главного режиссера, делал подробные записи указаний и предложений постановщика, а рядом помечал свое особое мнение, чтобы потом озвучить его по ходу будущей сценической «застройки». Товстоногову такой творческий подход молодого белорусского дарования нравился. И он часто его внимательно слушал: с чем-то соглашался, с чем-то спорил, что-то с ходу отвергал. Для Михаила эта «театральная глыба» была всегда доступна. На вопрос мог отвечать подробно и увлеченно, пока секретарь не напомнит, что у него запланирована еще одна встреча. Георгию Александровичу было приятно, что рядом не по годам мыслящий и неравнодушный единомышленник, с которым всегда можно обсудить и сверить все свои режиссерские замыслы и задумки, поспорить и посоветоваться. Вечером практикант всегда смотрел спектакли, а ночью записывал в толстой тетрадке свои впечатления об интересных мизансценах, игре актеров и их костюмах, оформлении сцены, музыкальном сопровождении. Но главное, ему важно было понять, как в сценические рамки вписывается литературный материал. Чтобы это сопоставить, Михаил прочитал в оригинале некоторые драматургические исходники. Казалось, о театре он уже знал все. И когда ему Георгий Александрович предложил подежурить на спектакле, согласился, хотя и не представлял, в каком щекотливом положении он мог оказаться.

Дежурный режиссер обычно следит, чтобы в спектакле не было сбоев, то есть «накладок»: выполнялись отрепетированные мизансцены, вовремя менялись выгородки для сценических эпизодов, появлялись световые эффекты и музыкальное сопровождение, в нужный момент подсвечивались декорации, чтобы актеры выходили вовремя, как говорят в театре, на «планшет» и точно произносили тексты. Бывает, позабыв слова своего героя, актер пытается импровизировать, придумывать текст. И тут появляются новые имена героев и ситуации, которых в пьесе и вовсе нет, что вызывает справедливое возмущение дотошных и всезнающих театралов. Дежурный режиссер не просто острый глаз или «локаторное ухо», своего рода сборщик «мусора» на сцене. Ему важно подметить в режиссерском воплощении не только точные и удачные находки, но и шероховатости, недомолвки, промахи, которые позже поправляются на репетициях. Выслушав Мишу Ковальчика после нескольких таких дежурств, Георгий Александрович коротко сказал: «Выплесни-ка ты, Михаил, эти свои наблюдения на художественном совете, невзирая на лица и ранги. Пусть наши знаменитости знают, что зрительское око не дремлет». Зафиксировать сценические огрехи легко. Можно запросто указать на ляпы осветителям, работникам сцены, звукорежиссерам, а вот сказать народному артисту СССР, лауреату Сталинской и Государственной премии СССР, да еще родственнику Товстоногова Евгению Лебедеву, что он задержал свой выход, народному артисту РСФСР, земляку из белорусского городка Речица Ефиму Копеляну, что он нарушил мизансцену, или уже живой легенде театра и кино Кириллу Лаврову, что тот забыл слова роли, — все равно что броситься в ущелье с горы. Это же тогда были киношные кумиры огромного Союза: дед Ничипор из «Свадьбы в Малиновке», которого просто блестяще сыграл Евгений Лебедев, атаман Бурнаш Ефима Копеляна в «Неуловимых мстителях»,

военный корреспондент Иван Синцов Кирилла Лаврова в фильме «Живые и мертвые». Практикант все-таки собрался с духом и деликатно разложил по полочкам свои замечания. Думал: «Все, пора паковать чемодан…» Но знаменитости легко признались в своих «грехах».

Дина Морисовна Шварц — легендарный завлит театра, которая почти всю свою жизнь прошагала рядом с Товстоноговым, как-то обмолвилась, что Георгий Александрович задумал на малой сцене поставить только что появившуюся пьесу Александра Володина «С любимыми не расставайтесь». Она была опубликована в первых номерах нового литературно-художественного журнала Ленинграда «Аврора». Михаил с трудом в каком-то отдаленном киоске нашел журнал и за ночь не только прочитал пьесу, но и успел наскоро, пока только схематично набросать сценический вариант. Потом стал искать информацию о драматурге: оказалось, что Александр Володин — земляк-минчанин, воевал, закончил ВГИК и по распределению оказался в Ленинграде. Через пару дней у него созрел режиссерский замысел, сложилась своя трактовка пьесы. Он попытался перевести пьесу на сценический язык. Осталось задумки выложить Товстоногову. После одной из репетиций он обратился к Георгию Александровичу: «Вы задумали ставить Володина?» Товстоногов подтвердил: «Да, повесть у него интересная, современная». И тут практикант хлопнул рукой по стопке листков в папке: «А у меня есть режиссерское решение». Товстоногов удивленно посмотрел на студента: «Ну что ж, давайте рассказывайте». Михаил минут двадцать излагал свое видение. Георгий Александрович слушал, а потом задумался и спросил: «Что надо сделать, чтобы вы у нас остались еще?» У Михаила сердце застучало чаще: «Скорее всего, достаточно вашего письма». Товстоногов пригласил Дину Морисовну и поручил: «Дина, сочините письмо, чтобы оставить этого молодого человека у нас еще на полгода». А Михаила попросил: «Продолжайте дальше…» Товстоногов слушал внимательно и, очевидно, почувствовал, что перед ним не просто способный будущий режиссер, но и настоящий фанат театра. Практикантов из Союза у него перебывало много, а вот такого увлеченного, дерзкого и уверенного в себе еще не было. Пока они беседовали, Дина Морисовна успела напечатать письмо. Георгий Александрович его концовку зачитал вслух: «В связи с поступившей от студента-практиканта режиссерской разработкой пьесы Александра Володина «С любимыми не расставайтесь» и его желанием работать над спектаклем под моим руководством прошу освободить Ковальчика Михаила Станиславовича от занятий на 4-м курсе. Его занятия будут продолжаться в стенах театра». Он подписал письмо, протянул его Михаилу, пожал руку и добавил: «Поезжайте в Минск и привезите ответ. Не задерживайтесь... У нас с вами времени мало».

Владимир Андреевич Маланкин был просто шокирован и так растерялся, что не знал, как поступить. Но не устоял перед авторитетом театрального гения и махнул рукой: «Ладно, пусть товстоноговские университеты окажутся для вас козырной картой в жизни». И скоро в БДТ висел приказ об утверждении постановочной группы и распределении ролей спектакля. Постановщиком назначен Г. А. Товстоногов, режиссером — студент 4-го курса Минского театрально-художественного института Михаил Ковальчик.

Пьеса оказалась «многонаселенной» — Катя и Митя Лавровы, народный судья, судебные заседатели, фотограф, несколько разводящихся пар и дам бальзаковского возраста, эпизодические персонажи. Поэтому в репетиционной собралось более тридцати актеров. Михаил заметно волновался: это был его первый выход к актерам в качестве режиссера. Он собирался на этот раз

просто отсидеться за спиной Товстоногова, который намеревался задержаться до конца читки текста. Но вдруг преподнес сюрприз. Обращаясь к собравшимся, был краток: «Сегодня мы начинаем работу над новым спектаклем. Прошу любить и жаловать — режиссер из Минска Михаил Станиславович Ковальчик, мой помощник. Не смотрите, что он еще совсем юный, он — довольно талантливый. Вот, пожалуй, и все. Желаю творческих успехов!» Встал и ушел. В абсолютной тишине с особым любопытством Михаила «просвечивали» десятки глаз молодых, но уже известных стране актеров — Валентины Ковель, Натальи Теняковой, Геннадия Богачева, Георгия Штиля, Леонида Неведомского, Светланы Головиной, чьи имена красовались на всех театральных афишах и в титрах художественных фильмов. Михаил спросил: «Вам роли уже дали?.. Тогда давайте по ролям и почитаем». А сам облегченно выдохнул, успокоился и стал слушать. С этого момента он навсегда преодолел страх и волнение первой встречи с новой труппой. После читки, как всегда, началось бурное обсуждение. Потом стали разбирать пьесу по сценам.

Михаил не раз встречался с драматургом, который дотошно расспрашивал о Минске, откуда его увезли в Москву в пятилетнем возрасте, высказал мнение, на что обратить особое внимание в спектакле, одному из первых дал почитать новые сценарии-пьесы «Дульсинея Тобосская» и «Мать Иисуса», которые Михаил переписывал от руки по ночам, потому что не было денег заплатить машинистке. Он досконально изучил содержание пьесы. Сам побывал в здании суда, на заводе и даже в сумасшедшем доме — там, где происходили реальные события этой истории. У него создалось ощущение, что он уже пережил судьбу каждого героя, и был убежден — это же должны прочувствовать и актеры. И они послушно усаживались в автобус, терпеливо мотались по местам пребывания своих персонажей. Михаилу казалось, что он «учит их жизненной правде». А они совсем беззлобно и за глаза называли его «сумасшедшим реалистом из Белоруссии». Они ему многое прощали за искренний порыв, за азарт «бесовских чертиков» в глазах, за еще юношескую наивность. Все понимали, что поспешность в выводах и бескомпромиссность, отсутствие гибкости в общении и жизненного опыта скоро пройдут, а безграничная влюбленность в театр и преданность сцене у этого подающего надежды молодого режиссера останутся на всю жизнь.

Когда начались репетиции, Михаил почувствовал уважительное отношение этих молодых, но уже больших мастеров сцены. Они, конечно же, видели в каких-то моментах беспомощность, горячность, неуверенность еще совсем зеленого режиссера, но терпеливо выслушивали его и очень деликатно, с чувством такта дополняли его предложения своим актерским талантом, умением, опытом, что в конце концов становилось художественной ценностью. Именно тогда для себя Михаил на всю жизнь усвоил, что такт — редкий талант недоговаривать истину, чтобы помочь человеку самому понять свою промашку.

Три месяца общими усилиями конструировали и формировали спектакль: ставили, спорили, переделывали, шлифовали. А Товстоногов пришел, посмотрел и спокойно сказал: «Так вот, с завтрашнего дня начинаем репетиции». Он не высказывал претензий, не возмущался, не делал замечаний, а Михаил все равно каким-то шестым чувством ощутил, что ему многое не понравилось. Но не расстроился. Знал, что заложил основу, фундамент спектакля, сделал постановщику «рыбу», как говорят в театре, «размял материал», то есть сделал то, чем занимались все его штатные режиссеры-помощники. Репетировали еще месяц. Михаил с завидным восхищением наблюдал, как Георгий Александрович мастерски переделывал его сцены, дополнял их,

корректировал диалоги. Прямо на глазах рождалось нечто удивительное, до чего сам студент-режиссер тогда не мог еще додуматься. Это была не просто школа режиссуры, а высший пилотаж театральной университетской науки на практике, которая не прописана ни в одном учебнике по искусству, настоящий мастер-класс режиссуры.

Под руководством мэтра практикант Михаил Ковальчик спектакль закончил, написал и согласовал с руководителем практики свой отчет и с лестной характеристикой народного артиста СССР, лауреата Ленинской и Государственной премий Георгия Александровича Товстоногова отбыл в Минск. Это была первая в его жизни характеристика: «Вдумчивое, серьезное отношение стажера ко всему, что делалось в театре, добросовестное отношение к своим обязанностям (в частности, к дежурствам на спектаклях текущего репертуара) позволили руководству театра поручить М. С. Ковальчику работу с актерской молодежью театра над пьесой А. Володина. Таким образом, в отличие от большинства стажеров, его практика была творчески активной… М. С. Ковальчик тяготеет к серьезной аналитической работе. Об этом свидетельствуют его записи всех спектаклей, над которыми шла работа в театре в течение сезона («Два театра», «Беспокойная старость», «Вечерние игры», «Защитник Ульянов»). Обстоятельства позволили М. С. Ковальчику пройти максимально полный курс стажерства…»

А в Минске на курсе правила бал необычно нервозная суета: уже дипломированные актеры сидели на чемоданах — собирались на свою первую профессиональную работу в Бобруйск, где Вера Павловна Редлих задумала создать первый в республике экспериментальный молодежный театр. С одной стороны, захлестывала радостная эйфория, ведь их любимый педагог предполагала сделать недалеко от Минска новый белорусский «Современник» — новаторский театр смелого творческого поиска. А с другой — в душе каждого засела тревога: как сложится его актерская судьба в провинциальном театре. Известно же, что не всегда желания мирно сожительствуют с возможностями. Пока Миша Ковальчик практиковался в Ленинграде, могучая режиссерская кучка курса разлетелась по тепленьким местечкам — Юра Мироненко уехал в Киев, Коля Приемко приглашен режиссером в Гродно, Галя Ляндрес заняла преподавательское кресло в консерватории, Валерий Жигалко уже делал кино на телевидении. А сам Миша остался пока без места: вдали от Минска не успел подстраховаться. Пришлось ехать с семьей в Бобруйск и там ставить свой дипломный спектакль.

Вот так скоротечно, чуть ли не молнией, сверкнула и вдруг улетучилась эта маленькая, довольно богатая новыми и яркими событиями студенческая жизнь деревенского паренька Миши Ковальчика, которая в обмен на юность выдала ему режиссерский диплом.

Наше скромное величество…

В Бобруйске наземный «тихоход» под названием «Кубань» затормозил у театра, и из него, как из коробки, разминая онемевшие от сидения ноги, высыпало уставшее от длительной поездки молодое пополнение актеров. Еще до поездки кто-то съязвил: «Судя по заплаткам, это передвижное средство в прошлой жизни брало Берлин». Действительно, повидавший на своем веку разное, латаный-перелатаный, потрепанный старичок-автобус в пути еле-еле передвигался. Отчего поездка в полторы сотни километров показалась вечностью. Но радужный прием руководства театра как-то смягчил обиду. Конечно,

не было ни ковровых дорожек, ни торжественного митинга, ни восторгов театральной общественности, зато всех обеспечили квартирами, оформили на службу, ознакомили с репертуаром ближайших постановок. Таким образом, актерский десант Веры Павловны Редлих заполнил опустевшую нишу вновь созданного Могилевского областного театра драмы и комедии, который стал преемником областного театра музыкальной комедии, чуть ранее переехавшего почти в полном составе в Минск.

Во время работы в России.

Бобруйским театральным корням аж за три столетия. Тогда при храме бывшего иезуитского костела открылись библиотека, школа и первый театр. А потом в основание этого здания бросил свой камень и Винцент Дунин-Марцинкевич. Он со Станиславом Монюшко создал первое белорусское оперно-драматическое произведение «Сялянка». Премьера состоялась на минской сцене, где сам автор блистал в роли хитрого крестьянина Наума, который «не лез за словом в карман». Властей покоробила запрещенная в то время «мужыцкая беларуская мова», и спектакль тут же прикрыли. Тогда «настырный Винцент» нелегально стал сам ездить к крестьянам бобруйщины со своим детищем.

Позже актер Павел Орленев в своих воспоминаниях напишет: «Бобруйск — город маленький, но театральный. Здесь было много военных с семьями, которые почти всегда посещали наш деревянный, нескладный театр». Но не только офицеры бобруйского гарнизона заполняли не очень-то уютный в то время зрительный зал, но и местные заводчики, купцы, лесопромышленники, достаточно многочисленная еврейская часть города. В начале прошлого века здесь возник частный еврейский театр, постоянно гастролировала труппа известного кумира российской сцены Владимира Кумельского, который после революции в Белоруссии основал первый русский театр, а в здании городской пожарной охраны Бобруйска «Депо-театр» дебютировала богиня русской сцены Мария Савина, о которой известный адвокат А. Ф. Кони писал: «Савина — это имя собирательное, представляющее собой соединение лучших традиций, приемов и преданий с талантом и умом».

В Бобруйске было несколько театров, и как ни странно, они не пустовали. Один — в двухэтажном деревянном доме на пересечении улиц Шоссейной и Котельной (ныне Бахарова и Октябрьская), в саду которого были аллеи, скамейки, беседки. В этом «Зеленом театре» гастролировала труппа украинского актера, режиссера, драматурга и писателя Марка Кропивницкого. Второй — размещался в Пожарном переулке и принадлежал городскому голове купцу Зарубо. Театр Драпкина притаился в саду с фруктовыми деревьями на улице Пушкина. Правда, удобства там были не шибко привлекательные, но партер с сидениями, верхним ярусом и оркестром удовлетворял лучшие еврейские заезжие труппы. А вот театр бывшего антрепренера Фридлянда находился в очень высоком деревянном здании, где хозяин предусмотрел сразу три зрительских яруса. Именно здесь долгое время лицедействовала местная любительская группа служителей Мельпомены, которая и стала первым

профессиональным еврейским театром. Ну, а в 1960-е годы прошлого столетия город на Березине был, пожалуй, наиболее театральным райцентром не только Беларуси, но и необъятного Советского Союза: работали Русский драматический театр и Театр музыкальной комедии с балетом, хором, оркестром, что для провинциального городка считалось непозволительной роскошью. Может быть, поэтому его и «забрали» в столицу.

Вере Павловне Редлих нравилось, что в Бобруйске сохранились вековые театральные традиции, что у местных интеллектуалов чуть ли не «наркотическое» любопытство к сценическому зрелищу, что лицедеи просто завораживают заядлых театралов своим искусством перевоплощения. Вот почему она и согласилась своих талантливых питомцев первого экспериментального курса сюда направить. Она мечтала Бобруйск сделать настоящей театральной Меккой, центром притяжения сценического мира страны. Ее опыт подсказывал, что у этих мальчишек и девчонок внутри зарыт еще не поднятый на-гора пласт творческих идей, что они еще удивят своим смелым и неудержимым полетом фантазии, что молодежный театр станет и республиканской лабораторией театрального искусства, и учебной базой для будущего студенческого поколения. Ах, мечты, мечты...

К сожалению, не суждено было сбыться этим утопическим надеждам: актеры пришли совсем молодые, а постановщики остались прежние, и их взгляды на театр сразу же резко разошлись. Главный режиссер Виктор Федорович Королько пренебрежительно стал отзываться о новом пополнении: «Ох уж мне эти актери — никакой культури». А те увидели в нем просто занудливого, сварливого дядьку, который из-за большой разницы в возрасте так и не смог наладить контакты с молодыми актерами. Так заискрился фитиль сначала недоверия, потом разлада и даже противостояния. Молодежь стала рассыпаться по просторам бескрайнего Союза. Один Леня Кучко почему-то зацепился за «местную корягу». Через несколько лет этот местный конфликт вспыхнул таким пламенем, что собкору газеты «Советская культура» Т. Абакумовской пришлось сор из белорусской избы вынести на весь Советский Союз. Вот когда чувствительно «клюнул петух», чиновники министерства культуры зачесали свои «патылицы» и стали спешно зачищать руководящие кадры театра. А ведь такой «ход конем» можно было сделать и тогда: зачислить в штат не только молодых актеров, но и режиссеров курса Веры Павловны — Юру Мироненко, Галю Ляндрес и Мишу Ковальчика. Создать своеобразную режиссерскую коллегию, как это сделали в свое время в Московском драматическом театре имени К. С. Станиславского. Тогда бы Молодежный театр в Бобруйске состоялся. Но не стали рисковать, а то вдруг эти еще зеленые, и главное, беспартийные постановщики не потянут серьезно застрявший в бобруйском болоте театральный воз, и тогда им не уберечь на плечах свои не очень-то прозорливые головы.

Андрею Алексеевичу Попову, народному артисту СССР, лауреату Сталинской премии, педагогу, предложили стать главным режиссером явно «захромавшего» на обе ноги Театра имени К. С. Станиславского, но он сперва отказался. Тогда-то выпускники ГИТИСа предложили ему создать именно режиссерскую коллегию. Довод был железный: «Вы отчитаетесь в выполнении постановления ЦК КПСС о работе с творческой молодежью, а нам дадите возможность ставить спектакли, о которых мы мечтаем». Попову пошли навстречу, и он пригласил в театр своих бывших лучших учеников Анатолия Васильева, Бориса Морозова и Иосифа Райхельгауза. Анатолий Васильев поставил первый вариант «Вассы Железновой» Максима Горького

и «Взрослую дочь молодого человека» Виктора Славкина, Борис Морозов просто гениально рассказал на сцене полную драматизма и любви историю литовского драматурга Саулюса Шальтяниса «Брысь, костлявая, брысь!», потом успешно завершил постановку «Сирано де Бержерак» Эдмона Ростана, а Иосиф Райхельгауз сделал свой лучший спектакль «Автопортрет» по первой пьесе молодого драматурга Александра Ремеза. Эта троица вывела театр из кризиса, все основатели этой экспериментальной коллегии нахватали кучу званий и премий, стали знаменитыми и востребованными режиссерами. Борис Морозов позже напишет, что эти годы были «удивительным временем, когда все получалось».

А вот отечественной молодежи пришлось проходить через бюрократические тернии и свою состоятельность доказывать где угодно, только не дома. Талант этих мальчишек на лбу не высветился, поэтому министерские умы доморощенным «скороспелкам» не доверяли и, от греха подальше, рыскали по необъятной стране в поисках театральных наемников.

Михаилу Ковальчику немного повезло. Виктор Королько позволил ему поставить дипломный спектакль «А зори здесь тихие…». Повесть Бориса Васильева в октябре 1969 года опубликовал журнал «Юность». Еще запах типографской краски не выветрился со страниц, а на сцене Ленинградского театра юного зрителя и в Московском театре драмы и комедии на Таганке по этой повести уже с аншлагом шли спектакли. Но у молодого белорусского режиссера было свое прочтение этой трогательной истории. И он засел за инсценировку. Сначала стал искать, как любил говорить Немирович-Данченко, зерно пьесы, из которого могли вырасти все элементы плана постановки будущего спектакля. Ему показалось, что кульминацией человеческих отношений на войне была встреча Васкова с Осяниной и Комельковой после короткой разлуки, когда они на радостях со слезами на глазах обнимают его, грязного, потного, небритого. А он им растроганно говорит: «Да какой я вам «товарищ старшина», сестренки? Я теперь вроде как брат. Вот так Федотом и зовите. Или просто Федей, как маманя звала…» Это была идейная сторона замысла. Сюжетная — сохранение всего богатства авторского текста, выраженного театральным языком.

Распределить роли было несложно. За четыре года в одной учебной обойме он наизусть знал возможности своих сокурсников. Роль командира отделения Риты Осяниной сыграет только Мила Ковальчик. Она, как и ее героиня, познала большую любовь и радость материнства, да и в жизни была серьезной и сдержанной. Женя Комелькова — это общительная и озорная, певунья и просто красавица Алла Полухина. А вот роль круглой отличницы и в школе, и в институте, минчанки Сони Гурвич надо поручить Гале Илюшовой: такая же скромная, незаметная, ответственная, любит поэзию. Помкомвзвода Кирьянову сыграет только Надя Мороз. У нее и голос командный, и в характере есть что-то мужское. Федота Евграфыча Васкова лучше Коли Глушакова никто не сыграет. Характер у хмурого старшины неоднозначный. С одной стороны, как говорила о нем Рита Осянина, это «пенек замшелый: в запасе у которого двадцать слов, да и те из устава». А с другой, глубоко в душе у него притаились какая-то искренняя доброта, сочувствие, нежность любящего старшего брата к этим совсем не приспособленным к войне девчатам, которые толком и стрелять-то не умели. Он их перед выходом на задание минут сорок учил портянки наматывать и «крякать» в лесу, заставил почистить свои винтовки образца 1891 года, поесть плотно, взять сухой паек, патроны. Девчата хихикали, но старшина грозно обронил: «Немцев, до зубов вооруженных, идем

ловить — не рыбу». Показать внутреннюю тревогу, заботу и беспокойство героя за судьбу девчат не каждому по силам. А вот Николай сможет: на курсе он лучший мастер перевоплощения. И это будет его первый большой дебют в театре. На роли Гали Четвертак и Лизы Бричкиной подойдут уже опытные актрисы театра Лена Шульга и Ольга Величко.

Главному художнику театра Чумакову идея спектакля режиссера-дипломника пришлась по душе. В ней — острый конфликт, трагизм и жизненные принципы, которые в то время были близки зрителю и давали ему обильную пищу для размышлений после спектакля. В. Маяковский по этому поводу когда-то метко сказал: «С идеями не носятся по сцене — с идеями уходят из зала». В инсценировке сразу же почувствовалась рука не школяра-недоучки, а опытного мастера со своим индивидуальным режиссерским почерком. Были четко прописаны событийный ряд и действия персонажей, эмоциональная и волевая сверхзадача, которые не только возбуждают, но и притягивают к себе всю душевную и физическую сущность зрителя.

Иван Васильевич охотно взялся выполнять режиссерский замысел: формировать образ спектакля, среду обитания героев, атмосферу, внешний облик представления, эскизы декораций, техническое оснащение сцены, детали основных мизансцен. На одном берегу озера, где находились девушки-зенитчицы, иллюзию возвышенности создавали специальные станки, оббитые брезентом, раскрашенные в зеленый цвет. Лесной массив на противоположном берегу — с помощью тюлевой занавески, разрисованной деревьями, кустарником, травой. Эффект раннего утреннего тумана предлагалось сделать легкой дымовой завесой. И когда архитектоника сцены в общих чертах прояснилась, в работу включились декораторы, бутафоры, костюмеры, осветители, парикмахеры, гримеры — соавторы художника-сценографа.

Еще с первого курса Михаил Ковальчик усвоил, что музыкальные мелодии в драматическом спектакле воссоздают тончайшие оттенки эмоциональных состояний. У А. Луначарского есть прекрасные строки: «Слово и действие становятся высокозначительными, когда музыка берет их на свои крылья». Удачное использование музыки в спектакле зависит только от музыкальной культуры режиссера. А Михаил с детства рука об руку шел с музыкой: музыкальная семья, уроки игры на аккордеоне у профессионального музыканта Йогана де Клерка, эстрадный оркестр Дома культуры. И со слухом, и с музыкальной памятью у Михаила был полный порядок, он умел мыслить музыкальными образами. Это и определило, что для спектакля «А зори здесь тихие…» музыкальное сопровождение должно быть написано профессиональным композитором.

Кто-то из однокурсников надоумил Михаила Ковальчика поискать студента в композиторском отделении консерватории: там профессор Анатолий Богатырев как раз выпускает несколько своих учеников. Посоветовали найти способного и уже работающего на радио Леонида Захлевного. По телефону договорились встретиться в общежитии. Когда познакомились, расположились на кроватях напротив друг друга, приготовились к долгой беседе. Михаил изложил суть предложения и добавил: «Ты такой же выпускник-дипломник, как и я, давай объединимся». Леонид с удовольствием взялся за эту идею. Он был в восторге от повести Васильева, так как и его семью задела война. Договорились, что в спектакле музыка будет и оригинальная, и из подбора, но объединена единой композиторской мыслью. Известно, что для спектакля композитор не просто пишет музыку, а создает ее для конкретного текста пьесы, где он должен абсолютно точно уловить тональность отдельных

сцен и монологов, чувствовать характер спектакля и режиссерский замысел. И Леонид зачастил в Бобруйск — то на репетиции с готовыми музыкальными этюдами и для определения момента их включения, хронометража, совпадения с ритмикой актерской игры, то для проверки технических музыкальных средств, то с целью поиска лейтмотива, который бы выразил образ спектакля, трагизм войны.

Когда режиссер Михаил Ковальчик после исправления и доработки принял от композитора Леонида Захлевного музыкальное оформление всего спектакля, а тот расписал партитуру для исполнения отдельными инструментами, дипломники показались на очи директору театра Георгию Ивановичу Вавуло со сметой расхода, чтобы привлечь профессиональных музыкантов и записаться в лучшей студии Белорусского Дома радио. Георгий Иванович сразу же подписал все документы и тепло заметил: «Спасибо, Леонид Константинович, просто потрясающую музыку нам подарили». После этого Леонид собрал нужных ему музыкантов. Записывались исключительно ночью. Сначала долго репетировали. Особенно тщательно добивались звучания кларнета, которому в некоторых сценах предстояло солировать. И только потом оригинальную музыку композитора и музыку из подбора стали монтировать в единое целое для всего спектакля. А утром усталые, но счастливые молодые соавторы спектакля уже дремали в автобусе, который через пару часов примчал их в Бобруйск. Спешили доставить музыкальную аудиокассету на генеральную репетицию, потому что в городе уже был широко афиширован новый спектакль «А зори здесь тихие…» в постановке еще неизвестных для бобруйчан режиссера Михаила Ковальчика и композитора Леонида Захлевного.

Спектакль проходил накануне Дня Победы. Народу было хоть отбавляй. Всем желающим мест не хватило даже с приставными стульями. На первом ряду — легендарный ректор Школы-студии МХАТ Вениамин Захарович Радомысленский, который возглавлял Государственную экзаменационную комиссию, педагог Вера Павловна Редлих, педагоги кафедры актерского мастерства и режиссуры, представители Министерства культуры, горкома партии, ветеранской организации участников войны. И когда открылся занавес, обычный гомон разноголосой публики, беспорядочный гам вдруг «испарился», и наступила напряженная тишина ожидания чего-то совсем необычного, долгожданного, такая тишина, когда даже муха не пролетит незамеченной.

С первых же слов ведущего спектакля возникла загадка: такое тихое и мирное место как-то не ассоциировалось с войной. Ну, иногда над разъездом кружили немецкие разведчики, стояли две зенитные счетверенки — автоматические пушки. Было спокойно, даже дремотно, как в парной. Только вот, как напоминание о военном времени, перед старшиной Васковым на сцене в две шеренги стояли в гимнастерках и пилотках девчата из зенитно-пулеметного батальона, прибывшие для охраны объекта. Так действие спектакля постепенно стало втягивать зрителей во внутреннюю жизнь гарнизона. У всех на глазах сооружались нары для солдатской казармы. Девчата трещали как сороки, но охотно помогали старшине. А потом тот объявил банный день.

И здесь молодой режиссер впервые, может, даже в Советском Союзе, смело показал настоящую эротическую сцену. Сделал он ее не по годам так мастерски, красиво, деликатно, что это вызвало только восхищение и продолжительный всплеск оваций зрителей. Юрий Любимов в Московском театре на Таганке скрыл всю женскую красоту за деревянными бортами грузовика ЗИС-5, из-под которых видны были только головы, ноги и в воздухе изредка веники. А Михаил Ковальчик одел актрис в телесного цвета облегающее трико,

в глубине сцены перекрыл тюлевым прозрачным материалом выгородку. Поэтому зрители стали соучастниками всего банного процесса, где девушки свободно и лихо не только пользовались своими банными атрибутами — тазиками, мочалками, но и весело плескались водой, хлестали друг друга вениками, громко разговаривали. Чтобы создать видимость пара, запускали дымовую завесу. А банную выгородку «прострелили» с двух сторон лучами света, отчего создавалось впечатление, что девушки совершенно обнаженные: четко просматривались покатые плечи и точеные ноги, длинные шеи и распущенные волосы, округлые груди, их стройные и грациозные фигуры. На виду оказались все женские прелести. Это было сказочно поэтично. И когда в бане появилась Женя Комелькова, все ахнули, глядели как на чудо:

— Женька, ты же русалка! Да с тебя только скульптуру лепить…

— Женька, у тебя кожа прозрачная…

— Ой, Женька, тебя в музей нужно! И только под стекло на черном бархате…

— Ну, просто чертовски красивая!..

А ведь эту вечную женскую красоту фашистский сапог вскоре безжалостно растопчет и уничтожит: в схватке с диверсантами все эти чудо-создания погибнут. И здесь Михаил Ковальчик четко выражает свою режиссерскую мысль, что у войны, действительно, не женское лицо. Война — это страх, боль, смерть. Это трудное, кровавое, жестокое занятие. Это разрушение и уничтожение. Не женское лицо у войны потому, что женщина — сила созидающая: она жизнь дает, а не отнимает. Молодого режиссера коллеги всячески отговаривали ставить эту сцену. Но он был убежден, что публика в момент гибели девушек обязательно припомнит сцену природного женского очарования. Варварство обязательно породит естественный гнев и возмущение присутствующих. Да и принимающие спектакль разные идеологические службы города и области согласились, что это смело, неожиданно, тонко.

Итак, на сцене пятеро бойцов-девушек, с винтовками и вещмешками, во главе со старшиной идут остановить диверсантов. Они еще не знали, что уходят в бессмертие. Некоторые шли на это задание, как на обычную прогулку с шуточками-прибауточками. А вот старшина нутром чувствовал, что схватка с вооруженными до зубов и обученными лазутчиками будет смертельной. Поэтому режиссер спектакля вложил в его уста все тревожные реплики типа — «немцы — вояки злые, это только на карикатурах их пачками бьют». И заставил своих героев преодолевать массу трудностей. Сначала они пробирались через болото, где девчата орудовали в трясине специальными слегами — длинными и прочными жердями нащупывали тропу и шли след в след за старшиной, поскольку слева-справа «жижа, что овсяный кисель: и ногу не держит, и поплыть не дает», затянет — маму позвать не успеешь. Галя Четвертак не только сапог, но и портянку болоту подарила: вышла в одном чулке. Пришлось старшине ей чуню сооружать: обмотал ногу запасной портянкой, натянул два своих шерстяных носка, свернул из свежей бересты кузовок для ступни и все это прикрутил бинтом.

Но драматизм их похода начался после того, как они насчитали шестнадцать серо-зеленых немецких фигур, которые медленно, озираясь, прошли с автоматами наизготове по сцене за задником, разрисованным под лесной массив. Тут-то девушки и почувствовали смертельную опасность: в глазах напряжение, в поведении нервозность и растерянность. Старшина старался спокойно, словно на полевом бригадном стане, говорить: «Плохо, девчата, дело… Шестнадцать автоматов — это сила. В лоб ее не остановишь. И не

остановить тоже нельзя…» Так на сцене началась неравная схватка крохотного, практически безоружного девичьего отряда с фашистскими головорезами. Первой погибает Лиза Бричкина: торопилась позвать на помощь бойцов и соскочила с тропы, ее и засосала трясина. Соня Гурвич, читавшая вслух и нараспев блоковские стихи, даже не успела понять, что напоролась на немецкий нож. Это было настоящим потрясением для девчат. Старшина вытащил из ее гимнастерки документы и тихо сказал: «Соня могла бы еще и детишек нарожать, а те бы — внуков и правнуков, а теперь не будет этой ниточки, перерезанной вражеским ножом…» Галя Четвертак, самая молодая, по-детски радовалась, что ее взяли на ответственное задание, а потом просто психологически не справилась со своим страхом. А вот Женя Комелькова и Рита Осянина оказались посильнее духом, у них был свой счет к войне. Они пришли мстить за родных и искалеченную свою жизнь. Погибли они в бою. Пытались сражаться даже тогда, когда патроны кончились. А старшина пленил горстку живых фашистов. Слезы текли по его грязному, небритому лицу. Его трясло в ознобе, и он надрывно кричал: «Что, взяли?... Пять девчат, пять девчонок было всего! А ведь не прошли вы никуда и все сдохнете здесь…»

И когда опустился занавес, зрители еще оставались в оцепенении: в ушах эхом звучала насыщенная безысходной скорбью и глубоким драматизмом музыка заключительной сцены, клокотали чувства сострадания и сопереживания, которые просто приковали их к театральным креслам. На мгновение в зале воцарилась мертвая тишина. А потом — продолжительный шквал аплодисментов. Все были потрясены и даже позабыли, что спектакль поставлен начинающим режиссером-дипломником. Так мастерски он был «сколочен», что смотрелся на одном дыхании, и каждый сидевший в зале ощущал себя чуть ли не соучастником событий на сцене. События в спектакле развивались довольно динамично, и в драматической канве не оставалось места для пустот, которыми иногда грешат и более маститые режиссеры. Все в этом спектакле было обнажено, каждый нерв, как натянутая скрипичная струна. И соло кларнета заставляло с тревогой биться сердце в ожидании опасности. Этот волшебный инструмент как будто предупреждал зрителя, что вот-вот не станет еще одной жизни. Отчего душу просто выворачивало наизнанку, а слезы застилали глаза. И конечно, удивительная, просто феерическая игра молодых актеров, для которых это был первый выход на профессиональную сцену.

Дипломная работа молодого режиссера Михаила Ковальчика оказалась настолько убедительной и посещаемой зрителями, что стала репертуарным спектаклем Бобруйского театра драмы и комедии на долгие годы. Его не раз показывали и сельчанам. Как-то приехали в колхоз, выбрали поляну для сцены, установили осветительную аппаратуру, и уже в сумерках актеры вышли на «сцену». Народ дружненько группами подтягивался из соседних деревень. Пригорок, словно амфитеатр, заполнился зрителями. И тут пошел затяжной дождь. Прожектора спешно закрыли целлофаном, плащовками. А молодые актрисы, мокрые, озябшие, играли вдохновенно. Сама погода внесла в спектакль потрясающую достоверность, особенно когда в болоте погибала Лиза Бричкина. Люди терпеливо досмотрели его до конца, долго аплодировали, завалили редких для села гостей цветами, расходиться не спешили. Такие спектакли по своему эмоциональному накалу сразу не отпускают человека. Ну, а председатель колхоза «исключительно для сугрева» пожертвовал ящик горячительного напитка.

Потом «А зори здесь тихие…» показали на гастролях в Полоцке. Сотрудник местной газеты «Сцяг камунізма» Наум Гальперович заметил, что, несмо-

тря на трагическую концовку, молодым актерам все-таки удалось пронести через весь спектакль свет гуманизма, человечности, любви к жизни и людям. Он был в восторге от музыкального и светового оформления, которое хорошо отвечало режиссерскому замыслу. Тогда же в интервью молодой постановщик, пока еще дипломник, Михаил Ковальчик сказал: «Не знаю, как сложится распределение, но я надеюсь, что мое большое желание работать в этом театре осуществится…» Он мечтал остаться в Бобруйске: здесь его однокурсники, здесь его семья, здесь его первый режиссерский успешный дебют. Но мечты оставили только горький осадок разочарования.

Реальность оказалась совсем иной: в театре режиссерского места не было, а в Министерстве культуры не удосужились официально «распределить» молодого специалиста. Пришлось Михаилу на Бобруйскую сцену выходить актером. Ему бы напомнить о себе, но Михаил Ковальчик оказался хорошо воспитанным и на редкость скромным молодым человеком. В его скромности просматривалась скорее скрытая гордость, чем застенчивость или нерешительность, как предполагали однокашники. Он верил, что свет в его творческом тоннеле вот-вот покажется и без унизительного стояния на коленях. Так оно и вышло.

Через несколько месяцев уважаемый в театральном мире эксперт Министерства культуры, которая курировала молодых специалистов и была в восторге от спектакля «А зори здесь тихие…», написала личное поручительство в Брестский русский драматический театр имени Ленинского комсомола Беларуси: «Податель сего письма выпускник нашего института (режиссер) Ковальчик Михаил Станиславович. Это очень способный режиссер, скромный человек. Очень прошу помочь ему устроиться в театр. За эту рекомендацию краснеть не придется. С уважением А. Г. Герштейн.

P. S. Т. Ковальчик — ученик В. П. Редлих…»

С этой рекомендацией Анны Григорьевны Михаил появился пред очи главного режиссера Георгия Андреевича Волкова. Тот дружески улыбнулся и как-то буднично сказал: «Ну что ж, наше скромное величество, прохлаждаться времени у нас уже нет. Есть тут у театра должок перед школьниками. Обещали поставить сказку «Золотое ухо», да все руки не доходят. Вот тебе и карты в руки, дерзай…» Так молодая пара оказалась в Бресте. И для нее планка творческого полета резко поднялась: молодой режиссер получил свободу для личностного роста и вскоре в такой атмосфере «заговорил» каким-то особым театральным языком, а молодая актриса Эмилия Ковальчик в своих премьерных спектаклях сразу же заблистала в главных характерных ролях, и как говорили коллеги, играла самозабвенно — на «разрыв аорты».

Окончание следует.

Фото автора и из семейного архива.

Антон СОЛОДОВНИКОВ

Век из платины

Из анамнеза

Доктор, поверьте мне, я адекватен.
Я, честно, все понял, и в стенах больницы
Оставил все мысли не только о Канте,
Но и о Ницше.

Доктор, смотрите, я правда здоров —
Вам незачем больше со мною возиться.
Ведь я не боюсь ни данайских даров,
Ни посидеть у костра с инквизицией.

Я докажу, чтобы стало яснее —
Тестируйте!
Вот, я не вижу хорошего
Ни в кляксе Роршаха,
Ни в тысяче тех, что оставил Есенин.

Можете делать рентгеновский снимок —
Диагноз один, хоть разденьте до кости:
Поэту жить с вечностью невыносимо,
И колом осиновым
Не успокоить.

Я лишь чертил, пускай и порезами,
На стенах бумаги,
Запястий,
Палаты
Дорогу до нового века поэзии,
Века
Из платины.

* * *

«Скорую!» «Скорую!» «Скорую»
Требует целая нация!
Оруэлл! Оруэлл! Оруэлл
Начинается!

Если для тех, кто главнее,
Истина — цвета хаки,

Календарь будет как оглавление
К Олдосу Хаксли.

Некому больше молиться,
И в церкви ничто нам не лгало,
Но нимбы сменила милиция
На ореолы мигалок.

Наши страхи никак не вмещаются
Во все сочинения Кинга.
По накладной, как всеобщее счастье,
Несут эндорфинное иго.

Но мы же — единственный организатор
Общества, что не замять им!
И мы же — пиратская копия завтра —
Стыдно должно быть, Замятин.

Пейзажа красивого ради,
Дубинка в Эдем переделает гетто.
Доктор! Нас всех лихорадит!
Сколько там по Фаренгейту?

«Скорую!»
Медиа — с кровью!
Кто у реальности автор?
Придет «happyend» же? Не скрою,
Я жду с оптимизмом...
Лавкрафта.

Творец

Я — за пыльными полками,
С идеями Поллока,
Я — творец на любом биеннале.

Для искусства — в ливрее,
Для любой галереи
Я — творец, в чем бы ни обвиняли.

Я без гамм, интервалов
Новомодным товаром
Продаю аритмичные вальсы.

И над всем, что формально,
Как оплот графомана:
— Я — творец! (Ибо сам так назвался.)

Сотворивший гиганта
Из азов плагиата,
Я — художник, и значит, так вижу,

Только жаль, что полотна
Миллионного лота
Из холста со стыда себя вырежут.

Недоступный для черни
Или рамок течений,
Я стою на любом биеннале —

Опоздавший новатор —
И смотрю виновато
На Творца, что не стал так банален.

* * *

А я и не знал,
Что грядет мировая война.
Что мой друг — оккупант,

Что вся Англия — зла,
Что Господь обещал быть за нас
И что надо рубли покупать;

Что дешевая нефть
Сокращает жизнь тысяч под блиц.
Что на лжи лучше догмы растут.

Что ужаснее нет
Тех, кто не толерантен к убийц
Ущемленному меньшинству…

А я наслаждался счастливых минут
Изобилием,
И цвел, словно вечный жасмин.

А я и не знал,
Что меня час назад разбомбили,
По заявлениям СМИ.

Исповедь пирата

(правообладателю)

Я делаю это все не из-за денег
И не ради славы пирата:
Я просто не вижу здесь произведений,
Достойных значка копирайта.

* * *

Жизнь
Под дымом пожара и ладана
Ответит одно,
Сколько бы ни молили:

— Ваша молитва
Очень важна для нас.
Оставайтесь на линии...

Борис МИКУЛИЧ

Каким он был?

Рассказы

Пасхальное яйцо

Он родился в 1912 году, в июле, розовым утром. Мир, который отразился в его глазах, был чудесен: омытые ночным дождем листья деревьев блестели глянцем; гроздья цветов, казалось, трепетали под ласковыми лучами солнца; пчелы, бабочки и шмели, застывая на цветах, сами превращались в причудливые цветения… Мир был ярок и чудесен, и нельзя было поверить, что таит он в себе так много зла для нового его аборигена…

Восприятие мира его память зафиксировала впервые в трехлетнем возрасте. Мать держит его перед фотоаппаратом и обещает, что из ящика, покрытого черным лоскутом, вылетит птичка. Впервые обманута надежда его: что-то щелкает, седоусый дядя говорит: «Готово!», а птичка так и не полетела. Сколько подобных огорчений будет ждать его в жизни! И он горько плачет, плачет от несправедливости этого мира!..

В пятилетнем возрасте первые боли терзают его тело. Проснувшись ночью, он ощущает в паху острую резь, капризничает. Взволнованная мать бросается к своему единственному сыну, будит отца. И вот при свете круглого, матового ночника они вдвоем осматривают огромную опухоль. «Ничего! — говорит отец делано спокойным голосом. — До свадьбы заживет».

— Но ведь завтра Пасха, — говорит мать.

— Вот я ему и принесу золотое яичко!

Золотое яичко в руках у веселого дяди, военного доктора Рослякова. Он, как и отец, в белом халате, и когда он стремительно ходит по комнате, фалды халата разлетаются, как паруса, и весеннее солнце сквозит в них.

— Пойдем со мной, Глебушка! — улыбается дядя Росляков, поманивая мальчика большим — красным с золотом — яйцом. Мальчик, ковыляя и преодолевая боль, движется за улыбающимся весельчаком в отцовский кабинет. Проходя в залитую солнцем прихожую, слышит веселые голоса сестер, резвящихся в палисаднике, но сила, таящаяся в золотом огромном яйце, преодолевает желание броситься в открытые двери, и он идет и идет за манящим его, улыбающимся добрым дядей доктором.

Вот и отцовский кабинет. Знакомая тетя Надя, не раз баловавшая его, тоже в белом халате, возится у горящего солнечными лучами металлического ящика. Но где мама? Мамы нет.

— Яичко!.. Яичко!..

— Вот влезешь на этот стол — и яичко твое.

Еще усилие, еще — и заветное яйцо в руках. Ах, как оно красиво! Как оно преображается под разноцветными бликами, падающими на него от массы блестящих предметов, стоящих здесь.

— Папа, только не тронь ваву!

— Нет-нет, мой родной. Мы займемся яичком. А дядя пусть посмотрит. Ах, и чудесная штука это яйцо. А посмотри, Глебушка, оно раскрывается. А там внутри что?

— Яичко!

— А внутри его?

— Опять яичко!

И всем весело от радостного удивления мальчика. А рука дяди Рослякова, теплая и ласковая рука, совсем безболезненно коснулась «вавы». И вдруг колющая боль сотрясает все его небольшое тельце. Конвульсия корежит его, и все на мгновенье исчезает.

— Ну, вот и все!..

Теперь смеющийся, веселый дядя Росляков, который не раз колыхал его на своих коленях, глубоко ненавистен ему, страшен, отталкивающе страшен.

— Яичко!

И горькие слезы обиды и несправедливости застилают ему мир. И нет этого радужного, весеннего, солнечного мира, смеющихся детских голосов за окном, пасхального благовеста недальнего собора, а боль, боль, и слезы, горькие слезы…

Потом он просыпается от нежного поглаживания по голове. Мать склонилась над кроваткой. Одни большие глаза ее, и запах тепла, и ласка… Мама! Мама…

— Яичко где?

— Да, правда, где ж оно? — вдруг мать смеется грудным, дорогим таким смехом.

— Девочки, посмотрите! — сестры обступают кроватку и рассматривают братца. Он весь, с головы до ног, и все в кроватке — простыни, одеяльце, подушка — измазаны в красную, синюю, зеленую, желтую краску.

— Яичко!

И вот какие горькие слезы, что и смех сестер замолкает, что и отец появляется из столовой, подвязанный салфеткой и с вилкой в руке. Мать порывисто идет в столовую и возвращается с огромным подносом крашеных яиц.

— Успокойся, Глебушка, сынок мой, родной мой! Бери сколько хочешь!

— Н-е-ет, золото-о-ое!..

Таково было крушение первых золотых иллюзий детства!..

А было ли, собственно, детство?

Были и игры, и ласка матери, и насмешливо-серьезное внимание отца, забота сестер — трех, старших. Кони из папье-маше, трехколесные велосипеды, гусарские (уланские?) доспехи, сабли (ведь шла война) — все это было. Но не было сверстников, и это — отсутствие их — определило и игры, и формирование характера, и восприятие мира.

Что ж помнится особенно резко из возраста четырех-пяти лет? Вот она — цепь эпизодов, занятных.

Жеребенок

У отца было мало свободного времени. Даже в воскресные дни отдыхать разрешал он себе только половину дня. В воскресные дни он с сыном отправлялся к поздней обедне в Николаевский собор. В городе его почти все знали, и пока проходил он паперть, поклоны сыпались со всех сторон. Отстояв службу, отец с сыном отправлялись в магазин. Здесь разрешалось Глебу выбрать то, что ему приглянулось. Приглянувшаяся вещь покупалась. Возвращались с этой торжественной прогулки на извозчике, и было занятно наблюдать, как возница

отказывался от платы: «С кого брать? С Вас?!» Дома отца уже ждали пациенты из окрестных хуторов, деревень и местечек. Слава о нем шла далеко!.. Иногда говорили, что у квартиры Никульского больше подвод, чем у костела...

Иногда отец вырывался из плена больных, пациентов, визитов.

И вот однажды отец сказал: «Сегодня, Глебушка, поедем далеко-далеко!..»

К десяти часам был готов рессорный экипаж лучшего в городе извозчика Дучица, рыжебородого, тучного, краснощекого великана. И он сам — в новом казакине, туго подпоясанном широченным красным кушаком, — на высоком облучке, улыбается в рыжую бороду.

Тенистые аллеи больничной усадьбы, ярко-праздничные улицы города, шумный, пахнущий зерном и медом базар, стальная гладь реки — все это позади. И вот — колышемся на мягких просторах среди зеленого богатства перелесков, оврагов и рощ. Тепло и радужно в мире, внутри и вне Глеба. Огромной любовью к отцу полнится его маленькое сердце. И вот экипаж останавливается возле хутора, окруженного липами и вишнями:

— Михаил Викентьевич! Михаил Викентьевич! — И уже не знают, как помочь, под что подхватить дорогого гостя.

— Вася! Васятка!

— Василек!

Пошли переклички по хутору.

— Василек! Твой спаситель приехал! Целуй руку.

Взрослые — за столом, а Глеб со «спасенным» Васильком «обходят дозором» кажущиеся огромные владения.

— Коні паглядзіш?

За перелазом, до серебряной извилины реки — темно-зеленый лужок. Мы приближаемся к лошадям. Вот рабочий конь поднял добродушную морду, вот заржала мать. Вот… Боже мой! Не тот ли это конь, от которого в сказке гремит земля? Золотистый, почти розовый, с белой звездой на лбу.

— Бацька мне гадаваць будзе.

Василек удивлен, что так привлекло Глеба к жеребенку. И Глеб, вероятно, не отдает себе в этом ясного отчета. Но золотистый жеребенок притягивает как магнит. Такого бы Глебу… Променял бы все — и трехколесный велосипед с серебряной бахромой на сиденье, и красную гусарскую форму, и дребезжащий круг железнодорожных рельсов с паровозом и вагонами… Такого бы Глебу…

— Я денег не беру, — говорит отец слегка недовольным тоном. — Тем более что я и сам был заинтересован в том, чтобы Вася остался с ногами.

— Чем же Вас благодарить? — хлопочет Васина мать. Оставляйте на лето Глебушку.

— Нет, жена не позволит. Ведь он у нас один!

— Я уже все перебрал, — рассуждает Васин отец. Пожелай Михаил Викентьевич хутор — бери. Ведь один сказал — резать, второй сказал — резать, третий сказал — резать… А вот он с ногами.

— Ну и ладно, — в усы улыбается отец.

И тут неожиданно Глеб:

— Папа! Я хочу жеребенка!

— Не глупи. Что ты с ним будешь делать? Ездить? Ты еще мал.

— Нет, я буду смотреть на него! — еле внятно.

Все засмеялись.

И вот однажды в приемной недовольный голос отца и неуступчивый — это нашей Веры.

— А что я? Суну в карман?

Это не рубль, а жеребенок, да в придачу мера овса!

— Вечно у вас так!

Отец выходит на черное крыльцо. Из спальни Глеб слышит уже более спокойный голос:

— Да, он действительно превосходный! Но он его лягнет! Глеб! Иди сюда, ты своего добился.

Почти розовый жеребенок с белой звездой на лбу стоит на привязи возле крыльца. Какой он хороший!

Каким он был?

Он был суровым на вид, был строг, казался неприступным, но я знал — он любил меня безгранично…

Историю эту я услышал позже с многими подробностями, но их я отбрасываю. Будучи взрослым, я приехал в город детства. И вот однажды ко мне пришел рыжебородый еврей.

— Может быть, вам что-нибудь нужно? Может, вы нуждаетесь в чем-нибудь? Молодые люди имеют много развлечений, и много нужно для них денег.

Я поблагодарил, заверил, что денег на мои развлечения хватает, полюбопытствовал, за что, собственно, он мне предлагает деньги? И рыжий еврей, смахивая трехпалой рукой слезу, ответил:

— Я должен вашему покойному отцу. Очень много должен…

Закончив работу, отец отдавал последние распоряжения своей помощнице, фельдшерице. В это время в дверь кабинета постучали. На пороге появился рыжебородый еврей, он нес перед собой больную руку.

— Прием окончен, — бросила фельдшерица. Еврей умоляюще смотрел на отца.

— Что у вас? — спросил отец.

— Спасите!

Это была страшная флегмона. Вся рука была сплошной тестообразной опухолью. Отец покачал головой.

— Вам нужно обратиться в кабинет рядом…

— Я уже там был. Он мне сказал — отрезать.

— Да, отрезать.

И отец совсем было собрался уходить, но какие-то соображения остановили его.

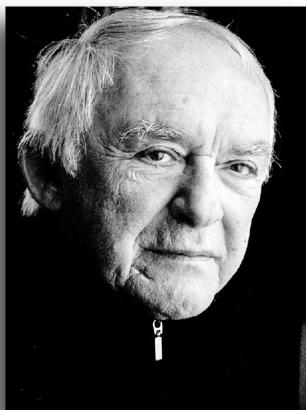
— Варвара Антоновна, приготовьте инструменты.

— Викентий Михайлович, — умоляюще возразила фельдшерица, — оставьте на завтра.

— Ну что вы!

Он сделал операцию: ампутировал два пальца, сделал четыре глубоких разреза, но руку не отнял. В этом было преимущество этой операции над той, которую предложил хирург. Но… произошло роковое «но». Увлеченный операцией, он забыл, что на пальце маленькая царапинка, покрытая черным пластырем. Вот этот-то маленький черный кружочек пластыря упал во время операции. Отец промыл ранку спиртом. Больной, его рука была спасена.

Я помню отчетливо вечер этого дня. Отец попросил у матери термометр. Посмотрел, стряхнул, сказал, что приляжет. А уже через три часа в квартире суетились врачи, фельдшера, товарищи по работе. А еще через сутки — он впал в забытье. А потом — огромная толпа плачущих людей — мужчин, женщин, людей, которых он спас, которым помог, огромная толпа проводила моего отца. Я заплакал только на кладбище, перед открытой могилой. Мать стояла на коленях у самого края ее, и мне все казалось, что она упадет в могилу. Хватая ее за руки, я неистово орал. Меня взяли и отнесли к извозчику.

Момо КАПОР

Возвращение Дон Жуана

Рассказ

В отличие от красавца Грегора Самсе, героя «Превращения» Кафки, в одно прекрасное утро проснувшегося гадкой букашкой, неприметный Петар Урбан пробудился от продолжительного кошмара симпатичным и преуспевающим мужчиной.

Естественно, это длительное перевоплощение стоило ему многих сознательных лишений: длительных пресных диет, укрепляющего бега и более чем годового сидения в гидравлических креслах лучших европейских протезистов; сезоны напролет пролеживал он на солнце, а когда лето заканчивалось, отправлялся на поиски островов и дальних стран, где можно было принимать солнечные ванны, ходить под парусом, плавать и нырять... Кроме того, не следует забывать, что жизнелюбивый Петар Урбан каждый день проделывал на своем дорогом бесколесном велосипеде около пятидесяти километров, так как пережил два настолько серьезных сердечных удара, что был выбит из своей напряженной работы почти на два года, которые и посвятил только себе и своему преображению.

Работал он правозащитником в межнациональной компании «CFL» на Балканах, в Восточной Европе, Ближнем и Дальнем Востоке. В детстве Петар ничем особым не выделялся. Был довольно серым, неприметным и сверх меры чувствительным ребенком, с нездоровой жаждой любви, которая для него в то время, естественно, не могла быть взаимной. Его чувствительность проявлялась в болезненной стыдливости; страдал он больше, чем его сверстники, и влюблялся более страстно, чем они, в обычных девчонок, в то время предпочитавших встречаться с видными парнями, к числу которых Петар Урбан не принадлежал. Его амурные неудачи определили путь, которым он поднимался по общественной лестнице, ища любовь, отчаянно работая на себя, свою карьеру, до тех пор, пока не вознесся настолько высоко, что его многочисленные недостатки превратились в прелестные достоинства.

Ничто так не украшает мужчину, как высокое общественное положение, а Урбан, к тому же, был окружен таинственным ореолом трагичности, уединенности и выглядел уверенным в себе.

Уже через десять лет все те спортсмены из маленького городка Урбана, перестав заниматься ватерполо, плаванием и тяжелой атлетикой, стали обычными пивными бурдюками, в то время как он, неприметный в гимназические годы, поправился ровно настолько, чтобы в сорок выглядеть исключительно стройным и элегантным.

Занимаясь на своем велотренажере марки «Триумф», он часто в грезах посещал свой родной город, кружил по его опустевшим ночным улицам, катался по газонам в Большом парке, по футбольным полям, а затем включал скорость для горных дорог, поднимался на зеленые холмы, окружавшие его мрачную моло-

дость, и с головокружительной быстротой спускался к городским улицам, такой же невидимый, как герой «Машины времени» Герберта Уэллса. Возможно, и его первая, самая большая и, наверное, единственная настоящая любовь, Елена, была сейчас замужем за кем-то из тех старых, потрепанных, когда-то спортивно подтянутых львов, которых уже давно покинули и сила, и волосы. («Духа, который мог бы их покинуть, в них не было!» — думал со злорадством Петар Урбан, спускаясь с белых облаков на аэродром своего родного города. Впрочем, пролетая над этим зеленым котлованом, напоминающим горшок, в котором веками, как в комфортабельном аду, бурлили его скучные обитатели (а горшок никак не выкипит), он думал о нем как о крае, прекрасно знакомом, невероятно похожем на его первую любовь: слегка затуманенный, скрытный, изящно опасный и влажный, словно ее темные глаза серны, выглядывающие из-под каймы блестящих черных волос, обрамляющих бледное лицо с выступающими скулами. «Жаль, что женщины так быстро увядают в наших убогих условиях, — размышлял Урбан. — Лишние килограммы, невроз, непосильная работа, дурацкая жизнь, смог, постоянная нехватка денег, дети...» Он провел пальцами по своему гладковыбритому лицу, с удовольствием отметив, что щеки похудели ровно настолько, насколько нужно, и на них нет ни одного лишнего грамма. Бедняжка Елена — сейчас она, скорее всего, довольно толстая матрона, обманывающая себя и других, крася свои когда-то черные, а сейчас седые волосы в темно-темно синий цвет, напоминающий крыло ворона на фоне заснеженного поля! Кого она думает обмануть, своих ровесниц? Их старение отражается в первую очередь на руках и шее; поэтому у женщин в таком возрасте болезненная страсть к украшениям, могущим прикрыть морщинистую кожу и складки. Урбан думал о них со злостью, как будто возвращая какой-то старый неоплаченный долг, который те так долго не хотели принимать. Сейчас они в расчете. И все же он испытал то самое, почти забытое, возбуждение гимназиста, которое испытывал, выходя на центральную улицу, где гуляли жители городка и около семи должна была пройти Елена. Улыбнулся этому ребячеству с превосходством светского человека. Его профессия вынуждала много путешествовать по стране и миру, пришлось объездить почти всю планету: от Нью-Йорка, Парижа и Сиднея до самых заброшенных отечественных городишек.

Случалось встречать иногда женщин, в которых когда-то был влюблен: главным образом в посольствах, консульствах и торговых представительствах (это были одинокие супруги дипломатов, ожидавшие гораздо большего от своих мужей) или в промышленных центрах на периферии, где ему приходилось бывать по долгу службы. Многие не узнавали его; приходилось вспоминать (а память у него была феноменальная!) множество незначительных деталей, чтобы воскресить в их памяти свой образ, и все же видел, что в нем не признали того худого, стеснительного ребенка с болезненно горящими глазами, когда-то поедавшими их, но многие разыгрывали радушие, так как им льстило общество и дружба знакомого детства, ставшего такой видной личностью, в чью честь их мужья устраивали торжественные приемы. Годы и путешествия взяли свое, сотворив из Петара Урбана опытного и внимательного, хитрого и искусного любовника, который, казалось, может соблазнить кого пожелает: все еще свободный, можно сказать, богатый, известный и картезиански хитрый.

Сначала совершенно случайно, со скуки, соблазнил супругу некоего дипломата в одном из азиатских посольств, в которую когда-то был влюблен больше года. Она была из утонченной семьи и играла в теннис, когда в их городе был только один стадион; а он страстно ненавидел изысканный сброд в белых спортивных костюмах, хвастающий форхендами и бекенда-

ми. Часами висел на стене из красного кирпича (остатки старой турецкой крепости), наблюдая за плавной игрой ее ног; ему казалось, что нет на земном шаре ничего важнее очаровательных ямочек над ее возбуждающей формы коленями, а ее таинственная розовая плоть, выглядывавшая из разреза короткой теннисной юбки, превратила многие ночи Урбана в настоящее онанистское безумие. Но это было до встречи в Азии. Все произошло на циновке у бассейна во влажных облаках испарений экзотических растений, после нескольких выпитых коктейлей. Ему казалось, что он спал с ней уже бессчетное количество раз, так долго мечтал об этом, воссоздавая в памяти ее рельефное мускулистое тело. Какое же разочарование! Она была такой же как все: не лучше и не хуже, может, только больше других надоела рассказами об удивительных путешествиях и шикарных отелях. Он решил уехать из того азиатского города, как только понял — ее сорок вносят своего рода панику в их таинственную связь, которая все равно ни к чему не могла привести.

Супруга живущего сейчас в Цюрихе известного хирурга, с ней он был знаком в юности, отдалась Урбану чуть ли не на глазах у своего мужа. Отправила того спать (что тот воспринял с облегчением) и осталась с Урбаном в гостиной, на первом этаже, где они предавались блуду на диване, кардинальско-красный плюш которого подчеркивал бледность ее роскошного тела. Какой скучной казалась ему сейчас та давняя несбыточная мечта. Ее подпрыгивающая походка, когда шла в ванную, колыша боками, ее перезрелое неуместное кокетство — все указывало на невозможность близких отношений. На родине ее все не устраивало, и все там отдавало примитивизмом, Балканами, а скучная цюрихская жизнь, стерильная до мельчайших деталей, выглядит благополучной только на фоне нищеты родного города в котле. «На чем лучше летать? На «Swiss Air» или «Pan-American»? Бифштекс в первом классе вот такой толстый, честное слово, и шампанского сколько хочешь! Не нужно платить за наушники, чтобы послушать музыку или посмотреть фильм...» Господи! Урбан пришел в себя от этого щебечущего, механического голоса, наполненного звоном монет разных стран.

Существовал ли Дон Жуан на самом деле? Никогда, даже во сне, Урбан не примерял на себя этот упрощенный, но лестный титул настоящего завоевателя. Занимаясь любовью, он в определенном смысле вел беседу со своей жизнью — беседу движениями, потом, кожей, слезами и спермой... А кроме того, он мстил, и понял это однажды летом в Дубровнике, предаваясь любовным утехам с бывшей красавицей из своего родного города в гостиничном номере, где она жила с семьей. Окна выходили на бассейн, и пока он держал ее за бока, обняв сзади, оба могли наблюдать за ее мужем, играющим с детьми: отец подавал им мяч, когда тот перелетал за край бассейна. Урбан был тогда средневековым мстителем, скачущим на розовой кобыле, пронзая копьем все прежние унижения и неудачи.

— О Боже, да ты маньяк! — стонала под ним женщина. — Когда был молодым, женщин, наверное, выносили из твоей комнаты.

«Сучка! — думал он. — Когда я был молодым, у меня не было ни комнаты, ни женщин...»

Он смотрел на уже вросшее обручальное кольцо на ее пальце, когда руки любовницы крепко сжимали ограду балкона, закрытого жалюзи.

Приезжая иногда в свой родной город (главным образом на похороны немногочисленных родственников), он, покинувший родину униженным и бедным, сейчас был вхож в самые закрытые местные общества, где воодушевленно охотился на прежних девочек, в которых когда-то был влюблен. И спустя некоторое время обладал довольно богатой коллекцией своих старых, невозвратимых, а сейчас, наконец, осуществленных любовей. Каждый

новый трофей в этой охоте на податливую зрелую дичь казался все более пустым и ненужным, так как навсегда освобождал его от ошибок и желания. Что может быть трагичнее положения человека, наконец добившегося всего того, чего когда-то желал?

Что ему не нравилось во всех этих женщинах? Провинциальная сентиментальность, страсть цитировать и декламировать Есенина, Лорку и невыносимо скучного Тагора, то, что они цеплялись за него, рассчитывая на эту тайную связь как на возможную роль в одной волнующей жизни, могущей освободить их от прозябания со скучными мужьями, давно уже не интересующимися своими половинами. Некоторые были незамужними или разведенными — почему бы и нет? — он представлялся им одной из последних возможностей, «хеппи эндом» в конце бесцельно прожитой серой жизни, скучного фильма, от просмотра которого они наконец-то смогут избавиться... Отталкивали Урбана и недостаток изысканности, к которой со временем привык, избалованный тем, что называется «светская жизнь», отсутствие фантазии, акцент, от которого сам уже отвык и отголоски которого ненавидел в своем нейтральном литературном языке, а больше всего то, что они, заботясь из всех оставшихся сил о своих прежних преимуществах и выставляя их при каждом удобном случае, создавали слишком очевидную мистерию, за которую он их когда-то обожал. Если, например, в молодости у них были длинные волосы, ни дня не упускали случая, чтобы время от времени встряхнуть ими как гривой; если на щеках были ямочки, жеманничали, делая их забавными; обладательницы длинных ног ежеминутно закидывали их одна на другую; а считавшие свой нос красивым превращались в кобылу или зайчиху с дрожащей мордочкой... Несчастье в счастье — Петар Урбан годами хоронил одну за другой прежние иллюзии, приближаясь к своей первой и самой большой любви — прекрасной Елене — со страхом и отчаянием. Если и она, подобно остальным своим ровесницам, превратилась в средневекового монстра, — думал он, — и если в конце концов он ее покорит и потом разочаруется в своей добыче, то окажутся напрасными все те долгие годы невыразимого желания, когда мечтал о ней и считал одним из самых безумных и прекрасных плодов воображения. Что вообще произойдет с его успехом, достигнутым только благодаря ей? Не станет ли вся жизнь напрасной? Всем своим существом Урбан стремился к иной победе: хотел видеть Елену несчастной — он, в сорок выглядевший намного лучше, чем в двадцать: Дориан Грей, вечно молодой завоеватель, у которого старели только чувства, спрятанные на чердаке. Откладывал он эту встречу, годами собирая то там, то здесь обрывочные сведения о Елене — информацию, которой наряду с пессимистическими прогнозами не удавалось отбить у него старое болезненное желание. А если все-таки завоюет ее, боялся, что после этой окончательной победы останется ни с чем, будет совершенно опустошенным, опустошенным, опустошенным, высохшим трупом на вершине согнувшейся от желания горы Килиманджаро. Та девушка никогда не любила его, и он перенес из-за нее много страданий и унижений. Наверное, все, чего он добился в жизни, делалось только ради того, чтобы она его заметила, полюбила и, возможно, согласилась хоть немного побыть с ним. Она была виновницей многих ночей, когда Урбан находился на грани самоубийства; из-за нее побеждал он могущественных противников, искал дьявола и встречался с ним — глаза в глаза, — рисковал, потому что ему нечего было терять; из-за нее вел свою тайную войну против всех, а она его все это время вообще не замечала, живя какой-то своей неприметной жизнью в их старом городе, не интересуясь какими бы то ни было атрибутами успеха, совершенно равнодушная, далекая как никогда... Он, крепко

держащий поводья своей жизни и имеющий возможность делать все что пожелает, был для нее мельче макового зерна. Как только оказывался на родине — набирал знакомый номер Елены (математический ряд любовного шифра, который декламировал, словно стихотворение) и слушал ее слегка хрипловатый чувственный голос, повторяющий: «А-а-а-ло-о-о-о-о-о? А-а-а-ло-о-о-о-о?» А потом застывал, сгорая от стыда, и держал трубку возле уха до тех пор, пока она не отсоединится. Клик. В тысячный раз понимал, что находится в ее власти, и клялся себе, что в конце концов он победит в этой дуэли. Если уж кто-то из них должен быть уничтожен, пусть это будет она, постаревшая провинциалка, которая благодаря какой-то чудесной иронии судьбы обрела над ним таинственную власть.

Однако боялся ее увидеть и разочароваться. Они ни разу не встречались после той вечеринки, на всю жизнь запомнившейся унижением, которое он испытал. И хотя все это произошло больше двадцати лет назад, Петар Урбан, гуляя по набережной реки, вдыхал тот самый пьянящий аромат давней весны, как будто совсем ничего не случилось со времени тех проклятых выпускных экзаменов. Встретил даже группу веселящихся выпускников, пьяно завывающих «Gaudeamus igitur», бегающих зигзагами вокруг телеграфных столбов и деревьев; знал: может, сегодня ночью, а может, завтра вечером в гостинице «Европа» будет большой бал, и с кем-то, возможно, произойдет то, что произошло с ним, — и такое раннее поражение выбросит, как катапульта, в мир какого-то нового молодого Урбана, а топливом для его двигателя станет ненависть и желание отомстить.

Урбан впервые подумал, что не стоило столько пить и курить. Несколько швейцарских специалистов уже внимательно прослушивали его измученное сорокалетнее сердце, а он все еще чувствовал себя молодым и был бы искренне изумлен, если бы запыхался, поднимаясь по лестнице, удивлен, что не может перепрыгнуть какую-нибудь ограду или просидеть до утра в кафе, не задумываясь, что это может отразиться на его состоянии в следующие два дня сонливостью, головной болью и легким тремором.

Выпил двойную полыновку в саду гостиницы «Европа», чувствуя себя совершенно чужим среди своих бывших сограждан, читающих новости и сплетничающих о знакомых. Потом встал и прогулялся по гостиничному парку, претенциозно заселенному низкими фонарями с абажурами в виде грибов, а затем, кто знает в который раз, подошел к иве, свесившиеся ветви которой переплетались с высокой некошеной травой: именно здесь началась история его скитаний, в ту ночь, когда, опьяневший от вермута и рома, на какое-то время потерял Елену и пошел искать ее по саду, как вдруг увидел ноги в белых чулках, спущенных до середины икр, молотящие по воздуху в ритме, от которого у него оледенел мозг. Онемевший, парализованный, оскорбленный и отчаявшийся, как ни один любовник в очень длинной мировой истории любовных унижений, стоял совсем рядом, скрытый тонкими ветвями ивы, свисающими как полог на входе в парикмахерскую, и наблюдал, как она занимается любовью с одним из гребцов, которого знал только визуально: слышал его сопение и видел часть мокрой щеки, влажные ресницы, пальцы на его плече (с впервые накрашенными бледным лаком ногтями), отброшенные трусики. Ему казалось, что ступни гвоздями прибиты к мягкой земле гостиничного парка: раздвинул завесу из веток и побежал, задыхаясь, убеждая себя, что это кто-то другой, что все только привиделось из-за намешанных напитков, забыть, забыть, забыть, но прекрасно понимал, что не сможет, и сам не зная как, оказался у реки на окраине парка, где зарыл горящее лицо во влажную гальку, покрытую слизью и скользкую от мха, и пролежал так до утра: скомканная, мокрая груда всхлипывающего несчастья...

Урбан вернулся за стол, из-за которого недавно встал, и опять заказал двойную полыновку. Обыватели поднимались из-за своих столов и отправлялись домой обедать: важно, самодовольно. Очень важно! Вся планета бурлила, ошибалась, влюблялась, забывала, ненавидела, оставалась равнодушной. Если под этой ивой трава осталась примятой навсегда, кто знает, может, так будет выглядеть его могила, — подумал Урбан и решил пообедать. Сладковатый привкус еды нейтрализовался горечью полыни из напитка. «Сколько бутылок полыновки могло бы выцедиться за все эти годы из моей утробы». За обедом он выпил две бутылки токайского. Потом заказал шампанского, что смутило местных официантов, заметавшихся в поисках серебряного ведерка со льдом. Он раскачивался в садовом стуле и размышлял. Решился на коньяк, а потом всю мировую боль смыл двумя небольшими порциями холодного пива «Tuborg». «Этот город плохо на меня действует, — подумал он, — не стоит больше никогда возвращаться сюда».

В конце концов, почему бы и нет? Имеет ли право человек, который столько выстрадал, перед уходом еще раз увидеть место своих детских мучений? Ободренный алкоголем, Урбан зашагал вдоль берега реки, считая мосты. Как когда-то в детстве, касался пальцем низкой каменной ограды, чувствуя ее волнующую шероховатость. Сам не зная как (оказалось, что спиртное ударило в голову больше, чем он думал), очутился перед желтым домом с сецессионскими украшениями и двумя громоздкими балконами: поднял глаза на выгоревший фасад, но от этого движения его слегка замутило, и вошел в полутемный коридор — запах заправки, смешанный с вонью провинции, и сразу, с левой стороны, над черными мешками с мусором разыскал посеревшие следы выцарапанных слов: «люблю, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю тебя Елена П. У. 1961». «Послеобеденное время. Сейчас, наверное, все спят, — подумал он. — Почему я не имею на это права: опять увидеть ту дверь с медным звонком и глазком, табличку с ее фамилией?» Поднимался, поднимался, держась за блестящие деревянные перила, чувствуя, как выступает пот и рубашка прилипает к спине и груди; влезал почти на четвереньках, спотыкаясь, на ощупь, охваченный желанием прощать: позвонит и увидит ее опустившейся, никакой, растолстевшей и поседевшей, в домашнем халате с засученными рукавами, но, но все же они ровесники — поколение: кто у них есть ближе и кто еще помнит их, молодых и влюбленных, в парке, полном майских светлячков; позвонил и, прислонившись к дверному косяку, заметил, что стекло его «ролексов» разбито, не важно, уже все не важно, чувствовал себя по-геройски миролюбиво, пока слушал звонок и шум приближающихся шагов: дверь широко распахнулась и... на пороге стояла Елена, одетая в белое платье выпускницы, держа во рту несколько булавок (должно быть, что-то подшивала в последнюю минуту к вечернему балу в гостинице). Господи! Господи! Он видел ее сияющие из-под козырька темных волос глаза серны, ее гибкий стан, ее кожу — сгущенное молоко с привкусом марципана. Девушка вытащила булавки изо рта, и сквозь полуоткрытые, удивленно надутые губы Урбан увидел и ее зубы, немножко деформированные из-за того, что в детстве любила сосать пальцы... Наконец Дориан Грей, вечно молодой и неуязвимый, шагнул в запертую комнату на чердаке Оскара Уайльда и, встретившись взглядом с неизменившимися глазами Елены, начал стареть и разваливаться с каждой секундой, побежденный годами и тщеславием, уничтоженный и зажатый в угол, и пока он, задыхаясь, падал на потертый коврик, осознал, что окончательно и бесповоротно проиграл свою долгую битву. И не услышал последнюю фразу, которую мог слышать:

— Мама, какому-то человеку стало плохо перед нашей дверью.

Перевод с сербского Алексея ЧЕРОТЫ.

Лабуд ДРАГИЧ

Накануне третьих петухов

Чудо

И увидел я новое небо и новую землю,
ибо прежнее небо и прежняя земля миновали...
Откровение Иоанна Богослова

«Когда-то по-другому выглядел этот край, — говорю я. — Такое было, что не поверишь!»

На месте знакомых вершин, пиков и скал, возникли человеческие лики в бронзе.

«Во время зарождения вулканы здесь извергали кашеобразную бронзу, и она, остывая, принимала такие формы», — сообщил мне невидимый спутник.

«Какого зарождения... Какие вулканы... Сколько я себя помню, это были обычные горы!»

Смотрю и не верю собственным глазам: вершины приблизились друг к другу, преобразились в различные фигуры: некоторые стали бегущими атлетами-колоссами, другие напоминают древних воинов. Некоторые из скал превратились в трехглазых чудовищ...

«Кое-кого из них я узнаю! Как они могут находиться здесь с Зарождения?! И бронза, вот, свежая, цвета шоколада, еще дымится…»

«Люди лишь предполагают, а Бог — хозяин времени: он вечность сжимает в мгновение, а мгновение растягивает в столетие…» — отвечает мне спутник, пока я стою, онемев от чуда.

Там, где был Ком — два атлета в прыжке; Дурмитор — вооруженный воин в панцире; а выше, где была Черная вершина, — там мое лицо.

Стоим у подножия бронзовых возвышений, онемевшие от чуда, и слышим, как где-то поблизости лениво капает вода, измеряя вечность.

Сад наслаждений

В понедельник, в сильную метель, зашел в канцелярию к адвокату Поплашену. По пути туда воображение рисовало просторное, прогретое помещение, теплый чай на столе, двух секретарш и, наконец, крупную фигуру господина Поплашена, который всегда был не прочь побеседовать на исторические темы.

На месте, однако, я застал совсем другое: нежилой вид помещения, как и выражение напряженности в глазах секретарш, вызвали у меня неприятное чув-

ство опустошения и беспокойства. К тому же я обнаружил, что Поплашен не настроен затевать разговор о славном прошлом, и почти осязаемое трепетание безнадежности заполнило всю канцелярию. Если бы офис был на первом этаже, думаю, все здание, как снежная башня, развалилось бы вследствие разрушительного действия упомянутых вибраций. К счастью, его контора находилась в мансарде: за окном бушевала метель, вдалеке виднелись старые дымоходы, обглоданные зубами времени, а внизу можно было увидеть пропасти и провалы между старыми постройками.

«Еще какое-то мгновение, — подумал я, — в этой конденсированной безнадежности, и я брошусь из окна офиса Поплашена».

К счастью, вспомнились сотрудницы банка. Эти девушки всегда лучатся умеренной живостью, тем особым видом контролируемой жизнерадостности, которую перенимают у самих банкнот. Деньги есть не что иное, как гипостаз оптимизма, излучаемого миллионами его обладателей, — и вдруг вся эта сумма надежд в один миг оказывается в руках банкирш. Этим легко объяснить жизнерадостность на их лицах. Понятно, что в этом мире постоянно вращается одинаковое количество счастья, но существуют водовороты и затоны, в которых оно задерживается дольше. Одним из таких затонов был банк, в котором меня ожидали веселые девушки. Я побежал к ним.

Упустил из виду, однако, что понедельник — день для самоубийств, день, когда сотрудницы банка в основном занимаются изучением линий жизни на своих ладонях.

Все они собрались у центрального окошка, положив руки ладонями вверх на пульт. О, немилосердный Господи, что ты сотворил с этими жизнерадостными девушками с пышными бюстами, которые на протяжении многих весен вздувались под их тесными маечками. От тех соблазнительных прелестей жизни не осталось ничего, кроме нескольких прерывистых линий судьбы на иссушенных ладонях. Радость утекла из их глаз.

Затронули меня ледяным напоминанием:

— В последнее время ты часто в минусе!

— Да. А вы не помните те веселые дни, когда я часто бывал в плюсе.

— Ах! Какой смысл вспоминать прошлое? — попыталась оправдаться та, что еще вчера была самой красивой.

В них осталось лишь столько жизни, сколько ее в наклейках на кульке с мукой, но один тоскливый проблеск в глазах самой красивой банкирши, одно далекое дуновение парфюмерии напомнило о моих добродетельных приятельницах из публичного дома.

«Хоть сегодня и день для самоубийств, но я знаю, кто мне обрадуется», — пробормотал я, покидая банк.

В тишине борделя, обсыпанный поцелуями, смотрю, как снаружи метет снег, и слушаю милый шепот девочек, которые уверяют меня, что я их ангел-хранитель и предвестник большого счастья.

Солнце

Одному Богу известно, как долго лежим мы на пустой целине. Уже и забыли, зачем мы здесь, отупели от ожидания и сомнения, стали твердыми и тяжелыми, как земля.

И вдруг — сверкнуло и заблестело во всю силу на западной половине неба.

«Ну-ка, кто мне может сказать, отчего так красиво, ярко пылает?» — спрашиваю у кого-то, в то время как на солнце бурлят световые гейзеры. Вижу, как рядом с ними дымятся сгрудившиеся облака.

«Это взрыв гидрогена», — отвечает голос рядом.

Однажды мы приближались к солнцу, но в последний момент передумали. Светило питается самим собой и никогда не гаснет.

И так, поедая само себя, оно становится все больше и постоянно крепнет.

Долго смотрю на раскаленный диск. «Но из чего сделаны его сердце и душа?» — спрашиваю себя, а оно все ярче и все сильнее накаляется, по мере нашего приближения к западу.

У темного озера

Вот мы у темного озера, передо мной дорогие и давно знакомые воды. День прозрачный, как зеркало, и небесная лазурь, прислонившись к снежным вершинам, смотрится в озеро.

По краю воды шириной в один локоть белеет нитка перламутровой гальки. На глубоком синем дне замечаю россыпь жемчуга и пока наблюдаю эту картину с возвышения, отдыхаю под благословенными сводами тишины.

Запоздалая встреча

В черном лимузине, припаркованном в тени лип, сидит поэт с прелестной женой. Лицо его спокойно неподвижностью камня...

«Многое изменилось со времен молодости. Тебя украшали усы, а черты лица были очень грубые. Вот, посмотри на фотографию: большой нос, довольно грубые черты. Лишь позже ты как-то привел себя в порядок и похорошел».

На его лице не отражается никаких эмоций.

«Не понимаю, когда ты умудрился написать столько книг. А было у тебя и две жены», — говорю, напоминая ему об улыбающейся женщине на фотографии.

Он такой же каменно застывший и непробиваемый, как стена, а сдержанный и непроницаемый взгляд заранее отвергает всякие попытки сближения. Оставляю его сидеть в черном лимузине под сенью отцветших лип...

Некоторое время спустя стою перед входом в его дом, где над дверью выбита надпись, которая, в какой-то степени, отвечает торжественности момента. Аккуратно высеченные на камне слова; от них исходит изысканность и сила древних империй.

На тротуаре группка людей: общаются, пожимая плечами, — характерные жесты неопределившихся подлецов и никчемностей. Этими жестами сопровождают они наш приход.

Их заговорщицкие взгляды не испытывают недостатка в подозрительности и насмешках.

Вопреки моему очевидному презрению, они мне все время дают понять, что обладают большим могуществом, а я снаружи прислоняюсь к окну и рассматриваю комнату, в которой буду жить.

Белые ночи

В одну из белых ночей застал у себя в квартире незнакомца.

«Откуда ты взялся?» — спрашивает у меня цыган.

«Это я у тебя хотел спросить».

«Я здесь живу».

«Я заметил. Несколько лет не был в своей квартире, и ты, наверное, решил, что эта комната станет твоей».

«Ага», — изрек цыган, сонно зевая и поворачиваясь на бок.

«Ладно. А я вернулся, чтобы посмотреть, как квартира».

«Сейчас здесь я. Это на данный момент моя квартира».

«Хорошо. Я не знал, что ты здесь поселился».

«Да», — сказал цыган как-то сонно и безразлично и громко захрапел.

Перед домом вижу кедр с обломанными ветками.

«Это годами отламывали во время новогодних праздников», — сообщает мне кто-то из белой ночи, и я вижу руку, которая подравнивает обломанные ветки садовыми ножницами. «Так ветки лучше смотрятся», — снова доносится тот же голос издалека.

Приближаемся к Автоколонне. По звездам видно, что до рассвета далеко, но в воздухе чувствуется предрассветная свежесть и доносятся голоса.

«Вот проезжают грузовики с ракетами», — говорит недавний собеседник.

Смотрю: действительно прибывают грузовики.

«Это наши ракеты?»

«Наши, наши».

«Теперь мне легче, — говорю. — Теперь знаю, что будет».

Возвращение с войны

Группа солдат и офицеров толчется в довольно большой комнате. Все завалено оружием, ящиками с боеприпасами, ранцами и мокрыми палатками. К брани и крикам добавляются звуки запоздалых выстрелов, и все это слышно в сырой и душной комнате. Мы готовимся к ночлегу. Еще не утихли шум, крики, перекличка.

Я решил идти ночевать домой — всего одна ночь ходьбы. Подхожу к дверям сторожки, и встречает меня густая как смола темень, и льет, как из ведра.

«В такую ночь нужно ходить с ружьем и факелом», — предупреждает кто-то из солдат.

Возвращаюсь внутрь и у дежурного оружейника, некоего солдата Даниэля, получаю новую «крагуевку» со сверкающим штыком, и тогда с новым чувством бесстрашия и гордости шагаю в ночь. Но случилось чудо: дождь резко прекратился и появился лунный свет, в котором я ясно распознал зверей, перебегающих мне дорогу. Серна, лань, лиса, заяц. Все они — древние знамения, поэтому даже не делал попыток кого-нибудь из них застрелить.

На заре увидел лисицу с сапогом в зубах и только тогда заметил, что моя правая нога все это время была босой и что я так прошагал через все эти леса и ущелья. Она смотрела на меня с насмешкой в глазах. «Гм! Ишь, лукавая лисица». Чтобы предотвратить ее бегство, достал из кармана кусок салями — остаток старого солдатского пайка, и она жадно набросилась на него. Так я вновь приобрел потерянный сапог и продолжил путь через темные горы к родному дому.

Игрок

В игорном доме я очутился поздно, и только бросил жетон в прорезь автомата — хлынуло из железных требухов. Посыпалось через края тарелки, а я приготовился к значительно меньшему выигрышу. Поэтому оттянул

полу джемпера и на животе почувствовал тяжелую кучу металлических жетонов. С этим богатством стоял перед крупье, который только пожал плечами и отправил меня в головной филиал банка, где жетоны можно поменять на деньги. Неся довольно большую кучу металла, направился к центру в поисках банка. Пошел к рынку, оттуда к гимназии.

Гимназия закрыта, на балконе без ограды стоит девочка с соблазнительными бедрами, в коротком платье.

«Учительница недавно ушла», — сообщает она мне, улыбаясь.

Возвращаюсь к городской скупштине и на мосту через реку встречаю типичного государственного грабителя.

«Что ты здесь делаешь? Куда?» — в глазах блестит угроза.

Хотел было ему объяснить, что я иду в банк, но он схватил меня с новым требованием: «Вижу, что у тебя в карманах! Доставай все!»

Меня начала мучить невыносимая жажда. Я несколько ночей провел в игорном доме и не выпил ни капли воды. Говорю, несколько ночей, а мог бы спокойно сказать: полжизни, и за все это время не подумал ни о чем, кроме круга счастья. Поэтому такая жажда. И вот именно сейчас рука с полной чашей (мои обе заняты) чистой воды протянулась ко мне. Чистая как слеза, а к стенкам стеклянного сосуда прилипли бисерные пузырьки. Но только лишь потянулся к чашке, не успел прикоснуться губами — разбойник бросил внутрь сигарету. Чиркнул. Задымил. Потом ударил по руке, и чаша упала на тротуар, от воды осталось мокрое пятно. Среди осколков стекла его намоченная сигарета.

Вывернул мои карманы, вытряс все жетоны.

«Ты знаешь, что азартные игры запрещены законом!»

Уходя, небрежно отвернул подол пальто и показал рукоятку пистолета.

Я видел, как он уходит по мосту, и только тогда заметил здание банка с бледноватыми неоновыми огнями, настежь открытые двери.

Топор

Я и не догадывался, что так близко кузница, а мне нужно наточить топор. С этой мыслью отправился в мастерскую, попал к началу смены. Застал там десяток нагих людей в душе.

Только там обнаружил, что я забыл обуться, и бетонная крошка с пятнами мазута, масла и противного угля защекотала мне ступни, из-за чего пришлось ходить на цыпочках.

Я показал инструмент старшему мастеру, и он его задумчиво осмотрел: «Не надо бы его трогать, он довольно тонкий». — «Только немножко подточите». Он, как искусный мастер, который не хочет изменять своему ремеслу, пришел к выводу, что его можно немного подточить, и схватив первый попавшийся под руку молоток, стал стучать по топору изо всей силы. Потом из одного потухшего горна взял жменю песка, захватил углей из костра и положил на наковальню, а поверх всего — топор.

«Давайте меха», — распорядился и начал ковать.

Станет тонким и острым, им можно будет и плотничать, и рубить толстые деревья.

Но я почувствовал себя неудобно, так как вспомнил, что не взял с собой денег.

Между тем на ногах у меня появились новые, качественные сандалии, которые мне подсунул, без сомнения, старший мастер. В меру поношенные, покрытые налетом пыли, но очень добротно сделанные, они вновь вселили в меня уверенность.

Тогда на сильном предплечье старшего мастера я увидел вытутаированные изображения древних божеств, которых узнал по молоту и сандалиям.

Преступление в городе

Катаемся на трамвае без крыши, без окон... Только платформа со скелетом поручней — вот такое необычное средство передвижения.

Мимо нас пробегают лошади. Их полно в городе. Одни грохочут вдоль трамвайных рельсов, другие проносятся через парки.

Точно не знаю цели нашей поездки. Догадываюсь, что едем на периферию, на пикник, нас, пассажиров, много. В полутьме едва угадываются наши посеревшие лица, а мимо громыхают табуны гарцующих лошадей.

Немного позже возвращаемся на том же транспорте, тем же путем и вздрагиваем от ужаса: жеребцы, которые совсем недавно галопировали по этим улицам, лежат на тротуарах раскоряченные, опрокинутые на спины. Некоторые еще только падают — видим, как они спотыкаются, пашут копытами асфальт, слышим их затихающее предсмертное ржание.

Темно и серо вокруг, почти мрачно, на тускло освещенных пятачках смутно видим их; раздутых, уродливо раскинувшихся. Никто не понимает, почему их ноги перерезаны пилами, видим только, как из вздувшихся трупов брызжет кровь. На мостовой и тротуарах остались следы копыт...

Мы столпились у поручня с испуганными лицами и не замечаем, что город пуст, что невозможно определить ни где преступники, ни откуда доносятся выстрелы.

Крик

«Вот современная бойня», — выкрикивает кто-то сверху, с металлической конструкции из-под самой крыши.

Поставленные на стальные решетки и крепко связанные прочными веревками, по рельсам скользят две коровы. Они лежат на боку, крепко привязанные за ноги и рога, — даже хвостами не могут пошевелить. Спутанные таким образом, медленно скользят по рельсам, которые ведут их под ножи, опускающиеся сверху, словно гильотина.

Из их ноздрей вырываются струи пара, который на стальных решетках конденсируется в мелкие капельки. На то место, где должна остановиться стальная рама с первой коровой, откуда-то падает еще теплая коровья шкура. Привязанная корова обнюхала ее и узнала в ней подружку, с которой еще вчера паслась на зеленом лугу.

Потом опускается устройство с двумя ножами, а человек с конструкции поясняет: «Это автоматический нож».

Из выпученного глаза скатилась крупная слеза, которая сбежала вниз по коровьей морде, сверкнув живым блеском. Если бы рот не был так крепко завязан, наверняка бы вырвалось яростное рычание, и потому так обильно из вымени струится молоко.

Трепетание пурпурного занавеса

В столовой в северной стороне дома стукнула створка окна. Немного спустя в коридоре, ведущем к центральным комнатам, заскрипел паркет, как будто кто-то очень осторожно по нему ступает. По звуку, которым сопровождалось прогибание паркета, насчитал три шага.

Несомненно, дом наполнен его присутствием, и словно невидимое облако, он наполняет все комнаты, он везде.

Нет никаких сомнений — он здесь.

«Не в мой ли ты дом пришел!» — разбираю смысл его сообщения, его гнева, его почти осязаемой ненависти. Из каждого угла поднимается опасность. Ясно, что он повсюду и собирается неожиданно возникнуть во всей красе. Только знать бы, с какой стороны он явится, чтобы встретить его во всеоружии.

А сейчас дом переполнен им, страшным и невидимым; воздух дрожит от насыщенности ненавистью и ужасом. Он во всех потаенных углах, и все предметы пропитаны запахом его угрозы.

Поздней ночью за ним выползет все, что до этого было скрыто — в подвалах, стенах, нагромождениях вещей, обломках разрушенных стен, — а до тех пор будут лопаться белки глаз, а сердце выпрыгивать через горло.

Потому что крик замерз в горле в то время, когда на двери комнаты заколыхался пурпурный занавес.

Кербер

Появляется большой черный пес. Вместе с ним надвигается волна страха и опасности.

Несмотря на ужас, чувствую, как хладнокровие и выдержка перерастают в храбрость, и с ледяным равнодушием жду кербера, готовый голыми руками разорвать ему пасть, переломать конечности.

По мере возрастания моей храбрости его бес успокаивается, его ход замедляется, а волна опасности ослабевает.

Подбежав совсем близко, кербер улыбается, машет хвостом.

Подходит и его хозяин.

«Я буду жаловаться на вас, — возмущаюсь я, — за то, что спустили злого пса».

«Насколько я вижу, вы подружились», — отвечает хозяин.

«В таком случае пес будет моим», — а кербер подтвердил мои слова угрожающим рычанием на бывшего хозяина.

Балерина на дереве

Первое, что мне попалось на глаза, было показное увлечение работой, так подчеркнуто притворялись, якобы не видят меня. Будто хотели сказать: вот посмотри — и мы знаем толк в чем-то. Или, может, хотели сказать, что происходящее в нашей деревне им слишком хорошо известно, чтобы ему уделять серьезное внимание. «Мы делаем свою работу и ничему не удивляемся, мы серьезные люди». И действительно, земледельцы все время таращились в землю, как будто это самое важное и единственное дело в мире.

Так притворялись, будто меня не видят, а раньше встречали помпезно, как триумфатора, с салютом: вся деревня становилась по обеим сторонам дороги и встречала меня криками: «Добро пожаловать к нам, спаситель наш!»

А сегодня, смотри, хотят меня унизить, игнорируют! Как будто в тех бороздах и в том дерне кроется ответ на все тайны этого мира.

Передо мной на необозримом просторе раскинулась равнина, а на ней пахари, словно тараканы, окучивают, роют — и никто на меня не обращает внимания. На далеком горизонте облака.

Что случилось с моей деревней? Неужели за время моего двухлетнего отсутствия произошли какие-то большие перемены?

Давно я покинул это место, и такая картина была главной причиной моей тревоги: как назло, никто на меня не обращает внимания: пахари заняты полем; землекопы следят, как продвигается их работа. Позже я понял, что это лишь прелюдия к большому сюрпризу.

В центре деревни рос большой тополь, верхушки которого почти не было видно. И вот до чего додумались: обрубили на нем ветки, на красиво подрубленную верхушку положили доску, а на той доске я увидел балерину, исполняющую пируэты.

«Но почему вы подняли ее наверх и как затащили на такую высоту?»

«Это наша тайна. А наверх мы ее подняли танцевать, чтобы была внимательнее. А то пока репетировала внизу — постоянно ошибалась», — объяснил мне староста села.

Накануне третьих петухов

И юноши ваши будут видеть видения,
И старцы ваши сновидениями вразумляемы будут.

Деяния святых Апостолов

Перед рассветом сгущается тишина, как деготь, а прежде чем запели петухи, во всем крае засияла пустота.

Только в бледности наступающей зари смутно проявляется местность и на ней три всадника: лошади не бьют копытами, не стригут ушами, не дышат. Только их вращающиеся белки указывают на близость ужаса.

Перед нами простирается холмистая местность, долины и возвышенности преломляются вдали и теряются в бесконечности.

Подъезжаем на резвой паре, но не слышно цокота копыт, как будто на тенях едем, а не на лошадях.

Встречают нас три седых мальчика: лица у них серьезные, озабоченные и грустные; они коренастые, с согнутыми от бремени лет спинами. На них длинные темные плащи.

«Не удивляйся нам, — успокаивает меня один из них. — Не удивляйся нам... Как только мы родились — стали старцами. Мы старые дети».

Потом засунул руку за оттопыренную пазуху и достал оттуда стопку пожелтевших бумаг:

«Вот, — говорит, — вот наши документы на право владения землей и наши метрики».

Перевод с сербского Алексея ЧЕРОТЫ.

Слободан СИМИЧ

Притчи без поучений

Короткие рассказы-притчи

Корабельный дневник

1-й день

Я — капитан корабля. Мне нравится это звание. Все слушаются меня и побаиваются. Сегодня прошелся несколько раз по палубе, отдавая приказы. Те, кто не слушался меня и не боялся меня, были выброшены за борт. Теперь все слушаются и боятся меня. Мне нравится мой чин.

2-й день

Мой корабль — это двухмачтовый парусник. Он ужасно стар и медлителен. Я должен что-нибудь придумать и ускорить движение судна. Эх, если бы у меня был пароход!

3-й день

Сегодня кок сказал мне: «Жаль, нет у нас парохода». Умнейший человек. Назначил его боцманом. Боцман взбунтовался — пришлось бросить его в море. Это возмутило лоцмана, и я поставил его на место кока.

4-й день

Сегодня я разработал план перестройки корабля. Из котла на камбузе сооружаем паровой котел, мачты рубим на дрова, из весел делаем лопасти для загребного колеса. У моей идеи все больше сторонников. Иногда за целый день мы никого не бросаем за борт. Мне досталась на удивление дружная команда.

5-й день

Мачты срублены. И я по этому случаю устроил большой праздник. Не каждый день ведь расстаешься с темным прошлым! Мы входим в новую жизнь. Очень скоро будем плыть по нашему спокойному морю на пароходе!

6-й день

Мы никак не можем сдвинуться с места. Может быть, надо было подвести воду к котлу, чтобы получить пар? Тяжело быть новатором.

7-й день

Кок сказал, что надо бы каким-то образом подвести к котлу воду. Прекрасный человек! Назначил его своим помощником. Поболе бы таких людей!

8-й день

Я наконец-то нашел решение! Пробьем маленькую дырку в трюме, и через нее вода будет поступать в котел, превращаться в пар и вращать загребное колесо. Как я до этого раньше не додумался?!

9-й день

Чертова дыра: она чересчур велика. Корабль тонет. Команда встревожилась, но я объяснил всем, что прогресс не знает границ и что вместо парохода мы можем сразу получить подводную лодку.

10-й день

Прочитал главу Корабельного устава о случаях гибели судна. «Капитан последним покидает корабль». «Первыми спасают женщин и детей». Кок считает, что еще не все потеряно. Удивительный человек. Не теряет присутствия духа даже в самые тяжелые минуты.

11-й день

Сегодня я предложил назначить кока капитаном. Все согласились. Пора спасать женщин и детей. Поскольку лишь у одной из шлюпок есть весла, мне ничего не остается, как спасти свою жену и своих детей.

12-й день

Вода быстро прибывает. Надо браться за весла. Если посчастливится, то, может быть, вскоре нас подберет какой-нибудь пароход.

Конец

Все началось совершенно неожиданно: моя правая рука потребовала независимости! Она заявила, мол, я всех содержу, на мне лежит вся работа, с меня довольно — хочу быть самостоятельной. Я попытался вразумить ее, сказал, что технически это невозможно и что тело должно быть единым, чтобы существовать, и что она работает так же, как и всякая другая правая рука на свете, и что другие органы тоже делают что-то, что идет ей на пользу. Это не возымело действия. Правая рука в ультимативной форме настаивала на суверенитете и принятии срочных мер в этом направлении.

В разгоревшуюся дискуссию вмешалась левая рука. Она, мол, не может вынести такого безобразия: как можно правую руку ставить выше левой, и вообще, чем бы была правая рука — не будь левой, и поскольку дерзость правой руки переходит все границы толерантности, левая рука не желает оставаться с ней ни в какой связи или союзе. Я в жесткой форме сделал замечание левой руке за то, что своим вмешательством она еще более усложняет ситуацию, на что она, оскорбившись, заявила, что хочет присоединиться к требованиям правой руки, чтобы и ей дали самостоятельность.

Я был предельно ясен: ни практически, ни теоретически это невозможно! Но тут дал о себе знать мозг, сказав, что я не прав и что теоретически это все-таки возможно. Он пояснил, что ампутация конечностей представляет собой рядовую хирургическую операцию и что никаких технических проблем не существует. Правая и левая руки встретили его выступление бурными аплодисментами.

Я вступил в полемику с мозгом и объяснил, что проблема не в технике отсечения руки, но в опасности последствий такого поступка. Ни руки не могут самостоятельно жить без тела, ни тело не может нормально функцио-

нировать без рук, сказал я в заключение. Мозг частично с этим согласился, добавив: что касается его, то руки могут отделиться хоть сейчас, так как он может блестяще функционировать и без них. Так даже лучше.

Это вызвало бурю негодования обеих рук. Мозг выслушал о себе много неприятных слов, особенно за свою привычку ставить себя выше других органов, особенно рук, и все время отдавать команды, ожидая от остальных слепой покорности и подчинения. К моему удивлению, позицию рук поддержали все мышцы и обе ноги.

Внутренние органы были более сдержанны, они считали, что мозг сыграл огромную роль в жизни организма и нельзя так просто отказываться от него. Однако мозг был настолько уязвлен, что заявил, что больше никогда и никому не будет отдавать никаких команд, и пусть все далее обходятся без него. Отставка мозга вызвала бурю негодования внутренних органов. Сердце тут же потребовало для себя особого статуса. Печень желала автономии. Легкие предлагали кантонизацию. Желудок выдвинул лозунг: «Все органы пищеварения в единый союз!» Почки желали создать конфедерацию.

Наступил полный хаос.

Мне не оставалось ничего другого, как умереть.

О красоте

Я хорошо помню их.

На крошечном озерке, окруженном зеленью парка, поселились лебеди.

Едва появившись, они вызвали огромный интерес, особенно у детей. Родители толпами приводили малышей поглазеть на дивных белых птиц. И тогда дети бросали им воздушную кукурузу, семечки, хлеб, крендельки — все, что они могли принести с собой.

Сторож догадался первым: при таком обилии пищи хорошо могли бы жить и другие. И он присоседил к лебедям своих уток.

Дворничиха тоже была женщиной разумной. И вскоре рядом с лебедями резвились ее крольчата.

Продавец цветов соображал медленнее, но не был глуп, и чуть позже в парке меж прочей живности появились его курочки.

Голуби и воробьи прилетели сами.

Вскоре парк стал походить на маленький зоосад. Но не было в нем больше лебедей. Они все умерли от голода.

И никого это особенно не смутило.

Исповедь

— Я слышал, вчера Правитель посетил храм, — сказал Кардинал.

— Да, Его Превосходительство желали исповедаться.

— Ну, и как это было?

— Как всегда, в наилучшем виде. По этому случаю церковь убрали и украсили особым образом. Атмосфера была необыкновенной, всюду ощущалось присутствие Всевышнего. Перед церковью собралась восторженная толпа, чтобы поприветствовать Правителя, но мы, по его просьбе, эвакуировали весь квартал.

— Но почему?

— Ну, вероятно, потому, что в последний раз толпа настолько перевозбудилась, что в течение получаса швыряла камни в его бронированный автомобиль.

— Как ужасен и неблагодарен народ!

— Мы разогнали всех, выставили танки и вошли внутрь. Нас ожидал один только священник. И это было неслучайно, поскольку он был специально подготовлен для этого. Каждый год избирается самый лучший из числа священнослужителей и подвергается особому обучению. Цель его состоит в том, чтобы сделать его пригодным для исповеди Правителя.

— А сами вы присутствовали на исповеди?

— Конечно нет. Правитель велел нам стоять перед церковью и читать вслух молитвы. В самой же церкви остались лишь Его Превосходительство и священник. Исповедь длилась десять часов. Был и перерыв на обед. Когда все завершилось, Правитель выглядел на редкость довольным и смиренным. Давно уж на его лице я не видел такого блаженства. Вы не поверите, но он улыбался. Он положил на алтарь большое денежное пожертвование и потом долго еще крестился... На выходе он сказал: Исповедь смягчает душу. И глаза его тогда наполнились слезами.

— Как приятно мне слышать об этом! — растроганно сказал Кардинал. — Думаю, что священника, который привнес блаженство и умиротворение в душу Его Превосходительства, необходимо было бы щедро наградить и продвинуть по службе.

— К сожалению, это невозможно, — сказал Министр. — Когда мы покидали пределы церкви, Правитель заявил, что есть вполне оправданные подозрения, и святой отец посвящен в некие государственные тайны особой секретности. Ну, мы тогда вывели священника и расстреляли перед церковью.

— Такова суть нашего времени, — горестно вздохнул Кардинал. — Мы не можем более довериться даже самым проверенным из приближенных к нам людей.

Смотр

По случаю Национального праздника Правитель объявил всенародные торжества. Совершив парадный смотр войск, он поднялся на украшенную цветами трибуну, чтобы произнести речь. Однако перед трибуной не было ни единой живой души.

— Почему никого нет?! — вскричал Правитель. — Где народ?

— Ваше Превосходительство, народа нет, — отважился заметить Министр.

— Как это нет?

— Я думал, что Вы знаете, — сказал Министр. — Народ весь под ружьем!

Хороший прогноз

И решил Бог поставить Ноя во главе народа своего.

— Самое важное — это хороший прогноз, — сказал Бог.

И стал править Ной народом.

Однажды заметил Ной, что надвигается ненастье. Великое Ненастье.

Ной был Вождем. А вождь должен жить заботой о народе. Тем более перед лицом грядущего Великого Ненастья.

— Самое важное — это хороший прогноз, — сказал Ной.

И начал Ной строить ковчег. И то был не обычный, но Великий Ковчег. Ибо надвигалось Великое Ненастье. В ковчеге Ною нужно было поместить

целый Народ. И спасти его. Вождь для того, чтобы спасти Народ. На то и был он избран.

И построил Ной ковчег, крепкий и пространный, готовый к любым испытаниям.

— Этот ковчег сможет выдержать самое Великое Ненастье, — с уверенностью сказал Ной.

И тогда замело весь мир снегом...

Зима 92/93

Труднее всего было с Достоевским.

Я не знал, с чего начать. То ли с *Униженных и оскорбленных*. Или, может быть, с *Братьев Карамазовых*? Конечно, символично было бы начать *Преступлением и наказанием*. Но в конце концов я решил двигаться по порядку. Впрочем, Достоевского оставил напоследок. Сначала я добил кое-кого из наших, во главе с Крлежой и Чопичем, затем принялся за иностранцев — Фолкнера, Гессе... Интересно, что чужаки давались мне намного легче.

Вскоре настал черед Селимовича, Чосича, Киша, Павича и еще некоторых. Но — Иво Андрич! Над Андричем я обливался горькими слезами.

Однако труднее всего было с Достоевским. Когда я, наконец, решил взяться за него, в доме больше нечем было топить: полки, паркет, мебель, одежда — все давно уже ушло на растопку. Холод мог спокойно пощипывать, покусывать, грызть меня сколько угодно. Ему уже ничто больше не могло помешать.

Я сидел в ожидании белой смерти.

После сожжения Достоевского моя библиотека прекратила свое существование, и я был скорее мертв, чем жив.

Проводы

Сегодня я прощался со своей семьей. Пришли все: жена брата отца, жена брата матери, невестки, золовки — все. Ей-богу, едва обнялись, тут же полились слезы. Я обязательно вернусь, говорил я жене, а она все плакала да причитала. Чуть погодя я смог продолжить начатые сборы. Взял палатку, фляжку и все, что необходимо для приготовления пищи. Выбрал из гардероба летнюю и зимнюю одежду, так как погоду ну никак не угадаешь. Шурин забил свинью, чтобы я мог прихватить с собой немного свежего мяса, а жена приготовила сыр, сметану, копченую грудинку и прочую снедь. Потом я посвятил себя исключительно оружию: взял «калашников» и к нему пять рожков, пистолет с глушителем и три коробки с патронами, две ручные гранаты, пехотные мины, прозванные «паштетом из пяти кусочков», и одну противотанковую. Сын напомнил мне, чтобы прихватил с собой баллончик со слезоточивым газом. Сказал: на всякий случай, чтобы тебя не схватили и не ограбили, как в прошлый раз. Беспокоится ребенок…

Прежде чем выйти из дому, я встал на колени перед иконой Святого Георгия и от всего сердца помолился: помоги, Святой Георгий, помоги мне, грешному, пройти этот путь до конца и дай хоть немного удачи, чтобы вернуться домой живым и невредимым.

После молитвы в сопровождении домочадцев я вышел во двор и встретился взглядами с любопытными и озабоченными соседями. «Держись, брат! — кричали они из окон. — Не отступай! Будь упорен!»

И двор отзывался эхом.

«Если тебя не будет больше двух месяцев, я смогу заменить тебя», — сказал сын. А жена заплакала. И дочка за ней. «Тата возвратится скоро», — сказал я, лишь бы что-нибудь сказать. И почувствовал, как к горлу подкатил ком, и желудок свело судорогой. Итак, нужно было идти. Разведка донесла, что приближается цистерна. Я — глава семьи. И должен выстоять в этой очереди за бензином…

Праздник

— Прочитай это, — сказал мой приятель Павел, сунув в руку фотокопию какого-то старого документа. «Министерство внутренних дел, письмо № 432-6, в связи с инцидентом в Белой Церкви 7 июля 1941 года[1], сообщаем следующее: на ярмарке в Белой Церкви 7 июля 1941 года, в 17 часов, в кофейне «Веселая братва» собралась небольшая группа граждан во главе с Жикицей Йовановичем по кличке Испанец, который произнес речь, в которой он грубо оскорблял короля и монархию, государственные органы и институты и некоторых видных политиков. Поскольку он находился в состоянии сильного алкогольного опьянения и нарушал общественный порядок и покой, к нему подошли жандармы Милан Павлович и Митар Митрович с намерением проверить документы и указать ему на недостойное поведение. Завидев их, Йованович начал кричать еще громче, оскорбляя самыми непотребными словами правоохранительные органы и отборной бранью, такой, как «я хочу тебя, Милан Недич»[2], «пошел на хрен, король Петр»[3], «банда фашистская» и тому подобной. И хотя он еще раз получил предупреждение со стороны жандармов, не делать этого больше, он продолжал сквернословить и показывал средний палец правоохранительным органам. Ввиду того, что Йованович упорно сопротивлялся соблюдению законности и не прекращал совершать преступные действия, жандармы, согласно предписанию, решили применить служебное оружие. В тот же момент подозреваемый Йованович предательски вытащил из-за пазухи пистолет и выпустил шесть пуль в жандармов, а затем бежал через кукурузное поле. Жандарм Павлович умер прямо на месте происшествия, а жандарм Митрович скончался от полученных ранений по пути в больницу. Поскольку неопровержимо доказано, что сие тяжкое преступление совершил Жикица Йованович по кличке Испанец, выдан ордер на арест его, а гражданам, которые могут сообщить полезную информацию об этом преступнике, назначено денежное вознаграждение.

Расходы по похоронам погибших жандармов взяло на себя Министерство внутренних дел, а семьям погибших направлена безвозмездная денежная помощь».

— Удивительная страна эта наша Сербия, — сказал Павел. — Как мало надо для того, чтобы смерть полицейских стала государственным праздником.

---

[1] *7 июля 1941 г.* долгое время считался Днем восстания в Сербии.

[2] *Милан Недич*, сербский генерал. По окончании войны отдан под суд за измену.

[3] *Петр II Карагеоргиевич*, последний король Югославии.

Наследство

Пришла печальная весть: у себя дома, в пригороде Вены, в полных девяносто лет скончался мой прадедушка Миломир. Славный прадед Миломир. Симпатичный, энергичный старичок, верный своему обету, что ноги его не будет в Сербии, покуда там у власти коммунисты. Несгибаемый домобран[1] остался верен однажды данному слову и умер на чужбине, почти один. Одинокий и гордый.

В телеграмме было сказано, что я являюсь единственным наследником и мне по праву принадлежит 125 тысяч шиллингов. 125 тысяч! Добрый прадед Миломир! Он не забыл своего сербского правнука. Мне необходимо было в течение пятнадцати дней получить деньги в Центральном банке Вены. По истечении этого срока вступить в наследство я уже не смогу.

Итак, скорее в путь!

Я несколько раз посещал прадеда в Вене и знал, что поездка относительно коротка и приятна. Были, конечно, и досадные моменты. Прежде всего, в виде бензина. У меня был талон на двадцать литров, сколько удалось добыть в Сербии за полтора месяца, но и он уже был использован. Пришлось обойти друзей, контрабандистов, перекупщиков... Так мне удалось набрать еще несколько талонов. Но бензовоза давно уже не было, и говорили, что его не будет еще в течение нескольких дней. Значит, я должен сам купить бензин. И снова к друзьям, перекупщикам, контрабандистам. В результате: два ведра по баснословной цене.

Когда я уже был готов тронуться в путь, пришел мой приятель.

— Ты, никак, собираешься ехать на машине? — спросил он с удивлением.

— А почему бы и нет?

— Ты разве не знаешь, насколько опасно путешествовать на машине с нашими номерами? Ты хочешь, чтобы тебя кто-нибудь избил или, не дай бог, убил?!

— Неужели уже до этого дошло?

— Ну, если хочешь поиграть своей жизнью, езжай на машине!

Я немного подумал и решил — человек прав.

— И что мне теперь делать?

— Попробуй поездом. Пожалуй, так будет безопаснее всего.

— Ладно, поеду на поезде.

— А у тебя, кстати, есть виза?

— Какая еще виза?

— Виза в Австрию. Может быть, ты знаешь, что все ввели визы для сербов.

— У меня нет визы.

— Тогда тебе надо в Белград, — напутствовал меня друг.

Я отправился в Белград. Благодаря телеграмме, я с большим трудом получил визу. И потом уже пошел покупать билет на поезд.

Ближайший путь до Вены лежал через Хорватию, но из-за войны поезда туда не ходили. Через Боснию тоже. Оставалась Венгрия.

В железнодорожной кассе служащая сказала мне, что не рекомендует поездку через Венгрию.

— Над сербами издеваются, грабят их, а то и избивают.

— Так что же мне делать?

В ответ она только плечами пожала.

Я купил географическую карту Европы. И стал рассматривать ее. На

[1] *Домобран* — боец фашистской армии в Хорватии.

север нельзя. На запад нельзя. На юг? Может быть, поездом Белград—Бар, а из Бара на пароме... Морская блокада! Как я мог забыть! А если поехать через Македонию и Грецию?.. Косово! Теперь через Косово ехать рискованно. Может, попробовать через Ниш и Димитровград... Болгария! Они закрыли границы. Остается только Румыния.

Решил все разузнать. Сказали, что можно. Спросил про Вену. Сказали, что можно. По железной дороге добираешься до Бухареста, оттуда по тракту до Дуная, затем глиссером до Черного моря. Здесь нанимаешь судно и проходишь через Босфор и Дарданеллы и выходишь в Эгейское море. Обогнешь Грецию, обойдешь Италию и по Средиземному морю доплывешь до Марселя во Франции. Во Франции, конечно, нужна виза. Из Марселя автобусом до Лиона, а оттуда на поезде в Швейцарию. Разумеется, в Швейцарию тоже потребуется виза. Затем отправляешься в Австрию, и прямиком в Вену.

Я набрался смелости и спросил, сколько времени займет дорога.

— Если все будет хорошо, при условии, что море будет спокойно, 4—5 месяцев.

И я заплакал. Я плакал долго. Как человек, который потерял 125 тысяч шиллингов. Как человек, который потерял все, чего он никогда не имел.

Притча об именах

Капитан Живойин Йованович из Белграда, будучи лучшим офицером в своей категории, имел честь в далеком 1967 году участвовать в операции ООН на Синайском полуострове, где югославские «голубые каски» должны были разделять находившихся в состоянии войны израильтян и египтян. Во время прохождения службы он получил желанную, добрую весть: у него родился сын! Радость его была безмерной, поскольку у капитана долгое время не было детей. А тут еще и сын! Капитан был горд этим и решил дать ему имя египетского президента Насера, одного из основателей легендарного Движения неприсоединения и давнего сердечного друга товарища Тито.

Малыш Насер Йованович рос быстро и вскоре стал крепким и горячим парнем, любителем скоростных авто и легких заработков. Эти две любви и привели его в расположение «голубых касок», на этот раз втянутых в гражданскую войну в Югославии. Находившийся на пенсии, но по-прежнему влиятельный, ныне уже полковник Йованович выхлопотал, чтобы и сын его, как некогда отец, оказался на службе «голубых» в качестве водителя. Работа была связана с изрядным риском, но при этом сулила внушительную зарплату. Необходимо было возить гуманитарную помощь под флагом ООН в охваченную войной Боснию. Но для Насера главное — вкус приключений да шелест зеленых банкнот. И так он месяцами колесил в конвое белых грузовиков ООН, лояльных ко всем воюющим сторонам, покуда однажды грузовик его не встал посреди Боснии. Конвой должен был проследовать дальше, а он остался в ожидании мастеров. Но вместо мастеров появилась пестро разодетая, вооруженная группа, которая больше походила на некую местную банду. Угрожая оружием, «воины» разграбили грузовик, а затем решили проверить у водителя документы.

— Ты только посмотри! Мусульманин!!!

— Я совсем не мусульманин, — попытался было объяснить Насер, но удар приклада прервал его.

— Ты — не мусульманин, да? Насер — это самое известное сербское имя, не так ли?

— Люди, я из Белграда....

Серия ударов на этот раз была более продолжительной.

— Я — серб!

— Как зовут тебя?

— Я — серб!

— Как тебя зовут?

— Я — серб!

— Как тебя зовут?

...Полковнику Йовановичу сказали, что Насер пропал без вести. Но полковник не поверил им. Он обошел всю Боснию. И, говорит, нашел могилу. Велика она, говорит полковник, настолько велика, что может покрыть целую Боснию. Есть на ней и огромная надгробная плита. Почти до неба. С тысячью имен. Давор Мустафе Павлович, Желько Хрвоя Сеферович, Сеад Момира Билич, Марко Мирсада Хорват, Борис Неманье Хаджиабдич, Мухамед Стипе Петрович... И где-то в самом низу — Насер Живойина Йованович. А еще говорит полковник Йованович, что прямо у него на глазах плита все увеличивалась и росла, и вписывала в себя все новые и новые имена. Так говорит полковник Йованович, говорит всем, кого повстречает, однако никто не верит ему.

Универсальный цвет

Жан был активным членом Движения зеленых Бельгии, а по роду занятий профессиональным водителем. Несмотря на свойственный его натуре дух авантюризма, Жану было далеко не все равно, когда его бросили на перевозку гуманитарной помощи в Боснию. «Только безумно храбрый человек мог на это согласиться», — сказала ему его девушка, в попытке отговорить от этой шальной затеи. Но все уже было решено и согласовано. Жан сел в зеленый грузовик Движения зеленых, поставил знак Красного Креста, попрощался со всеми и канул в неизвестность.

Сначала дорога привела его к боснийскому контрольно-пропускному пункту. В бородатых подозрительных людях он легко узнал боснийских сербов. Они перетрясли его грузовик, проверили все до винтика, лезли под капот и под колеса, заглядывая в каждую дырочку-щелочку.

— Мы никому больше не верим, — сказал ему молоденький солдат на приличном французском. — Не надо сердиться, ничего личного.

Когда Жан уже собирался тронуться, юноша вновь подошел к нему.

— Нет, этот цвет никуда не годится, — сказал он.

Жан его не понял.

— Грузовик у тебя зеленый, мил человек! А зеленый есть мусульманский цвет. С ним неразумно передвигаться по сербской территории.

К хорошим советам надо прислушиваться, особенно в опасной и непредсказуемой Боснии. И Жан покрасил грузовик в голубой.

Вскоре он очутился на контрольном пункте мусульман. И вновь тот же детальный осмотр, те же подозрительные взгляды.

— Европа вообще не помогает нам! — прошипел один офицер по-английски. — Вы отмахнулись от нас!

Жан решил поторопиться, чтобы не испытывать судьбу, однако офицер остановил его.

— Ну, и чего это ты разъезжаешь по нашей территории на голубом грузовике?! Голубой — это цвет четников, сербский! Ты хочешь, несчастный, чтобы тебя кто-нибудь убил?!

Жан не хотел, чтобы его кто-нибудь убивал. И перекрасил грузовик в красный.

Принимая во внимание величину территории Боснии, можно себе представить, как скоро наткнулся Жан на хорватский пост.

— Опять прикармливаете мусульман! — гаркнул на немецком подвыпивший солдат, нахально забираясь в грузовик. — Небось, и оружие для них прихватили как всегда?!

Ничего подозрительного он не обнаружил. И это прибавило ему раздражения.

— А что это твой грузовик красного цвета!? Думаешь, нам недостаточно было коммунистов?! Смотри, нарвешься. Не терпится врагов нажить?!

К счастью для Жана, сразу за хорватским постом находились склады ООН ПРОФОР, конечная цель его пути. Он выгрузил товары, наполнил баки горючим и стал собираться в обратную дорогу. Но, впрочем, грузовик действительно был рискованно красного цвета... Тогда, немного поразмыслив, Жан выкрасил кузов в черный…

На обратном пути его никто не останавливал.

Последний ратник

Многих товарищей я схоронил.

Оставались они на холмах, по обрывам-оврагам, пропадали они на окольных путях и беспутье, исчезали во мраке лесов и в тени переулков.

Там, где мы проходили, мы пропадали. Всякое божье место скрывало притаившуюся где-то смерть. Иногда мне казалось, смерть всегда была рядом, что она вместе с нами сражалась, но порой вдруг, оголодав, жадно набрасывалась на рядом идущих. Голодная смерть была в нашем строю.

Путь наш было легко проследить — по могилам. Ими мечены наши дороги. Это мы выставляли дорожные, скорбные, знаки. Не затем, чтоб направить на путь, а затем, чтобы с этих путей отвратить.

Нет дороги туда! — говорили наспех сколоченные кресты. Нет дороги туда! — бросались под ноги свежие холмики влажной земли. Нет дороги туда и — оттуда обратной дороги!

Завораживала нас чужая смерть. Обманывали нас чужие могилы. Мы сеяли смерть, не видя того, что она дает всходы у нас за спиной. Верили мы, смертью чужой попираем свою. Как мы были наивны!

Смерть несли мы и смерть принимали как судьбу и удел, как проклятье. Без смысла, без меры. Все больше, все дальше, все тем же путем. Через свои и чужие могилы.

Это длилось больше года. Не знаю сколько, и этого никто не знает. Такое время ничем нельзя измерить. Одно лишь знаю, что я остался один. Совсем один.

Иногда я хочу, чтобы кто-то пришел, заплакал, оплакал, затеплил свечу и цветы положил. Но нет никого. Только ветер застонет порою — и все.

Иногда я хочу умереть и присоединиться к уснувшим навеки ратникам. Только, думаю, некому будет ходить за могилами...

Письмо из подземелья

Дорогая бабуля,
я решил, что мы снова напишем тебе письмо. На самом деле, я говорю, а пишет мама, потому что письму нас еще не обучали. Дорогая бабуля, хотим поздравить тебя с Новым 1999 годом и пожелать всего наилучшего, и чтобы все мы вскоре свиделись. Я тебя очень люблю и хотел бы, чтобы

ты оказалась рядом с нами, здесь, в подземном убежище. Мама говорит, что ты всегда была упрямой и твердолобой, и не захотела оставить свое родное село Кремну. И говорит, что ты сказала: «Я не желаю, дети мои, под землю, куда торопиться?» Я бы так хотел, чтобы ты приехала к нам, потому что чувствую, как непрестанно гудит и вздрагивает земля, и все говорят, что там, наверху, ой как тяжко кому-либо выжить. Бабуленька моя, береги себя!

А у нас все хорошо. Я хожу во второй класс и уже умею стрелять. За полугодие у меня пятерка по стрельбе из автомата и ручного гранатомета, а в метании бомб и установке пехотных мин я самый лучший. Учитель говорит, что я талантливый, и предложил мне пойти в секцию диверсантов. Папа обещал, что если к концу года я стану отличником, он купит мне «магнум». Я стараюсь, но пока никак не могу исправить единицу по ближнему бою. Знаешь, нас тренируют на настоящих животных, а меня тошнит от крови. Об этом я только тебе говорю, бабуля, потому что здесь это считают позорным. Но я должен успевать, чтобы папа не разочаровался во мне.

Мне здесь хорошо, у меня полно друзей, и мы часто играем. Чаще всего мы играем в «Сербов и врагов», но все хотят быть сербами, и поэтому мы никак не можем сыграть в нее. Иногда играем в «Убей стражника» или «Держи диверсанта». А я все больше люблю стрелять. Когда вырасту, бабуля, я бы хотел стать снайпером.

У нас в классе есть одна девочка, зовут ее Саня. Она мне нравится. Она говорит, что мы, мальчишки, очень глупые, что только стреляем и ничего не знаем о бинтах и перевязках. Она отлично накладывает повязки, лучше всех девочек, а еще умеет стрелять. Она нравится мне больше всех.

Мой лучший друг Мишко. Он — лучший в классе по рытью окопов. Он бы хотел стать танкистом, когда подрастет. Но танки учат только в средней школе. Мой друг Мишко говорит, что наверху над нами ничего нет, враги все сожгли. Я говорю ему, что у меня есть бабушка, а он говорит, что это невозможно, потому что, когда проходят танки, не остается ничего.

Бако, почему ты не ушла вместе с нами?! Мама говорит, что уже три года ты не подаешь о себе вестей. И она все время плачет, когда говорит о тебе. Вот и теперь плачет. Но я-то знаю, бабуля, что у тебя все хорошо и что ты хочешь прийти и рассказать мне, как когда-то, о битве на Косовском поле и о царе Лазаре. Поэтому мы будем все время писать тебе письма.

Бако, приезжай!

Любящий тебя всем сердцем
внук Марко.

Судьбина

Я случайно заприметил эту букашку.

Я сидел на скамейке рядом с бульваром, который она хотела перейти. Стояла чудесная летняя пора, бульвар был полон прогуливающихся, но храброй букашке это не мешало решительно двигаться вперед. Она проползла между ног первого прохожего, протащилась под высокими каблуками молодой барышни, потом вдруг остановилась, тем самым избежав колес велосипеда. Как ни была она удачлива и отважна, я не мог избавиться от впечатления, что она обречена на смерть и что это лишь вопрос времени. Нравится нам это или нет, но в действительности *существует нечто*, называемое «судьбой», что предопределяет пути людей, животных, птиц и насекомых. Некое правило, закон, неизбежность — нечто, что направляет и незримо ведет, подталкивает или

придерживает нас самым необъяснимым и непостижимым образом. Предопределена ли ее судьба вселенской и земной гармонией, или просто представляет собой особенность всего живого? — никто не знает. Одно лишь несомненно: мы не можем представить себе жизнь без судьбы. А букашка эта имела какую-то свою несчастную судьбину. Что-то толкнуло ее на этот самоубийственный шаг в самую гущу толпы смертоносных ступней.

Какой-то же она должна была иметь мотив?

Хотя способны ли мы вообще понять мотив какой-нибудь козявки в теплый летний день? Казалось бы, трава мягка. И цветы цветут по обе стороны бульвара. Но она, очевидно, так не думала. Во что бы то ни стало она должна перейти на другую сторону. Что это — некий неудержимый зов, инстинкт, желание?

Может быть, спешит она к своему любимому или любимой?

А может быть, к любимому цветку?

Может быть, ее зовет одной лишь ей известная, возвышенная идея?

Что может заставить рисковать своей хрупкой жизнью эдакую малявку? Немилосердная черная судьба.

Погруженный в свои мысли, я удивился, увидев ее уже на половине пути. Каждое мгновение над ней нависали черные тени, но она упрямо продвигалась к цели. Невероятная сила и упорство сквозили в этом маленьком существе. И она шла и шла напрямик.

Она была уже совсем близко. Успешно избежала солдатских сапог и каких-то тапок и доползла до меня. Она сделала это!

Я наблюдал за ней, — возможно, счастливой и усталой, — и уже готов был восхищаться ею. Как вдруг наступил на нее...

От судьбы не уйдешь...

Странный лес

В нашем лесу полно волков. Они очень голодны и едят много и часто. Вообще всех без разбору, но в основном едят овец. Овец они любят больше всего, но долго не выбирают. Прожорливы эти волки.

Я не боюсь волков. Может быть, потому, что я молод. Хотя они, по правде сказать, никакого интереса ко мне не проявляют. Возможно, я им кажусь не таким уж и вкусным. Но я думаю, что они, когда захотят, могут съесть любого. Опасны эти волки.

Я не боюсь волков. Это потому, что молод, совсем еще дитя. Но я — не какая-нибудь там мелкая тварь, которая знать не знает, какой она породы. Во всяком случае, вижу, что не баран, иначе я наверняка уже был бы съеден. Таким образом, волки едят, а я стерегусь. Надо быть осторожным с этими волками.

Иногда мы встречаемся в лесу. Тогда я не выказываю ни страха, ни злобы или неприязни, ничего. Просто молчу и смотрю вдаль. А они проходят мимо и делают вид, что не замечают меня. Думаю, что я им не по вкусу.

Волки едят постоянно. Это понемногу начинает меня раздражать. Они истребляют все живое — особенно овец. Не было дня, чтобы они не нанесли какой-нибудь вред. Они ужасно прожорливы. Кому-то это может показаться симптоматичным, но я лично думаю, что они больны. Ненормально есть столько.

А овцы — это отдельная история. Они приходят сами. Как будто им нравится быть съеденными. До последнего момента они не понимают,

что их ждет, бегают туда-сюда за волками, дружатся с ними, любят их. Покуда не приходит час расплаты. Печально быть овцой. Удивительные животные в этом нашем лесу. Все притворяются, будто ничего не замечают. Мол, все в порядке. Все молчат, скрытничают, прикидываются ничего не понимающими. Ничего не видят, ничего не слышат. Каждый день кто-то из них страдает, а они и дальше молчат. Кажется, что животные ужасно запуганы.

А я не боюсь, нет. Просто меня ужасно нервируют эти волки. Не мое это дело, но они много едят. Они поели всю живность в нашем лесу. Страшно смотреть! Повсюду погибель и страх. И как эти волки не понимают, что однажды они пожрут всех, и тогда этот лес станет пустынным. Но им, как видно, все равно. Когда лес опустеет, они спокойно переберутся в какой-нибудь другой. Легко быть волком.

Однако волки стали явно перебарщивать. Как будто в нашем лесу нет других голодных зверей. Как будто только они в этом лесу имеют право есть. Нехорошо это. Я, например, целыми днями не ем. Не то чтобы я голоден, но иногда ведь нужно и перекусить немного. Если волки не умерят свою жадность, я не на шутку рассержусь. А всем известно, что любой детеныш опасен, когда он голоден. Если я вскоре не найду ничего для еды, я предприму нечто опасное, но неизбежное. Я начну есть волков.

Правосудие

Международному суду в Гааге
от рыболовецкого товарищества «Перучац»

Сообщаем Вам, что 15 июля 1994 года в верхнем течении реки Дрина, Республика Сербия, пойман сом, которого безуспешно разыскивали в течение длительного времени. Благодаря великой личной самоотверженности и мужеству члены товарищества после многочасовой титанической борьбы обуздали огромное чудовище и вытянули его на берег. Была сформирована Комиссия, которая установила, что речь идет о соме, опознанном большим числом свидетелей и подозреваемом в том, что он активно и добровольно участвовал в поедании людей, погибших при трагических обстоятельствах во время гражданской войны в Боснии, а затем разными путями оказавшихся в реке Дрина. Подозреваемый с первых дней войны патрулировал на всем протяжении реки и использовал любую возможность для осуществления своей чудовищной деятельности. В качестве неоспоримого доказательства был принят и тот факт, что сом, по словам свидетелей, к началу военных действий весил не более 12 килограммов, а на момент поимки достигал уже 26-ти с половиной. Эксперты пришли к важному заключению, что такого килажа он не смог бы достичь законным и естественным сомовьим пропитанием. Тем самым определенно доказано, что обвиняемый сом причастен к ряду тяжких злодеяний и военных преступлений и что его настигла заслуженная кара. Рыболовецкое общество «Перучац» продолжит расследование, поскольку есть достаточные основания подозревать, что осужденный сом действовал не в одиночку и что речь идет о большой организованной группе. Запланировано, что в ближайший период мы не жалея сил переловим всех и представим перед лицом правосудия.

Fiat justitia!

И да восторжествует справедливость!

Правдивая сказка

Жил некогда Один. Хотя на самом деле их было больше. Но он хотел быть единственным. И был настойчив, и преуспел в этом.

Итак, жил некогда один король. Нет, царь. Нет, нет, фараон. На самом деле он был один, а когда ты один, то ты и король, и царь, и фараон.

Итак, жил некогда Один, и правил он страной. Он только это и знал. На самом деле он ничем не правил. Когда есть один, страна управляется сама. Он так и сказал: управляйтесь сами! И они послушались его. Они во всем слушались его. Легко слушать одного. Нет никаких дилемм.

И все были счастливы. И довольны. На самом деле, может быть, и не совсем все. Но закон был предельно ясен: все обязаны быть счастливыми и довольными. А закон надо уважать. Особенно если его писал Один.

Да, да, Один написал все законы. И все книги. И все, что написано, написал Один. На самом деле что-то он только подписывал, но и этого было достаточно. Более чем достаточно.

Он был самым богатым человеком на свете. Потому как народ ему все отдавал. В действительности народ даже не знал, что все ему отдал, но когда есть Один, пусть будет он самым богатым. Даже если народ не имеет ничего.

И жил он долго и счастливо до конца дней. Очень счастливо. И очень долго. Впрочем, *некогда* жил.

А люди?

Люди как люди, из поколения в поколение рассказывают сказку о том, как жил некогда Один.

Притча о вымершем народе

Когда варвары пришли в мой народ, все немало удивились: они были совершенно непохожи на всех прежних завоевателей. Вели себя как дети, говорили как дети и делали все как дети. Впрочем, как и все другие завоеватели, они не преминули тотчас перебить всех мудрых и именитых мужей, порушить церкви и храмы, сжечь реликвии и святыни, разграбить дворцы и дома наши. И никого это особо не встревожило, ибо стар мой народ, веками подвергался различным нашествиям, рабству и оккупации. Выдержим и это, думали мы, страдали и молчали. Но эти варвары действительно были очень необычными. Шло время, а они не выказывали ни малейшего желания уходить. Как видно, им нравилось у нас, и они хотели остаться надолго. И причин для беспокойства пока еще не было. Варвары все разрушили, осквернили и разграбили, и казалось бы, так все и будет идти дальше. Но в один прекрасный день они вдруг начали строить. Они были такими смешными. Пели как дети, ссорились как дети, строили как дети. Мы украдкой посмеивались над ними и ждали, что не сегодня завтра у них все развалится. Но нашим детям они ужасно нравились. И они начали с ними дружить.

Народа моего больше нет. Мы все стали варварами.

Притча о царе Душане

Царь Душан был величайшим и наимудрейшим монархом, который когда-либо правил на этих просторах. Он объединил многочисленные мелкие государства, создал сильную армию, построил новые города, дороги, церкви и дворцы. Но сам царь более всего гордился своими ложками.

Весь его дворец, каждый зал, все комнаты и даже конюшня были завалены ложками. Только не подумайте, что наш славный царь был каким-то чудаковатым коллекционером или просто сумасбродом: ведь это были золотые ложки!

— Дорогой царь, — заметил однажды Милош Обилич[1], — во дворце ни присесть, ни прилечь больше негде. Вчера в конюшне я битый час рылся среди ложек, чтобы найти свою лошадь. А на обед постоянно супы, похлебки, размазня всякая. Если вскоре не приобрести полные столовые приборы, мне придется резать Мурада[2] ложкой.

— Ты еще молод, — сказал царь Душан, — и, очевидно, не понимаешь, что это *прогресс*. Да знаешь ли ты, что вся Европа, *вся Европа*, ест деревянными ложками. Английская королева, русский царь, датский король... все едят, уплетают, хлебают деревянными ложками. А посмотри на нас! У нас есть столько золотых ложек, что мы и церкви приспособили под склады... А Европа смотрит и лопается от зависти!

— Ваша правда, дорогой царь, — согласился Милош, — наше государство величайшее и богатейшее в Европе, это все знают. Но злопыхатели болтают, будто вся экономика переориентирована только на производство золотых ложек, ремесленники делают только золотые ложки, а рудники добывают только золото. Народом овладела золотая лихорадка, люди работают денно и нощно, и даже в нерабочее время. Ложки стали неотъемлемой частью их жизни. Они соревнуются, кто сделать их больше, у кого они красивее и чьи сияют ярче. Нам пришлось построить около рудников поселки, чтобы люди спали рядом с ложками. Они никому не дают прикоснуться к ложкам, могут даже убить.

— Все это я знаю, — сказал царь. — Но и ты должен знать: народ наш прошел через трудные испытания и войны и немало настрадался. Он испокон веку терпел лишения и жил в нищете. И, наконец, настало время, когда человек стал обладателем истинных ценностей, подлинных сокровищ, которые принадлежат только ему. Он может переплавить их, придать им любую форму, короче, распоряжаться ими по своему усмотрению. Народ осознал свою историческую роль: ложки на века!

— Люди действительно счастливы, — сказал Милош, — но всюду говорят, что золото не наше. Одни твердят, что мы заимствовали его у англичан, другие говорят — у русских, третьи упоминают Венецию. Я бы всех их переловил и за языки подвесил бы! Они сеют семена сомнений, а сомнение — это сорная трава, которая быстро растет.

— Все ложь! — закричал царь. — Теперь все это наше золото! Правда лишь в том, что я на самом деле ездил и к англичанам, и к русским, и к византийцам, и ко многим другим, но я говорил им, что я Божий посланник и сотворю рай на земле. Они дали мне все, что я просил, так как поняли, что творю для вечности.

— Царь наш! — воскликнул Милош. — Мы счастливы, мы вне себя от радости, что ты у нас есть! Бог не мог направить к нам лучшего посланника. Он принес этому измученному народу спасение и благополучие. Научил нас жить во имя прекрасной идеи. Ложки на века! Хвала тебе, Учитель наш!

— Милош, сын мой, — сказал растроганно царь, — ты должен знать, что этот народ ждет золотое будущее. И мое единственное счастье — это счастье моего народа.

---

[1] Милош Обилич — легендарный сербский князь.

[2] Мурад — султан Мурад I, убитый Милошем в своем шатре, утром в день битвы на Косовом поле.

— О, как это прекрасно — быть рядом с таким славным и благородным человеком, — признался Милош со слезами на глазах. — Дай Бог вам долгой жизни!

Бог не послушал Милоша и был немилосерден к своему посланнику. Царь Душан заболел и умер. Вскоре и царство его развалилось. Однако люди не забыли своего доброго царя. Вспоминали его с упоением, а сами при этом, сидя в своих полуразрушенных лачугах, ели деревянными ложками овсяную кашу.

Сказка о радужной земле

Было это очень давно. Жили в Радужной земле люди всех цветов радуги. Народы красный, синий, зеленый... Народы счастливые и довольные.

Однако Вождь их, великий мыслитель и визионер, не был доволен. Потому что было ему видение. Вернее, видение было во сне: будто все его народы одинаковы! И в один прекрасный день он отдал приказ: «Отныне наша страна будет называться Желтой землей, и все наши граждане будут желтыми».

Дабы осуществить эту, без сомнения, революционную идею, он создал Комиссию по перекрашиванию в желтый цвет. Сначала она перекрасила всех взрослых жителей, затем детей, а напоследок оставила самое легкое дело: красить каждого новорожденного.

Желтая страна стала реальностью! Она стала самой желтой страной в мире. Однако Вождь, хотя и был он великим мыслителем и визионером, и думать не думал, что со временем краски могут выцвести, что вскоре и произошло.

По улицам начали передвигаться группы различных цветов, и повсюду можно было услышать лозунги: «Синий — это сила!», «Рожденные красными — умрем красными!», «Желтый, желтый — да пошел ты! Зеленый, я в тебя влюбленный!»

И только желтые возмущались: «Как мы могли перекрасить их так плохо? Это наша историческая ошибка».

Впрочем, среди Желтых появились сомневающиеся. По ночам они втайне занимались выяснением своего природного окраса, так сказать, истинного лица. И если под желтой краской обнаруживалась любая другая, тут же переходили в лагерь своих одноцветников.

Ситуация достигла своего апогея, когда различные группы начали конфликтовать. Одни твердили, что их цвет самый красивый, другие — что он является самым распространенным, третьи — самым важным и древним. Возникла опасность того, что разразится война.

Прекрасный сон Вождя о Желтой земле и желтом народе приближался к концу. Тогда гениального Вождя осенило, и он издал новый приказ:

«Из-за прямой угрозы миру в Желтой земле, а также в целях устранения различий между народами, приказываю: каждый житель Желтой страны должен подвергнуться ослеплению!»

Вскоре все были ослеплены.

«О, народ мой! — гордо воскликнул Вождь. — Наконец-то исполнилась моя заветная мечта! Теперь вы все равны! Теперь вы все желтые!»

Притча о Солнечной стране

Эскимосу Яну надоел полярный холод. Собрав вещи, он бросился на поиски теплого и приятного климата. После долгого путешествия он оказался в Солнечной стране и, как того требует закон, тут же направился в Бюро по правам человека.

— Добрый день, я — эскимос Ян, хочу навсегда поселиться в Солнечной стране.

— О, как это замечательно! — воодушевленно воскликнул служащий на чистейшем эскимосском. — Наконец-то хоть один эскимос! С каким нетерпением мы ждали вас!

— Меня? — удивился Ян.

— Не вас лично, — поправился служащий. — Кого-нибудь из эскимосов. У нас в Солнечной стране есть все, действительно все: папуасы, малайцы, курды, саами... В списке насчитывается 248 народов и национальностей. Но эскимосы к нам никак не переселялись. И вот, наконец, вы! Как нам приятно, я даже не могу описать!

— Да если бы я знал, что у вас такая нехватка эскимосов, я бы и раньше пришел, — стал оправдываться Ян.

— Слава Богу, никогда не поздно. А теперь сообщите, пожалуйста, мне некоторые сведения о себе.

— Разумеется, для того я и пришел. Я — эскимос Ян, родился в 23-ю полярную ночь в год Дракона...

— Нет-нет, не то! — перебил его служащий. — Господин Ян, нам не нужны ваши данные. Нам необходима информация об эскимосах.

— Что вас интересует?

— Какой у вас национальный праздник и когда его празднуют?

— Главный наш праздник — это Неделя Белого медведя, и отмечают его с 1 по 7 декабря.

— Отлично! Отныне Неделю Белого медведя вы сможете праздновать и в Солнечной стране.

— Серьезно? Ну, это просто великолепно! Невероятно!

— О, в этом нет ничего особенного, господин Ян. В Солнечной стране вы можете чувствовать себя как дома.

— Но у нас нет домов, мы живем в иглу.

— Ну, хорошо, чувствуйте себя как в своем иглу. В Солнечной стране, во всяком случае, каждый ведет себя так, как он хочет. А теперь скажите, когда у вас, эскимосов, День независимости?

— Честно говоря, до сих пор никто нас ни порабощал, ни освобождал.

— Так не годится. Каждый народ должен иметь свой День независимости. Но мы обязательно придумаем что-нибудь. Есть ли у вас еще какой-нибудь знаменательный праздник?

— Конечно есть. Это День кровавого тюленя, 12 марта. Тогда мы забиваем тюленя в честь Бога охоты...

— Ну хорошо, хорошо, отныне 12 марта станет Днем освобождения Эскимосов, и его будут справлять наряду с остальными праздниками Солнечной страны. А не могли бы вы рассказать что-нибудь о ваших национальных костюмах?

— Честно говоря, нет никакого национального костюма. Мы носим меховые шапки, толстые шубы из оленьей шкуры, кожаные штаны, сапоги и гарпун.

— Это на самом деле очень красивый костюм, — растроганно сказал служащий, — с сегодняшнего дня вы можете носить его где угодно.

— Мне и в голову такое не приходило, — рассмеялся Ян, — здесь так удивительно тепло, что я хочу сбросить все при первом же удобном случае.

Служащий нахмурился.

— Как вы себя ведете? Как вам не стыдно! Вам что, мешает ваш

национальный костюм — костюм, который символизирует ваш народ, вашу культуру, историю, корни? Вы хотите отстраниться от своего народа? Чтобы, не дай Бог, ассимилироваться с большинством? Как вам не стыдно!

— Ну, хорошо, не сердитесь, если это необходимо, я буду носить шубу.

— Вот так будет лучше. Нужно знать некоторые порядки в Солнечной стране. Пойдем дальше. Верите ли вы в Бога?

— Честно говоря, мы верим во многих богов, но самым главным является Бог охоты.

— Значит, вы принадлежите к некой Охотничьей секте?

— Мы так не считаем, для нас охота — неотъемлемая часть жизни...

— Господин Ян! Вы являетесь приверженцем Охотничьей секты, и нет необходимости скрывать это. Вам удивительно повезло, что вы приехали в Солнечную страну. У нас разрешена любая религия и любая идеология. К сожалению, ваша секта нам внове, а потому мы должны построить вам храм...

— Вы что, построите мне церковь? — изумился Ян. — Так мы не пользуемся церквями, мы все — то на охоте, то...

— Довольно! — выкрикнул служащий энергично. — В Солнечной стране каждая секта должна иметь церковь, и точка!

— Ну, хорошо, если должна...

— Напоследок, скажите мне, на каком языке вы хотели бы говорить?

— Как это на каком? Разумеется на официальном языке Солнечной страны.

— Вы совершенно не осведомлены о жизни у нас. В Солнечной стране нет официального языка. Здесь все языки равноправны. Каждый говорит на своем родном языке или на языке, который ему больше всего нравится. Вы можете говорить задом наперед или на жаргоне. Хотите, можете придумать язык. Мы признаем все.

— Ну, ежели так...

— Именно так, господин Ян. У вас есть какие-то вопросы?

— Меня интересует, когда я могу приступить к работе?

— Трудно сказать. У нас так много праздников, и редко когда выпадают рабочие дни.

— Ну, а на что вы живете?

— Мы живы любовью. Все страны мира любят нас и с радостью дают нам взаймы всякий раз, когда это нужно. И об этом беспокоиться не стоит. Ваше дело — носить национальные костюмы, отмечать свои праздники и говорить на своем языке, а остальное наша забота.

— Мне так приятно, что я приехал в эту страну, — сказал Ян.

— Спасибо — и до свидания.

На улице Экимос Ян остановил первого встречного.

— Который час?

— Хура хура бонго?

— Который час? — спросил он другого.

— What are zou saz?

— Который час, люди? — взывал Ян к прохожим.

— Асдфј ерклпчпз њенбвцџћ?

— 98765.432!

— .-, .-, .-, .-.

— ????????????

Выборы

Случилось это тогда, когда под давлением Неба и Земли Дьявол вынужден был объявить о первых демократических выборах в Аду. Как и следовало ожидать, со всех сторон съехались многочисленные кандидаты. Были здесь и демоны, и ангелы, и проходимцы, и святые, и разбойники, и пророки — все посю- и потусторонние силы. Каждый проводил свою кампанию, каждый что-то обещал и предлагал несчастному и измученному народу Грешному. Одни обещали погасить Вечный огонь, другие — упразднить Девятый круг и впоследствии все до одного, третьи даже сулили Рай, говоря, что могут обустроить его в самом Пекле. А народ Грешный, привычный к всевозможным и каждодневным пыткам, стоически переносил все те кампании. Кандидаты говорили красно и умно, однако Небо и Земля все же сделали вывод, что у Дьявола нет достойного соперника. И упросили самого Господа Бога выдвинуть свою кандидатуру.

Бог долго колебался, по большей части из чисто принципиальных соображений. «Это безнравственно, — сказал Бог, — что я, самолично отправив грешников в Ад, теперь спасаю грешников от адского огня». Тем не менее, гуманность победила. И Бог поддался на уговоры.

Когда Господь появился в Аду, Вечный огонь тут же погас, и всех присутствующих озарило Божественное сияние. «Я хочу всем отпустить грехи, — сказал Бог, — голосуйте за меня, и все будет вам прощено». Церковная музыка заглушала бормотание воодушевленных, и большой огненный крест блистал над головами восхищенных. «Идите и голосуйте за свое спасение», — сказал Бог грешникам, провожая их на избирательные участки.

После подсчета голосов выяснилось, что на выборах вчистую победил Дьявол. Все были удивлены, кроме Дьявола. «В Аду всегда будет побеждать Дьявол, — сказал он, — потому что со мной нет неопределенности».

И огонь разгорелся с новой силой...

Человек и сумасшедшие

Некий человек по каким-то делам завернул ненадолго в сумасшедший дом. Увидев его, сумасшедшие ужасно обрадовались. И сказали: «Давай ты будешь нашим премьер-министром!»

Человек сжалился и согласился.

Первые дни он только присматривался к тому, что делают сумасшедшие.

А сумасшедшие как сумасшедшие, главным образом врали, воровали, колотили друг друга и убивали.

Однажды человек сказал: «Нет смысла в том, чтобы постоянно лгать. Нехорошо это. Гораздо лучше говорить правду».

Сумасшедшие подумали малость и перестали врать.

Немного погодя человек сказал: «Прекратите красть. Нехорошо это. Вы должны довольствоваться тем, что имеете».

И сумасшедшие перестали воровать.

Тогда человек расхрабрился и запретил им драться и убивать.

Сумасшедшие взбунтовались и созвали Великое собрание всех сумасшедших. Они решили поставить на голосование вопрос о доверии премьер-министру и большинством голосов уволили его.

— За что вы сместили меня? — спросил человек.

— Так ты вообще не псих! — сказали сумасшедшие.

Тогда человек собрался и ушел.

А сумасшедшие?

А сумасшедшие как сумасшедшие, по-прежнему врут, воруют, колотят друг друга и убивают.

Ворона и лисица

Одна ворона после долгих и напряженных поисков нашла кусочек сыра и села на ветку, чтобы полакомиться им. Это увидела лиса, подкралась к дереву и начала говорить:

— О, как ты прилежна и трудолюбива! Нашла дивный, большой кусок сыра. Почему бы тебе не поделиться с тетушкой?

Ворона удивленно взглянула и сказала:

— С какой стати я должна делить его с тобой? Я старалась, я его нашла, а ты все это время только прохлаждалась.

— Не хочешь ли ты все съесть сама? — упорно твердила лиса. — А несчастная тетушка должна, значит, умереть от голода.

Ворона продолжала покусывать-поклевывать свой обед.

— Это ты-то можешь умереть с голоду? — спросила она. — Иди-ка ты потрудись, поищи, и у тебя будет что поесть.

Лиса решилась пойти на испытанный трюк.

— Я слышала, вороны чудные певцы. Говорят, что нет более искусной певчей птицы. Хотелось бы услышать, как поешь ты!

— Я и сама люблю читать басни, — сказала ворона, — и училась на ошибках своих предков, так что уловки эти уже не срабатывают.

Тогда лиса достала пистолет.

— Бросай сыр, пернатая скотина, пока я не разнесла тебе твои птичьи мозги!

Ворона беспомощно взмахнула крыльями, поднялась с ветки и выронила сыр.

Мораль: нам нужно правовое государство.

Дед и внуки

Жил некогда один старик. Больше всего любил он рассказывать внукам сказки. Но не простые сказки! Еще чего не хватало! Дед любил рассказывать национальные сказки. Из всех сказок чаще других он рассказывал Сказку о Великой национальной державе. Внуки слушали его с открытыми ртами.

Однажды, одержимые детской мечтой, внуки решили создать Великую национальную державу. Но поскольку не знали, как это делается, то позвали дедушку, чтобы он помог им. Дедушка порядком намучился, но Великую национальную державу ему создать не удалось. «Однако это всего лишь сказка», — сказал обессилевший дедушка. Внуки тогда сильно разгневались и прогнали дедушку, а Великую национальную державу попытались создать сами. «Как вам не стыдно, негодные дети», — сказал им дедушка. И с тех пор никогда больше не рассказывал сказки.

А внуки?

Внуки, настырные, как все дети, все пытаются, стараются, пробуют...

Преступление

С тех пор как я открыл частную лавочку, мне приходилось работать день и ночь. Я не знал, насколько это тяжелое дело. То одно достань, то другое, то туда беги, то сюда, обязанностей куча — сплошной нон-стоп. И так получилось, что мне доставили хороший товар как раз на наш семейный праздник, Иванов день. Работа ждать не могла, и я должен был корпеть весь день. Вечером, когда вернулся домой и сел ужинать, кто-то позвонил в дверь. Я глянул в «шпионку»: два милиционера! Я начал перебирать в голове, не ошибся ли где-нибудь, но точно знал, что все в порядке. Я аккуратно вел книги, исправно платил налоги, мне нечего было бояться. И открыл дверь.

— Ты — торговец Петар Петрович?

— Да, это я.

— Тебе придется пройти с нами!

Делать нечего, я взял пальто, попрощался со своей женой и пошел следом. Конечно, мне это было небезразлично, и я спросил, как бы между прочим, порядка ради:

— Не могли бы вы мне сказать, в чем дело?

Милиционеры, ясное дело, промолчали.

Когда мы пришли в участок, меня завели в какую-то комнату, полную картин с видами монастырей и ликами святых, и оставили дожидаться прихода инспектора.

— Ты Петар Петрович?

— Я самый.

— Так, Петрович, зачем тебе это было нужно?

— Что?

Инспектор сделал обычную психологическую паузу, открыл папку, начал как будто читать что-то, потом снова повернулся ко мне.

— Ну хорошо, Петрович, тебе это было нужно?

Глупо было опять что-либо спрашивать, и я решил подождать. Он тоже чего-то ждал. И тогда я все-таки решился.

— Товарищ инспектор, в чем дело? Я не понимаю, за что вы меня...

— Я тебе не товарищ! — заорал инспектор. — Посмотрите-ка на него! Товарищ? Это я тебе, что ли, товарищ?

Я онемел.

— Нет больше товарищей, господин Петрович. Нету товарищей! Прошли те времена, слава Богу, — и он перекрестился.

— Извините, господин инспектор, — попытался я успокоить ситуацию, — я немного смущен...

— Я вижу, что ты смущен, и не мало, а много!

Инспектор что-то написал на скоросшивателе, а потом начал снова ворошить папку с документами. Когда я уж подумал было, что он забыл обо мне, его вдруг прорвало:

— Почему ты сегодня не справлял свой праздник?!

— Мой праздник?.. Ну, я отметил ...

— Не ври! Не ври, здесь все написано! Сегодня у тебя был праздник, а ты целый день работал, праздник не праздновал, в церковь не ходил, свечи не возжигал... Нам все известно!

— Ну, хорошо, сегодня у меня было много работы... Но я всегда отмечаю наши праздники...

— Нет смысла выкручиваться. Ты сегодня не праздновал наш праздник!

— Я отпраздновал его по-своему...

— По-своему?! Невозможно, Петрович, праздновать праздник по-своему! Видите ли, он знает, как праздновать праздник!

С ним не стоило больше препираться.

— Молчишь? Значит, осознаешь свою вину!

— Какую еще вину?

— Вину, Петрович, большую вину. Ты не праздновал наш праздник, несчастный ты человек!

— Я хотел бы попросить вас, господин инспектор, сказать, зачем вы вообще вызвали меня, и я бы вернулся домой...

— Ты хочешь вернуться? Господин хочет домой? Ну что ж, если господин спешит, то дело за малым: надо только подписать признание, и все.

— Какое признание?

Инспектор вытащил из кипы какую-то бумажку.

— А такое: признаю, что я не праздновал праздник Святого Иоанна Крестителя и не совершал никаких предусмотренных в этой связи церковных обрядов.

Я так разнервничался, что подписал бумагу, попрощался с *господином* и отправился домой.

Не прошло и семи дней, как мне вручили синий судебный конверт. И в нем приговор.

«За грубое нарушение сербских обычаев, неуважение к сербским традициям, пренебрежительное отношение к Сербской Православной Церкви, оскорбление религиозных чувств православных граждан и презрение к Святому Иоанну Крестителю торговец Петар Петрович исключается из сербского народа, без права на обжалование».

Подпись неразборчива.

Золушка

Дворец блистал ярким фантастическим светом. Сквозь толпу полицейских и солдат пробились три шикарных черных автомобиля. Как только они остановились, их окружила толпа газетчиков и бесчисленные службы безопасности. Все замерли в напряженном ожидании.

Из первого автомобиля вышел Президент Красных, одетый в дорогой серый костюм, и помахал рукой собравшимся. Вспыхивали блицы, жужжали камеры, тянулись микрофоны. Президент Красных прошел легкой походкой и исчез в сиянии дворца.

Из другого автомобиля вышел Президент Зеленых, одетый в безупречный темно-синий костюм, и улыбнулся собравшимся. Вспыхивали блицы, жужжали камеры, тянулись микрофоны. Президент Зеленых прошел медленным шагом и утонул в сиянии Дворца.

Из третьего автомобиля вышел Президент Голубых, одетый в роскошный костюм, и поприветствовал собравшихся. Вспыхивали блицы, жужжали камеры, тянулись микрофоны. Президент Голубых бодрым шагом поднялся по ступеням и нырнул в сияние Дворца.

Журналисты толпились, ожидая результатов очередных мирных переговоров. Ждать пришлось долго.

И вот в глухую полночь на башне зазвонили колокола. Мир наконец-то был установлен. Но тут перед дворцом вдруг все исчезло. На площади остались только три черные тыквы. А из Дворца выбежали три большие крысы и скрылись во мраке ночи.

Гражданская война в Сербии

Я решил развязать гражданскую войну в Сербии. Взял старый дедов пистолет и позвонил в дверь прапорщика Ратко на пятом этаже.

— Пароль! — прокричал прапорщик Ратко через закрытую дверь.

— Дядя Ратко, дедушка послал меня, чтобы я спросил, если у вас есть немного времени, почистить ему пистолет. Он говорит, что никто не умеет чистить пистолет так, как вы!

— Положи перед дверью и медленно отойди! — скомандовал прапорщик после небольшой паузы.

Я быстро сбежал на четвертый этаж и позвонил к профессору Петровичу.

— Что такое, малыш?

— Дядя Петрович, дедушка спрашивает, не могли бы вы разменять 100 марок, нужно вернуть сдачу соседу Ратко.

— Нет у меня, сынок, ни мелких, ни крупных. А скажи-ка мне, что купил сосед Ратко?

— Пистолет.

Петрович даже отшатнулся.

— Пистолет! Ратко купил пистолет? Я так и знал! Коммуняки начали вооружаться! Ну уж нет, не выйдет!

Петрович накинул летнее пальто и спустился по лестнице. На первом этаже проживал адвокат Вучкович, страстный охотник.

Вскоре в квартире г-на Вучковича собралась довольно большая компания обсудить создавшуюся ситуацию. Умеренные твердили, что не следует преувеличивать, а надо все тщательно проверить. С седьмого этажа сообщили, что прапорщик Ратко замечен на кухне за чисткой пистолета, из чего следовало, что коммунисты таки вооружаются, и мы не должны допустить никаких сюрпризов. Г-н Вучкович раздал присутствующим все имевшееся у него оружие, а сам поспешил в Охотничий союз за новой партией. Вооруженным поручили нести караул на этажах, а остальным вести наблюдение.

Все это не могло пройти мимо дежурной госпожи Стоянович с первого этажа, которая высмотрела в «шпионку», как кое-кто из соседей покидал квартиру Вучковича с неумело скрытым под одеждой оружием. Она позвонила соседке Злате, Злата соседке Руже, Ружа соседке Цане... Через полчаса в квартире прапорщика Ратко заседал спешно сформированный Кризисный штаб. На повестке один только вопрос: защита от оппозиции. Тут же собрали и поделили оружие. Все получили точные указания и распределились по стратегическим точкам здания.

Еще во время проведения совещания вся улица гудела от слухов, что в доме творится нечто ужасное. Новости были противоречивы: по одним — «оппозиция» вооружилась и атаковала квартиру прапорщика Ратко, по другим — более скандальным — «коммуняки» ни с того ни с сего начали стрелять по жильцам от «оппозиции» и что есть убитые. В течение двух часов вся улица была мобилизована, организована, поделена и вооружена. Появились уже и баррикады перед магазином и мешки с песком на перекрестке.

Осталось только раз-другой пальнуть из окна.

Перевод с сербского Кайрата БАКБЕРГЕНОВА.

Из антологии сербской поэзии

Никола ДИМИТРОВИЧ
1510—1553

* * *

Наш истинный и милосердный Бог
своею кровью драгоценной
всем — чьи тела земные тленны —
дал искупления залог.
Господь пресветлый нас избавил
от вечной скорби и тоски,
разжал тяжелые тиски,
на путь добра сердца направил.
О, Сыне Божий! Помоги,
дай знак, который дал волхвам, —
такой же свет пошли и нам,
звезду во мраке нам зажги!
Иначе зло грешить заставит —
нам скверных дел не искупить,
коль без молитвы будем жить,
и свет прекрасный нас оставит!
Наш Отче, чтобы людям жить —
им укажи ворота рая,
чтоб день и ночь душа простая
могла о них светло молить.

Стефан ЗАНОВИЧ
1751—1786

Всего лишь ветер

Ветер, что веет сквозь свежие листья,
Светлым потоком в меня проникает —
Будто во мне оживленно струится,
В жилах моих с новой силой играет.

Но я увидел: вдруг стала заметной
Тень на тропе, где фиалок так много,

Где я вдыхаю бальзама лесного
Нежность под шепот листвы неприметный…

Здесь у ручья я сижу, одинокий.
Верю, что солнце одарит меня
Щедростью ясного летнего дня,

Щедростью ясного летнего дня…
Силы иссякли, а день светлоокий
Радует только слепцов — не меня.

Из-за тебя!..

Из-за тебя, госпожа, мне никак не заснуть
В час тишины, когда свежестью веет из сада.
Клори, ты видишь — не смею спугнуть
Образ я твой, хоть покой не подаришь в награду.

Думал я прежде, что ты — тот холодный алмаз,
Что на распятии, как украшенье, сияет.
Был я глупцом, пелену эту сбросил я с глаз:
Ты ли виновна, что сердце чужое сгорает?

Был гордецом и надменно кичился собой,
Думал, что с вечностью дерзко веду разговор,
Но на коленях я ныне стою — пред тобой!

Я сокрушен и унижен, и горек позор.
Только тебе благодарность, о Клори, одной —
Молишься ты за меня. И печален твой взор.

Йован ПАЧИЧ
1771—1849

Сновидения

О сон, нисходящий с небес в непроглядную ночь,
Ты силы даешь всем, кто болен, устал и страдает,
И сладость твоя утешает их и исцеляет.
Но сможешь ли мне, горемыке, ты тоже помочь?

Во сне нет ни горечи, ни сожалений.
И сердцу спокойно, и вольно, и мирно в груди:
но только попробуй его невзначай разбуди,
так сразу сожмет его ярость и скорби сомнений.

Слети, тихий сон! И раскинь свои темные крылья!
Видение милой моей принеси, подари!
Могущество сна я сравню с волшебством Провиденья.

Пусть с милой лишь в грезах счастливым и был я,
но там не встречал я преграды до самой зари —
прошу, повтори чудеса, помоги, сновиденье!

Кавалерийская атака

Радость в час жестокой битвы —
засверкали сабель бритвы,
глас трубы зовет.
Ветер знамя раздувает,
барабанщик дробь играет —
к подвигу ведет.

Ветераны нам примером,
как гордиться бранным делом.
Вид красив и строг.
Грохот пушек, залпы ружей,
наступаем споро, дружно —
то врагу урок.

Слышит враг, как лес и горы,
будто в грозовую пору —
от громов дрожат.
Видит враг, что нет пощады.
В этой битве небывалой
мы сильней стократ!

Восхитимся мы победой,
славой, что знавали деды.
А высокий слог
нам для песни хором, братья,
после дружеских объятий:
ныне с нами Бог!

Йован СУБОТИЧ
1817—1886

Облака

Знаешь ли, куда хотел бы
я сегодня устремиться?
К облакам легчайшим в небе
полететь хочу, как птица.

Там, где ветер нежно вьется,
там, где день лазурный длится —
кто-то пляшет и смеется,
кто-то весело кружится.

Всем скажу, что там — напевы
милых девушек смешливых,
что им нравится на небе
в хоровод вставать незримый.

Так прекрасны, что у сердца
стук негромкий замирает.
Так чудесны, что дыханье
мое вовсе прерывает.

Гибких крыльев не дано мне,
хоть душа моя легка.
Если б были — то взлетел бы
прямо в небо, в облака!

Милорад ПОПОВИЧ-ШАПЧАНИН
1842—1895

Бочка светлого вина

Белый круг сияет Солнца —
бочка светлого вина.
У нее не видно донца:
до краев вином полна.

Пусть мое предположенье
вам покажется смешным,
я сужу: вина броженье
есть и в небе, и под ним.

Брызги звезд — из золотого
и хмельного Солнца круга,
ну а рядом молодого
Месяца дуга из дуба.

В дивной бочке деревянной
винной влаги очень много —
так сужу, веселый, пьяный
и к себе не очень строгий.

Под хмельным простором неба
сделал вывод я несложный:
что вина там много, други!
Всё испить его не сможем!

Нестор ЖУЧНИ
1886—1915

В простом постоянстве не вижу отрады

Жить где-то в неведомом темном углу,
где вещи и люди так прочно вошли
в свой круг и в домашнюю пыльную мглу,
и там свое мнимое счастье нашли.

Быть дома в спокойном и тихом мирке,
о корке сухой вдохновенно мечтая,
под крышей убогого тесного рая
цыпленком заснуть у себя в скорлупе.

В простом постоянстве не вижу отрады,
не смог бы я жить неподвижно, беззвучно,
в бескрылом спокойствии сна.

Страданья и муки для сердца созвучны:
хочу наивысшей и ценной награды —
в борьбе беспредельной она.

Бронислав НУШИЧ
1864—1938

Тем, кто лишается сил

Видишь, как облако по небу мчится,
Глянь, как волна на протоке струится, —
так же и юность летит.
Только мгновенье — и молодость гаснет,
жизнь исчезает, но слезы напрасны,
старость о прошлом молчит.

Если надежды, желания, счастье —
все истончилось, как радость в ненастье,
если и друг подзабыл —
что ж, уходи, не ищи состраданья!
В мире цветущем не будет признанья
тем, кто лишается сил.

Жизни стремительной ярко волненье!
Только вначале бесценно кипенье —
радуйся, пой и ликуй!
Ну а потом не ропщи и безмолвствуй…
Книги-судьбы своей высохший остов
детям в забаву даруй.

Ристо ОДАЛОВИЧ
1868—1914

Напрасно!

Напрасно я к светлой иконе взываю,
Напрасен упрек и укор;
Ничто не достигнет желанного края —
Напрасен с ним мой разговор.

Там пусто и хмуро! Лишь Молох смеется,
А мир ему вторит в ответ,
И блеском ему пустота отзовется —
Но света в том мире все нет.

Напрасно вью песни я с лиры печальной,
Напрасно о счастье пою;
Нет отзвука в душах, все спит в моем дальнем,
Забытом, прекрасном краю…

Петар КОЧИЧ
1877—1916

Весенняя песня

С влажных полян усталой земли
вот уже сдвинулся снежный покров —
так начинается время весны,
лик ее весел, и ярок, и нов.

Синее небо вмещает так много:
солнечный свет, нашей песни звучанье.
Шире становится в поле дорога —
неотвратимо весны ожиданье.

Звонкий ручей, как мальчишка задорный,
весело пляшет, дурачась, играя —
там, где в траве, среди ровного луга,
утром фиалка раскрылась лесная.

Все, что под небом сейчас расцветает,
нянчит природа, баюкает нежно —
по-матерински обняв, вспоминает,
как было страшно под рубищем снежным.

Друг мой, и ты мне недавно сказал:
так же и мы возрождаемся снова.

Ты меня в храм тот пречистый позвал,
где зацветает венок наш терновый.

Будет свободой увенчан народ.
Мрак ненавистен, и свет долгожданен.
Пусть он воспрянет и вновь запоет —
только тогда мое сердце оттает.

Но не сейчас.
Видно, рано, мой друг!..
Нет утешения нам без свободы.
Даже весны очарованной сила
не разорвет у народа оковы…

* * *

Мне голову склонив на грудь,
ты плакала, как плачут дети, —
волос твоих душистых сети
упали на лицо. Забудь,
что я не плакал. Навсегда
отдал любовь — она вернулась.
Теперь кольцо любви замкнулось.
Молчала ты.
Я ж слышал: «Да».

Ручей

Ручей утих, заснул,
и мельница заснула,
когда метель зимой
им в души заглянула,

для них настала ночь
без звука, ледяная,
и камешки толочь
ручью нельзя до мая,

бежать и петь, смеясь,
ручью не хватит силы,
пока в лесах зима
постоя попросила,

он снова зашумит,
и ветер ароматный
сквозь стужу пролетит,
вернет весну обратно,

пусть лед ручей сковал,
и серебра живого
не видим сквозь хрусталь
печального убора,

жива его душа,
и живы мы надеждой,
что справимся с зимой
и станем крепче прежних,

и я в улыбках майских дней
забуду мрак ненастья!
придет дочь мельника к ручью —
моя любовь и счастье…

Бранко РАДИЧЕВИЧ
1824—1853

Жалоба

Днем назову ли я сумерек пору?
Солнца не вижу. Мне верить ли взору?
Если и выглянет — хмуро глядит,
Сердце жестоко мое леденит.
Время ль неспешной холодной змеей
Движется медленней — вместе со мной?
В кольца свернулось, не хочет огня,
Остановило в дороге меня?
Полем иду, но земля подо мной
Глухо гудит в пустоте гробовой.
Слышал сейчас, будто кто-то позвал…
Да, я иду!.. но зачем же я встал?..

Перевод с сербского Татьяны ПИСКАРЕВОЙ.

Иван ЧАРОТА

Колыбель сербской духовности...

Размышления над книгой профессора доктора Митры Релич «Сербский язык в Косово и Метохии сегодня: социолингвистический и лингвокультурологический аспекты» (Митра Рељић. Српски језик на Косову и Метохији данас: социолингвистички и лингвокултуролошки аспект. Филозофски факултет Универзитета у Приштини. — Београд-Косовска Митровица, 2013)

Интерес к исследованиям Митры Релич у автора этих заметок (уже сорок шесть лет занимающегося культурой Сербии, многократно посещавшего Косовско-Метохийский край, в том числе и после самопровозглашения там отделенной от Сербии республики) вовсе не случаен и не одноразов. Доводилось не раз слушать доклады этой коллеги, читать ее всегда содержательные статьи, да еще и оказаться, по воле случая, в числе участников презентации книги «Сербский язык в Косово и Метохии сегодня» на Белградской международной книжной ярмарке. Нужно отметить, что упоминаемое мероприятие проходило в переполненном большом зале и что собравшиеся там не обменивались дежурно-этикетными любезностями, как это бывает обычно в подобных случаях, а с неподдельной заинтересованностью обсуждали проблему, которая поистине является жизненно важной для всего сербского народа. Так разве мог кто-то из присутствовавших остаться равнодушным к ней при обсуждении? Да и после презентации у каждого имелась, как говорится, обильная пища для раздумий. Потому и нижеподписавшийся решил поделиться некоторыми собственными мыслями, возникшими в той ситуации, а также позднее, при непосредственном знакомстве с содержанием книги.

Прежде всего хочется упомянуть о том, что для большинства читателей, наверно, покажется малозначительным и даже вроде бы не имеющим очевидной связи с книгой, но меня тогда, честно говоря, глубоко тронуло. Дело вот в чем: как эксперту ВАК родной своей Беларуси мне постоянно приходилось осуществлять соответствующий анализ квалификационных филологических исследований — диссертаций; и должен признаться, всегда самым трудным, воистину преткновенным, являлся вопрос, как же эти работы соотносятся с направлениями, приоритетными для отечественной науки. Увы, чаще всего приходилось констатировать, что такого рода критерий к нашим диссертационным исследованиям, особенно по лингвистике, крайне редко применим; причем большинство соискателей ученых степеней исходно считало, что он вообще не должен применяться. А вот эта сербская книга, в основу которой положена диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, вызывала отношение совершенно противоположное: автор ее безо всяких предписаний-понуждений, без формальных установок на что-то «требуемое» показывала и во всех планах убедительнейше доказывала,

что приоритетнее осуществленного ею исследования фактически нет ничего и быть не может. К тому же явно несуразным был бы использованный по отношению к нему привычный у нас штамп «научное сочинение». Дело не только в чрезвычайной насыщенности опубликованного труда фактами суровой реальной действительности. Всем своим содержанием книга, можно сказать, передает глас вопиющего: «По отношению к сербскому языку в крае Косово и Метохия осуществляется то, чего ни в коем случае нельзя допускать! Это ведь лингвоцид, этноцид — катастрофа!..» И это при том, что автор книги, профессор-лингвист М. Релич, занимается не текущей политикой, не актуальной публицистикой, а подлинной наукой. И данную ее публикацию, соответственно, отличает строгая научность, объективность, методологическая основательность. В ней нет ничего произвольного и ничего просто формального, основанного на принципе «так принято», что активно, хотя и контрпродуктивно, используется в диссертациях на постсоветском пространстве. А то, что у нас обычно именуется нейтрально-бесстрастным словосочетанием «предмет исследования», здесь является животрепещущим, в прямом смысле — трепещет в муках, ужасе и отчаянии сербский народ Косова и Метохии, а все это нашло отражение в его языке.

Но чтобы войти как следует в тему, для наших читателей, по-видимому, нелишней будет так называемая фоновая информация. В частности, следующее: ареал сербского языка, основу которого составляет «штокавский» диалект (в то время как основой хорватского должны быть диалекты «кайкавский» и/или «чакавский»), исконно охватывает земли нынешних Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины; в середине XIX века представителями хорватской и сербской интеллигенции было подписано т. н. Венское литературное соглашение (1850) о создании единого литературного языка, каковым стал именно сербский с упомянутой «штокавской» основой, хотя в соответствии с данным соглашением называть его можно было также сербско-хорватским и хорватско-сербским, а также хорватским и сербским; во время существования Королевства Сербов Хорватов и Словенцев (с 1929 года — Королевства Югославии) этот язык являлся государственным, а после образования ФНРЮ/СФРЮ упомянутое Венское соглашение подкреплено еще Новосадским договором 1954 года, так что названный язык стал официальным для более чем 20 миллионов граждан федеративного государства, декларировавшего братство и единство; однако после распада югославской федерации шести республик и двух автономных краев по воле политиков произошло непостижимое с точки зрения лингвистики — из языка, полтора века существовавшего как общий и единый, к тому же весьма прочно кодифицированный, вдруг как-то оформилось четыре отдельных: наряду с сербским также хорватский, боснийский и черногорский.

Говорить о катастрофе вынуждает уже такая «филиация» сама по себе — по причине своей внезапности, а также из-за того, что новоявленные языки в качестве якобы самостоятельных и самодостаточных стали утверждаться без надлежащей кодификации, произвольно, не в силу объективного действия собственно языковых законов, а вследствие внеязыковых, злободневно-политических причин. Но более и очевиднее всего катастрофична реальность итогов глобальной «перестройки» с последовавшей вскоре войной НАТО против Югославии, а конкретно — то, что отторгнутым от Сербии оказался автономный край Косово и Метохия, колыбель сербской духовности и культуры. Разумеется, языка тоже...

Когда ведется речь о жестоких, беспощадных социально-политических условиях с соответствующими нравами в настоящее время, то наши

журналисты чаще всего используют шаблонные эпитеты: «мрачное средневековье», «страшные средние века». Если не задумываться, нынешнюю ситуацию в Косово и Метохии уместно было бы тоже охарактеризовать с помощью таких маркеров. Но в данном случае они желаемого эффекта не дают, даже исходно присваиваемый смысл теряют, поскольку в эпоху средневековья Косовско-Метохийский край представлял собой полиэтническое пространство, где наряду с сербами, коренными обитателями этих земель, проживали как албанцы, так и греки, итальянцы, саксы, дубровчане...

А вот каково положение в этом крае после провозглашения албанской «Республики Косово» и ее признания Соединенными Штатами Америки вкупе с большинством стран Европейского Союза сейчас — во времена новейшие и самые что ни есть прогрессивные, как их любят определять увлеченные глобалистскими лжегуманистическими и псевдоевропейскими идеями представители СМИ, — предлагаем, чтобы наши читатели оценили сами по «наброскам с натуры», которые осенью 2014 года делал ваш покорный слуга.

Приштинский университет в изгнании, сербская часть которого вынуждена была покинуть Приштину и временно разместиться в Косовской Митровице, проводил тогда научную конференцию. Участники этого форума, несмотря на то, что любые перемещения по краю сопряжены были с серьезными опасностями, решили все-таки посетить Призрен, один из центров средневекового сербского государства эпохи Неманичей — столицу царей Душана и Уроша, до сих пор остающуюся в исторической памяти сербов «царским градом». И хотя все собравшиеся ехать были в большей или меньшей степени осведомлены о ситуации, сложившейся в крае за последние годы, для зарубежных «экскурсантов» шокирующим стало предупреждение организаторов о том, чтобы на улицах Призрена по-сербски не разговаривали, ибо это опасно. Между тем, в правомерности такого предостережения мы убеждались буквально на каждом шагу, сразу же после выезда за пределы сербской части Косовской Митровицы. Впрочем, и этот город не был исключением из общих правил, регламентирующих условия жизни в нынешней Республике Косово. Но мы, что называется, обвыклись в нем как в городе сербском, хотя таковым является всего лишь часть его, специфический сербский «анклав». Косовская Митровица, которая в свое время носила название Титова Митровица, ныне разделена естественной границей, рекой Ибар, на две части — сербскую (северную) и албанскую (южную). Само собой подразумевается, что социально-языковые условия в этих частях-анклавах разные. Причем они отличаются не только по использованию албанского либо сербского языка в качестве преимущественного средства общения. Ситуация почти не изменилась с того времени, когда мост через реку стал демаркационной линией в том смысле, что спонтанный переход на другой берег сопрягался со смертельной опасностью. И сейчас сербская часть находится фактически в осадном положении, что заметно каждому посетившему город. Если же перечислять все различия, открывающиеся любому невооруженному глазу, то первым из них следует упомянуть общий вид городской застройки: в северной части Митровицы почти сплошь остались скромные блочные здания, возведенные по преимуществу в 1960—1980-х годах, тогда как в части южной — примерно такой же общий фон уже изменен модерными небоскребами и коттеджами, которые построены за последнее время. Собственно, существенную разницу приходилось наблюдать всюду и во всем, что практически невозможно перечислить. Особые чувства у нас, глядевших все-таки «со стороны», вызвало состояние христианских кладбищ. А по нему, как известно, всегда можно судить о многом, во всяком случае — об условиях жизни любого

края, о реальных правах и закрепившихся нравах местного населения. Так вот, когда мы увидели большой погост на выезде из города, не было нужды спрашивать, чей он и почему в таком виде: разбиты либо повалены кресты, разрушены надгробные памятники, повреждены примогильные оградки… К тому же без объяснений становилось понятным, что причина отнюдь не в ветхости названных материальных объектов или в отсутствии ухода за ними, недостатке внимания к местам захоронения, к отеческим гробам. Скорее наоборот: налицо было безумно проявляющееся внимание с враждебной стороны — вандализм. Хотя албанско-мусульманские кладбища, которых вдоль шоссейной дороги встречалось довольно много, находились в относительном порядке. Кроме этого, по пути нам доводилось видеть немало домов, зияющих черными дырами от окон и дверей, изрешеченных пулями, а также разрушенных до основания. Опять же ясно было, что они сербские. Определить это нетрудно, поскольку буквально рядом стояли только что построенные дома, в два и три этажа, с претензией на респектабельность — новое жилье албанцев, для которых настало время специфического строительного бума. Кстати, когда наш автобус проезжал мимо Косова поля, мы не могли не обратить внимание на развернувшееся там строительство, ибо уже почти достроенное огромное здание закрывало вид на Газиместан, самое непосредственное место знаменитой Косовской битвы, и на возведенный там в свое время сербский памятник, который прежде был открыт взгляду проходящих и проезжающих по дороге. А сейчас он перестал быть видимым. Как, впрочем, и многое другое, что связано с сербской историей и что со всей очевидностью напоминало о ней. Зато чуть ли не на каждом шагу бросались в глаза новые минареты и мечети. Оказывается, при финансовой помощи стран Персидского Залива и Саудовской Аравии в частности, за последние годы на территории Косова и Метохии построено их более четырехсот. Выходит, они призваны заменить полторы сотни разрушенных в последнее время православных монастырей и храмов, а с ними заодно также более двухсот уничтоженных кладбищ, тысячи христианских надгробий и крестов — чтобы вообще затереть следы пребывания сербов на этой земле? Что же касается сербского языка, то, как могли мы заметить, диапазон его реального функционирования в самопровозглашенной республике сводится разве что к упоминаниям в декларациях, которые адресованы соответствующим кураторско-попечительским структурам, прежде всего ООН и ЕС. Неслучайно в крае повсюду развеваются флаги как самопровозглашенной Республики Косово, так и Албании, а также ЕС, НАТО и США, но нигде, кроме северной части Косовской Митровицы, не видно флагов Республики Сербии.

Соответственно, албанские косовские власти со своими покровителями не намерены оставлять полноценных функций и языку сербскому. Как раз об этом однозначно свидетельствует его исключение практически из всех сфер публичного употребления, начиная с дорожных указателей, которые написаны не традиционной для сербов кириллицей, а латиницей, и на которых исконно сербские названия населенных пунктов заменены албанскими. В связи с этим сам по себе напрашивался не совсем дипломатичный вопрос: какой же была бы реакция, например, немца, француза, чеха или болгарина, если бы на дорогах их стран по воле победителей-переустроителей в начале XXI века появились чужой графикой зафиксированные и радикально переименованные города? Скажем, Жуковград вместо Дрездена (или Горбибург вместо Берлина), Новокутузовск вместо Парижа, Краснооктябрьск вместо Праги, Скобелево либо Османбулово вместо Тырнова… А ведь такой или подобный недипломатичный вопрос мотивируется, помимо всего, и состоянием нынешней дипломатии. В част-

ности, тем, что власти и международные представительства названных выше народов, которые стали обитателями «благоденствующего» общеевропейского дома, со всей присущей этому дому гуманностью озаботились проблемами дальних беженцев из Африки да (не)Близкого Востока и, подчиняясь установкам расширяющегося Европейского Союза, признали не только Республику Косово, но и все осуществляемые в ней переустроения, в итоге которых беженцами становятся европейцы-сербы. Причем они все это считают нормальным, безусловно отвечающим «европейским стандартам», «современной демократии», пресловутым «правам человека». Что ж, о непосредственной связи происходящего в Косово и Метохии с интересами «единой Европы» вполне красноречиво и многозначительно (не только в языковом плане) свидетельствуют дорожные указатели типа « PRISTINE — SKOPJE — TIRANA» , равно как и повсеместно пестрящие вывески: «OIL KOSOVA, KOSOVA PETROL, GRANIT KOSOVA, AGRIKO KOSOVA, KASTRATI, EURO COM, UNIKONZUM PETROL, SKODA UNICREDIT BANK, AUDI, BOSCH, GORENJE, HANSA, MERSEDEZ, NISSAN, PEUGEOT, SAMSUNG…» А тем из нас, тогда путешествовавших, кто при всем уважении к интеграционно-европейским и албанским интересам не забывал о судьбе косовских сербов, многое говорили также исключительно албанские имена кандидатов в депутаты на предстоящих выборах: Agim Batri, Aslan Shala, Ramadan Muja, Naser Breso, Korab Sajfu, Naser Gnajcevci…

Да все-таки не указатели, плакаты и баннеры составляли главное из того, что интересовало нас, хотя непосредственно в пути мы не имели возможности общаться с местными сербами. Призрен же каждому из нас представлялся в соответствии с его объективной информированностью относительно произошедшего там за последнее время. Но увиденное и услышанное в этом городе буквально всех повергло в смятение. Вот несколько штрихов, касающихся того, что предопределяло восприятие реальности тогда и что не забывается до сих пор.

Из автобуса мы вышли под оглушительный крик муэдзина. И крик этот, усиливаемый мощными динамиками и словно бы намеренно обращаемый к нам, приехавшим, как будто сопровождал нас все время пребывания там. Можно сказать, что это был звуковой символ, обобщенно знаменующий тот статус города, который закрепился в результате погромов 17—18 марта 2004 года. А за скорбнопамятные два дня албанские террористы по отношению к сербам (в их «царском городе»!) последовательно и беспощадно осуществляли геноцид: произвели свыше 400 нападений и 12 обстрелов из гранатометов, совершили 629 поджогов; в итоге 19 человек погибло, около 900 было ранено (среди них 63 бойца международного воинского контингента и 123 служащих международной и косовской полиции) и не менее 4000 сербов изгнано из края; разрушенными оказались 900 домов, а также 35 церквей и монастырей, в числе которых памятники культуры XIV—XVI веков… Многие последствия этого массового террора мы могли видеть своими глазами и чувствовать на себе — хотя, конечно, далеко не в полную меру — своеобразие «порядка», за который албанские погромщики сражались и который с помощью своих зарубежных покровителей на протяжении последующих десяти лет устанавливали.

Думается, нет нужды объяснять, что для нас важнее всего было хоть как-то приблизиться к адекватному пониманию пережитого жертвами, т. е. тамошними сербами. Соответственно, мнения о произошедших и происходящих беззакониях хотелось услышать от них самих, из первых уст. Но, увы, во всем городе с более чем 150 тысячами населения сербов к осени 2014 года осталось лишь несколько семей. Поэтому, учитывая, что право-

славный народ в случае опасности всегда ищет убежища в церквях и что для него церкви неизменно являются центрами притяжения, мы первым делом отправились в соборный храм Призрена, который при упомянутых событиях 2004 года был сожжен, но уже восстановлен. Там, как и предполагалось, мы застали священника и полдюжины прихожан, в числе которых двое детей дошкольного или младшего школьного возраста. Конечно, вспомнились слова Священного Писания о малом стаде, хотя постичь истинный смысл их мешало нам наше, а не реального стада, маловерие... Отметить, что общаться с такой вот приходской общиной, особенно с детьми, пережившими несравнимо больше нас, взрослых, невероятно тяжело — в общем-то, ничего не сказать. При нашем общении проявлялся, можно сказать, целый комплекс психологических и нравственных коллизий. Обе вступавшие в контакт стороны не только умом понимали, но и сердцами чувствовали, что жестокая реальность провела между ними разделительную линию, и теперь они, как бы ни было, по разные стороны. На одной — местные сербы, после всех изведанных ранее ужасов (вместе с малыми детьми!) остающиеся в крайне опасном и бедственном положении; а по другую — люди заезжие и, что ни говори, просто любопытствующие. Для первых не столь важно, каковы мотивы приезда и любопытства других. Так что наше душевное расположение для них объективно вряд ли что-нибудь значило. Поэтому, выразив, насколько это получилось, сочувствие, мы пошли по городу, чтобы посмотреть на то, как изменился город в остальном.

Ужасающее впечатление произвела выжженная изнутри церковь Богородицы Левишкой, которая на основании храма X века строилась в начале XIV века, во времена короля Милутина. В ней до недавнего времени сохранялись два слоя уникальных фресок (XIII и XIV вв.) со сценами Страданий Христа, композициями Великих праздников и чудес святых угодников, иконографическими изображениями сербских первосвятителей и представителей рода Неманичей, ликами местных епископов. В XVIII веке, когда этот православный храм был превращен в мечеть, средневековые фрески замазали толстым слоем штукатурки. Позднее фресковую роспись отрыли и восстановили. Но сейчас на ней копоть и гарь в форме черных кругов — следы автомобильных покрышек, которые вандалы сжигали здесь и злонамеренно-специально прикладывали к фрескам... Если же продолжить сравнения, то нелишне еще отметить, что в отличном состоянии находится так называемая Синан-пашина мечеть, которую местные мусульмане построили в начале XVII века из материала, взятого из разрушенного монастыря св. Архангелов, «задушбины» царя Душана….

Конечно, не все одинаково выразительно запечатлелось в памяти. Однако из наиболее впечатлившего долго будет помниться посещение восстающей из пепла Призренской духовной семинарии.

Примечательна история этого православного учебного заведения, носящего имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, а основанного благодаря поддержке русского консула И. С. Ястребова в 1871 году, тоже в очень трудное для православных сербов время. Изначально это была единственная в крае средняя сербская школа, которая обеспечивала подготовку священников и учителей, способных поддерживать православную культуру в период уже пятого столетия османского ига. По-видимому, именно такая высокая миссия предопределила статус Призренской семинарии на многие последующие десятилетия. Вряд ли случайно то, что ее воспитанниками являются три Патриарха Сербской Православной Церкви — Варнава (Росич), Гавриил (Дожич) и Павел (Стойчевич). Так или иначе, у этой семинарии в истории СПЦ XIX—XX веков особая

роль. И духовно-просветительская деятельность ее прерывалась разве что Мировыми войнами — в 1914—1919 и 1941—1945 годах. Но еще на более продолжительный период, с 1999 по 2011 год, семинарии пришлось покинуть Призрен и эвакуироваться в Ниш на исходе XX века. Тем временем, в упомянутом уже 2004 году здание семинарии, построенное на средства известного благотворителя-серба Симеона Андреевича-Игуманова, албанские террористы сожгли. И вот, после двенадцатилетнего вынужденного перерыва работа семинарии возобновлялась на старом месте, свидетелями чего, оказавшись там как раз в начале учебного года, стали мы. Было очевидно, что возрождение этой православной сербской школы происходит отнюдь не из-за условий, ставших вдруг благоприятными. Наоборот, вопреки всем обстоятельствам, которые остались по-прежнему препятствующими нормальной деятельности такого учреждения. Потому, что неизменной оставалась великая цель — свидетельствовать о нерушимости Православия в крае, где оно для сербского народа являлось единственной опорой на протяжении веков и таковым остается в настоящее время. Стояние в вере на косовско-метохийской земле требовало, как нигде, изначально жертвенности, подвига исповедничества, от людей разных сословий, званий и всех возрастов. Сейчас тоже. Как оказалось, именно такой подвиг совершают поступившие учиться в буквально поднимаемую из пепла Призренскую семинарию. Чтобы по-настоящему оценить их выбор, следует учитывать, что это среднее учебное заведение, которое принимает юношей сразу после основной школы, т. е. в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет (!). Глядя на них, совсем еще детей, прежде всего отмечаешь про себя, что они добровольно решили служить Богу и своему народу, ради чего готовы провести пять лет в таких условиях, которые не под силу многим взрослым. Слезы сами наворачиваются, но спохватываешься: жалеть-то надо не этих отроков, в детские годы достигших духовной зрелости, а их сверстников из тех стран, где поразительно распространился культ материальных благ, где комфорт ставится превыше всего, где из-за пресыщенности уже отвергнуты все духовные ценности, где беззаботность как цель оборачивается бессмысленностью жизни… При всем этом лукавые «учителя жизни» оправдывают отсутствие у подростков здоровых интересов исключительной сложностью «пубертата», «переходного возраста» и т. п., как будто в период создания семьи или при наступлении старческой дряхлости переходность менее значима… Короче говоря, для всех, кто небезразличен к выбору детей и внуков относительно того, кому поклоняться — Богу или мамоне, при встрече с призренскими мальчишками-семинаристами было о чем задуматься. Особенно в те моменты, когда обнаруживалось, что у них нет страха, вполне объяснимого и оправданного, а в то же время нет и воинственности, вроде бы и предполагающейся при таких обстоятельствах только начинающейся жизни… То, что для «внешних» странно, для них оказалось естественным, поскольку они сделали выбор, считая своим призванием быть воинами Христовыми. Так понимают они свою задачу в этой жизни. Причем без аффектации, без пафоса, без действий напоказ. Нам все это нелегко было осмыслить, но когда пробовали, то приближались к постижению глубины смысла слов одного из преподавателей семинарии: «Мы выстоим. Потому что у нас нет ненависти к другим». В это, судя по всему, верят как наставники, так и воспитанники Призренской семинарии. Да будет им по вере их! Пусть они выстоят. А мы попытаемся хотя бы представить, как нелегко провести пять лет не просто в добровольном затворничестве, а в изоляции, обусловленной социально-политическими обстоятельствами — не имея возможности свободно, без угрозы для жизни выйти даже на улицу, за семинарскую ограду. В конце концов, тогда нам

станет понятно, что если все же возникает такая необходимость, то, во избежание опасности, им придется скрывать свой социальный статус, свою национальность и публично не пользоваться своим родным языком...

Таковы условия в этом многострадальном крае, где сербы на исконно им принадлежащей земле не имеют даже законодательно гарантированного права на жизнь, не говоря уже обо всех остальных правах человека, которые декларируются Западом. Положение их, увы, обусловлено порядками, навязанными грубой военной силой под прикрытием благодеяний «свободного мира», прежде всего — юридическими противоречиями, которые вытекают из неопределенности статуса края: согласно всем нормам международного права, автономный край Косово и Метохия остается частью Республики Сербии; соответственно, местные сербы, особенно проживающие в северных анклавах, по-прежнему основным законом считают сербскую Конституцию, совершенно обоснованно ссылаясь на Резолюцию Совета Безопасности ООН под номером 1244; вместе с тем албанцы, ставшие здесь большинством, законодательство Сербии уже три десятилетия соблюдать не желают, а почти десять лет тому назад объявили о существовании самостоятельной Республики Косово, и это самопровозглашенное государство признали уже более шестидесяти стран... Фактически это означает, что в состав Сербии край входить перестал, что там установлен оккупационный натовско-албанский режим с недопустимым для цивилизованного, просвещенно-гуманного мира физическим и психическим террором по отношению к оставшимся сербам, горанцам, ромам — всему неалбанскому населению. Если же говорить о языковой политике, то показательно, что после оккупации Косова и Метохии международными силами в качестве наиболее значимого варианта официального языка принят английский...

Но вернемся к обусловившей тему нашего разговора книге, которая содержит огромное множество обобщенных и убедительно проанализированных фактов, показывающих «лицо, изнанку и двуличие реальности Космета». Изложенные нами выше личные впечатления — не более чем дополнительное подтверждение истинности того, что основательнейшим образом исследовано Митрой Релич, профессором упомянутого Приштинского университета в изгнании. И здесь уместно еще раз уточнить: ее книга отражает не взгляд постороннего, который хотя и видел кое-что своими глазами, но так и остается смотрящим «со стороны», а не «изнутри». Это ни в коем случае не укор сочувствующим «заезжим наблюдателям», поскольку автор публикующихся заметок и себя самого к этой категории относит. Но все-таки нам, сторонним, не дано даже увидеть все в реальной системе, которая действует как поистине адский механизм, а тем более в полной мере понять состояние пребывающих под действием его. Нам вряд ли возможно даже приблизиться к адекватным оценкам представлениям, которые косовскими сербами выстраданы, — о свободе и устремленности к ней, о надежде на восстановление своего государства, независимо от того, как они относились к государственной политике Югославии прежде и как теперь относятся к курсу, взятому Сербией. Похоже, только вера и надежда позволяют немногочисленным косовским сербам, оставшимся у своих еле теплящихся очагов, выдержать такие испытания. Однако и надежда угасает, поскольку нынешние власти Сербии, вынужденные мириться со сложившимся геополитическим положением и установленными здесь чужими порядками, не оказывают должной поддержки соплеменникам, которые очутились под натовской оккупацией с албанским антуражем.

Коллега Релич, со ссылкой на официальную статистику сербского Министерства по вопросам Косова, приводит следующие данные: в Косово и Метохии на конец 2008 года «осталось жить 146 297 сербов и неалбан-

цев» (от себя можем добавить, что к 2014 году названная численность еще сократилась). А из приводимых в книге сведений нельзя не обратить внимание на то, что число населенных пунктов, где проживают сербы, даже по сравнению со страшным 1999 годом уменьшилось катастрофически — с 223 до 46. Вот как выглядит эта разница по конкретным административно-территориальным единицам: в общине Призрена — с 31 до 8, в общине Печ — с 51 до 6, в общине Джаковица — с 23 до 1, в общинах Сува Река и Дечаны соответственно — с 10 и 19 до нуля и т. д.

Чтобы составить общее представление о нынешней языковой политике в Косово и Метохии, есть смысл изначально опереться на один из тестов профессора Митры Релич, проводившийся в 2004 году с целью выявить ассоциативные реакции у местных сербов на само выражение «сербский язык». Зафиксированные результаты его весьма показательны: «*страдание; под угрозой; запрет; живу без личной безопасности; черное; черная страна; меньшинство, которое говорит на нем, — преследуется, молчание; боль…*»

Короче говоря, отнюдь не случайно и не по прихоти, а из-за опасности для жизни, сербы Косова и Метохии прибегают к использованию языка чужого. В противном случае можно стать жертвами антисербской агрессии, которая здесь, можно сказать, запрограммирована, особенно в городской среде. Такое явление, обусловленное необходимостью скрывать родной язык, замаскировав его иным, профессор М. Релич называет «криптоглоссией» и отмечает, что в качестве маскировочного чаще всего используется язык английский.

Симптоматично, что и в целом, несмотря на военную агрессию стран НАТО во главе с США и последовавшую затем оккупацию, из иностранных языков первое место по распространенности занимает все равно английский, а русский — только второе, причем с большим отрывом (соответственно, при анкетировании на предмет позитивного отношения к другим языкам из 500 опрошенных 233 отдали предпочтение английскому и 141 русскому; правда, высказавших негативное отношение к русскому нет, а к английскому — 19). Таковы парадоксальные результаты мировой политики. Между тем, профессор Митра Релич значение функциональности разных языков в нынешних условиях Косова и Метохии оценивает трезво, учитывая следующее: английский язык ведь по-прежнему присутствует как учебный предмет в школах разных уровней, он же фактически вне конкуренции в интернет-пространстве, доминирует в импортной (а другой просто нет) кино- и видеопродукции, в рекламе и т. д. — короче говоря, считается уже незаменимым в образовательной, информационной и культурной сферах.

При всем этом языковое сознание сербского народа Косова и Метохии все же не разрушено еще до конца. Прежде всего благодаря таким филологам-подвижникам, как профессор Митра Релич, для которых родной язык является не только средством общения, но и хранилищем исконной сущности, передатчиком сложившегося за тысячелетия духовно-генетического кода. Словесное творчество косовских сербов составляет поистине уникальный фонд незабываемых и незаменимых эпических песен, преданий, сказок, пословиц. В них хранится и через них из поколения в поколение передается многовековой коллективный опыт народа, со всем спектром пережитого — трагизмом Косовского эпоса, памятью о множестве жертв и пятивековых страданий под ярмом завоевателя. Чтó конкретно из этого наследия актуализируется нынешними условиями, показывают недавно сделанные автором рассматриваемой книги записи народного мудрословия, имеющие значение «лингвокультурем», т. е выражений, в которых

многопланово осмыслены важнейшие особенности бытия. Вовсе неудивительно, что тематически они прежде всего касаются взаимоотношений с поработителями-турками и потурченцами. Вот некоторые из них в нашем переводе: *«Из рабства хоть когда-нибудь, а из могилы никогда. Время, когда живые завидовали мертвым. Ту руку, что не можешь отрубить, приходится целовать. Кто сильнее, тот и грабит. У кого власть, у того и доблесть. Султан простынет, а райя чихает. Кадия тебя обвиняет, кадия и суд вершит. Скор турок на зло. Выбей турку глаз, но приложи дукат — и не бойся. Кто на османа надеется, тот посохом на воду опирается…»*

Вместе с тем, «лингвокультуремы» сжато и образно передают представления народа о нравственных основах мироустроения. И вполне естественно, что важное место среди них занимают суждения религиозного содержания: «*Сильный Богу не хочет молиться. Бог дает, чтобы грешник каялся. Без лишений нет молений*». Те же функции выполняют распространенные среди народа ставшие идиоматическими выражения из Священного Писания, из житий особо почитаемых святых, в том числе и сербских.

Нынешняя реальность Косова и Метохии, разумеется, предопределялась конкретными событиями прошлого. В частности, историю «рассербливания» края невозможно понять без учета итогов как Косовской битвы с последующим пятисотлетним османским игом, так и политики Иосипа Броза Тито, суть которой заключалась в запрете сербам возвращаться к своим очагам, на свои исконные земли, откуда они были изгнаны фашистскими оккупантами и коллаборационистами. Поэтому совершенно закономерной является категорически отрицательная оценка таких действий и результатов их: «После Второй мировой войны, особенно с шестидесятых годов прошлого века, положение в Косово и Метохии все больше напоминало то, которое существовало в самые черные времена османского владычества». И убедительны подтверждения этого, среди которых неоднократные обращения к властям с жалобами на террор — от епископа Рашско-Призренского Павла, от Макария, игумена монастыря Дечаны, от Параскевы, игуменьи монастыря Девич...

Помимо аспекта исторического, в книге основательно разработаны также этнологический, культурологический, социологический. Но более всего, естественно, лингвистический — главный для автора в связи с научной специальностью и, соответственно, заглавный в рассматриваемой публикации. Именно как специалист высшей категории М. Релич освещает комплекс вопросов, касающихся языковой ситуации в Косово и Метохии. Мы, конечно же, не в состоянии рассмотреть их все. Но в некоторых, с помощью такого высококвалифицированного языковеда, попробуем разобраться и прежде всего обратим внимание на те из них, которые представляют особый интерес для нас опять же как представителей «внешнего мира».

А это, в частности, разные именования наций и народностей, которые составляют население Косова и Метохии. Дело в том, что зачастую мы просто не понимаем даже настоящего значения слов, оказывающихся в обращениии. Например, в наших СМИ одно время постоянно употреблялось, да и поныне используется без каких-либо комментариев, понятие «косовар». Так вот, согласно убедительному и доходчивому объяснению профессора Митры Релич, это так называемый «этник» — псевдоэтноним, специально для самоназывания употребляемый албанцами, который всеми своими средствами поддерживают натовские структуры (КФОР, УНМИК…) и западные идеологи с намерением именно так называть всех населяющих край, поскольку они, дескать, являются гражданами одного

государства — наподобие того, как всех жителей США именуют американцами… Но тогда ведь, в соответствии с той же логикой, всех жителей края, как граждан Республики Сербия (в составе СФРЮ, СРЮ, конфедерации Сербия и Черногория), прежде следовало называть сербами?

Автор книги компетентно объясняет историческую обусловленность ряда этнонимов, под которыми известны албанцы. Во многих письменных документах они названы *арнаутами,* таково их греческо-турецкое имя; использовались также другие именования — *арбанасы, албанезы, шиптары*. Последнее из упомянутых названий находится в активном обороте и сейчас; правда, в современном неалбанском словоупотреблении оно имеет несколько негативную коннотацию, поэтому сами косовские албанцы не любят, чтобы их называли *шиптарами*.

Не менее основательно анализируются также этнические самоназвания всех проживающих в косовско-метохийском крае (*горанцы, мусульмане, бошняки/босанцы, хорваты)*, а также различительные именования, которыми местные сербы наделяют себя и соседей *(нашинцы, сречане, жупляне, торбеши, яневцы…*). Профессор М. Релич при этом обращает внимание на парадоксы. На то, к примеру, что большинству коренных жителей Косова и Метохии мусульманского вероисповедания, называющихся в последнее время *босняками («бошњацима»)*, даже видеть Боснию никогда не доводилось.

Для тех, кто якобы очень заботится о мультикультуральности и мультиэтничности Европы, автор книги, указывая на косовско-метохийские реалии, последовательно и с надлежащей научной корректностью дифференцирует такие понятия, как *этнолингвистические группы /этнокультурные группы/ этнические общности/ этнографические группы*. И на основании проведенного автором книги анализа всякий трезвый, отбрасывающий пропагандистско-идеологические шоры человек может прийти к выводу: этим отличительным особенностям никак невозможно, да и не предусмотрено, сохраниться в условиях, которые сложились при постоянном терроре албанцев под патронатом западных «кукловодов».

Понятно, что не единожды используемые нами понятия «террор» и «этноцид» страшны по своей сути, а при голословных обвинениях и обидны. Поэтому для дополнительного подтверждения их обоснованности укажем на приводимые М. Релич сведения о том, что в Приштине уничтожены памятники Доситею Обрадовичу, Вуку Караджичу, Петру Негошу, что за последнее время на территории края пострадали примерно 150 монастырей и церквей, а это привело к невосполнимым утратам историко-культурных ценностей. Вот самые что ни есть конкретные факты: в Свято-Троицком монастыре возле Мушутишта поврежден рукописный «Апостол» на пергаменте XIV—XV вв.; в церкви свт. Николая селения Джураковац уничтожен Богородичник XVI века; вместе с церковью Введения Богородицы (Долац) пострадали Четвероевангелие XIV—XV вв. и Октоих XV в.; в книжнице храма св. Николая (Приштина), наряду с рукописной книгой XVIII в. сгорели издания, напечатанные в Киево-Печерской лавре, Москве, Санкт-Петербурге, Венеции, Сараево, Софии, Вене…

Уже приведенный здесь перечень пострадавших книжных изданий подсказывает, что в связи с затронутой темой отнюдь не случаен и современный «взгляд из России». Все то, что достигло кульминации с установлением международного протектората на Косове и Метохии, непосредственно ее касается. В том числе и вандализм по отношению к кладбищам. Мы уже делились своими впечатлениями о погосте Косовской Митровицы, увиденном из окна автобуса. Как свидетельствует автор книги, обследовавшая около 2 тысяч надписей с разрушенных надгробных памятников, там

к моменту проведенного ею обследования уничтожено около 90% надгробий, которые были на примерно 12 тысячах известных до 1999 года могил. А на этом кладбище, кстати, покоятся останки многих русских эмигрантов. И даже ряд имен их, нередко записанных смесью русской и сербской графики, профессор М. Релич сохранила для нас: Петр Неумытый, Надежда Успенская, Любовь Захарова, Алексей Лавров, Григорий Ончук, Михаил Кравченко, Василий Ланин.

В книге очень важное значение придается тому аспекту, который можно назвать мемориально-культурным. Собственно, вся книга, о чем бы ни шла речь, проникнута мыслью о пагубности беспамятства и значимости того, что материализует память народа. Поэтому неслучайны глубокие рефлексии относительно надписей на косовско-метохийских памятниках, по которым можно изучать этнологию, обоснованно судить об исторических закономерностях повышения-понижения смертности, равно как и оценивать проявления следов язычества, суеверия. Хотя надписи эти, как правило, свидетельствуют о живой православной вере и крепкой связи с Церковью. Им свойственны скромность, отсутствие пафоса, велеречивости, но при этом нередко содержат весьма глубокие мысли. В общем, они хранят особенности языка сербов Косова и Метохии, подтверждая обоснованность высказывания известной сербской писательницы Исидоры Секулич: «Каков язык у народа, таковы его представления-мечтания о красоте и вечности».

Как уже говорилось, круг вопросов, находящихся в поле зрения М. Релич, весьма широк, а их освещение многоаспектно и методологически разнообразно. Особо же следует отметить ценность исследований «полевых» — тех, которые на протяжении многих лет выполняла она лично, причем нелегально, в самом прямом смысле. Да, свои наблюдения, опросы и записи ученая осуществляла в более чем двух десятках населенных пунктов края, где для сербов основные признаки жизни духа могут проявляться лишь как криптоглоссия, криптоправославие, криптославянство.

Кстати, книга, о которой мы ведем речь, имеет необычное авторское посвящение: «В память обо всех гонимых, униженных и смерти преданных за использование своего языка».

А как-то подытожить свои размышления о ней хочется не менее проникновенными и трогательными словами автора, сказанными в предисловии: «Но за каждое несчастье, ежели мы не воспринимаем его со злостью и гневом, Господь нам, только бы мы умели это видеть, воздает благой радостью, а каждую утрату возместит нежданным и еще более ценным даром».

Пожелаем профессору Митре Релич и ее народу, чтобы Господь не оставлял их милостию Своей!

Анна НАУМОВА

Белорусская и украинская рецепция Иво Андрича

Творчество Нобелевского лауреата Иво Андрича (1892—1975), многоплановое по своему содержанию и форме, привлекало внимание многочисленных исследователей как в странах бывшей Югославии, так и по всему миру.

Босния, изображению которой посвящено большинство прозаических произведений сербского писателя, — это пограничье культур и цивилизаций, а именно здесь проявились актуальные для всего мира особенности. Многие из них были замечены зорким взглядом Андрича и зафиксированы в той или иной форме в его текстах. К этой информации должны быть особенно внимательны представители тех стран, которые тоже расположены на пограничье — в «зоне риска», если исходить из идей популярных со второй половины XX века и по-прежнему актуальных поныне цивилизационных исследований[1]. Даже поверхностный анализ этноконфессиональной структуры и беглый обзор истории Беларуси и Украины позволяют утверждать, что и эти страны находятся на «цивилизационном разломе», на культурном пограничье.

Специфика «пограничности» каждой из названных стран, бесспорно, имеет свои особенности, однако едва ли необходимо обосновывать тот факт, что и Беларусь, и Украина на протяжении истории не раз сталкивались с межрелигиозными и межнациональными конфликтами, равно как с другими аномалиями этнокультурных взаимодействий. Граждане этих государств осознают особость своего геополитического положения и этнорелигиозной структуры: это проявляется в ряде реакций, научных и публицистических рефлексий, отразившихся в публикациях. В Беларуси проблематика пограничья не раз актуализировалась в общественном дискурсе — в религиозных[2], философско-социологических[3], культурологических[4] и филологических[5] кругах. Нетрудно найти аналогичные разработки у авторов из Украины[6]. На уровне политических доктрин и официальных идеологий редко говорят о пограничности и связанных с ней проблемах, не желая привлекать внимание к вопросам, которые могут привести к конфликтам. Для стратегий государственной политики действительно более выигрышными оказываются констатации о межнациональном мире и согласии, призывы к равнодушной толерантности. Но специалисты в области социогуманитарного знания не забывают о трудностях межкультурного взаимодействия и необходимости постоянного внимания к ним ради предотвращения нежелательных сценариев — как открытых конфликтов, так и малозаметных, но губительных процессов этноконфессиональной ассимиляции, а также противоестественных трансформаций иного характера.

Таким образом, для данных стран важен опыт осмысления этноконфессиональной проблематики на примере Боснии. Особенно ценны наблюдения такого писателя, как Иво Андрич. Закономерно, что литературоведы названных стран неоднократно обращались к произведениям югославского Нобелевского лауреата в области литературы. Белорусская и украинская рецепция наследия сербского писателя также отражается в публицистике. В ней более оперативно и ярко просматриваются

актуальные реакции на творчество И. Андрича в связи с «горячими» вопросами, волнующими славянский мир. Также нас будет интересовать отражение в журналистских статьях тех аспектов межкультурного взаимодействия, которые входят в проблемное поле произведений И. Андрича — пусть и без непосредственной апелляции к имени сербского писателя.

Важно понять, осознает ли интеллигенция Беларуси и Украины особенности функционирования своего социума на пограничье культур и цивилизаций, проводит ли параллели с балканской ситуацией, и главное, какими видит перспективы развития событий в подобных социумах. Отсюда и частный вопрос: готовы ли филологи-слависты из упомянутых стран рассматривать литературный феномен в широком контексте, отдавая дань междисциплинарности и способствуя популяризации славянских писателей в нефилологических и неславистических кругах?

Одна из самых ярких и содержательных реакций восточнославянских ученых на этнокультурную проблематику творчества И. Андрича сводится к следующему: многие ученые сравнивают историческую судьбу и общественную систему Боснии и своей страны — как в реальном, конкретно-историческом, измерении, так и в художественном, «андричевском».

Белорус Иван Чарота в ряде своих работ и публичных выступлений сравнивал Беларусь и Сербию, Беларусь и Боснию[7]. Параллели основываются как раз на том, что оба края представляют собой культурное пограничье. Но существенно замечание, что при всем подобии модели специфика пограничья различается в своей конкретизации. Например, для белорусов и сербов понятия «Запад» и «Восток» имеют различные смыслы. Подобие закономерностей исторического развития и структуры общества наших стран — это, по И. Чароте, предпосылка для особого восприятия проблематики творчества И. Андрича белорусским читателем. Наши соотечественники в андричевской Боснии неизбежно узнают некоторые особенности истории своей родины.

И. Чарота пишет: «История Боснии — кстати, очень серьезный повод для сомнений в перспективности *идей евразийства*[8], имевших распространение раньше и реанимируемых в последнее время, <...> — исконно определялась разнонаправленными факторами, а потому и само ее движение <...> характеризуется объективной осложненностью, особой внутренней коллизийностью»[9]. Получается, что параллели уместны не только между отдельными странами: белорусский исследователь рассуждает о жизнеспособности интеграционных объединений более высокого уровня, функционирование которых, по его мнению, будет осуществляться по модели, аналогичной боснийской.

Важно, что параллели между Беларусью и балканскими странами в данном случае раскрываются не только на основании личных наблюдений. Исследователь нашел и представил общественности в сборнике «Белорусы о Сербии и Югославии» текст Дмитрия Скрынченко под названием «У нас своя Босния»[10]. Д. Скрынченко — русский богослов, публицист, историк, педагог, долгое время живший и работавший в Беларуси и умерший в Сербии. Упомянутая публикация — интереснейший источник, демонстрирующий сходство судеб пограничных территорий, «распятых» между стремящимися распространить здесь свое влияние центрами силы. Д. Скрынченко небезосновательно делает выводы о сходстве судеб Беларуси и Боснии на основании анализа этнорелигиозной структуры общества и изменений в религиозном и национальном самоопределении местной интеллигенции. А невнимание общества к данной проблеме он объясняет следующим образом: «Словом, все — и Вы там, и здесь — стараются только об одном: “не обострять отношений”».

В среде белорусских исследователей интерес к творчеству И. Андрича проявляла также Галина Творонович. «Трагические антагонизмы», «форпост», «борьба», «непримиримое столкновение»[11] — такие выражения выбирает исследовательница для характеристики особенностей исторического развития и Боснии, и Беларуси. Очевидно, она осознает потенциальную опасность и пытается привлечь к этому внимание общества. Оба народа «мучительным преодолением крайне неблагоприятных обстоятельств приобретают опыт терпения, жертвенности — сущностно важных духовных ценностей»[12]; подобный исторический опыт порождает тождественность системы ценностей и особенностей менталитета. Из этого следует то, что белорусская литература особо предрасположена к восприятию творчества И. Андрича, в котором предлагается схема межнационального взаимодействия на территориях такого типа.

Непосредственные параллели проводит также украинский литературовед, автор ряда работ о Балканах в интерпретации И. Андрича, Павел Рудяков[13]. Он аттестует И. Андрича как автора «глубоких хроник из жизни Боснии, страны, где Запад встречается с Востоком», выводя таким образом на первый план цивилизационный ракурс его творчества. В контексте сравнения особенностей развития восточнославянских и южнославянских стран особый интерес представляет текст П. Рудякова, посвященный сравнению исторических судеб и геополитического положения Сербии и Украины. Сербский писатель здесь непосредственно не упоминается. Однако, размышляя о будущем собственной страны, П. Рудяков, очевидно, находился под влиянием идей сербского писателя.

По словам П. Рудякова, характерные черты общественного развития его родины объясняются в первую очередь этноконфессиональной неоднородностью украинского общества, а также особенностями истории страны. Кроме того, по мнению П. Рудякова, одинаковые проблемы могут возникнуть в будущем у Украины и Сербии в связи с актуализацией мусульманского вопроса: в Крыму, по прогнозам П. Рудякова, «в ближайшем будущем бо́льшую опасность, чем разногласия с Россией, может, как и в Боснии, представлять так называемый мусульманский, или крымско-татарский, фактор». Стоит отметить, что статья П. Рудякова была опубликована в 1996 году, и в своих рассуждениях исследователь имел в виду ситуацию, складывавшуюся в Украине после распада Советского Союза.

Можно провести целый ряд параллелей между художественной реализацией закономерностей культурного развития Балкан у И. Андрича и наблюдениями П. Рудякова. Он прямо пишет о том, о чем И. Андрич говорил средствами искусства. Ученый, среди прочего, рассуждает о взаимодействии Украины со своими «стратегическими партнерами», высказывает предположения о будущем направлении главного вектора украинской политики — на Запад или на Восток? В «Травнике» И. Андрича каждая группа населения возлагает надежды именно на своих «стратегических партнеров»: «Католики, которых было большинство, мечтали о влиятельном австрийском консуле, который обеспечит им помощь и защиту могущественного католического императора в Вене. Православные <…> тут же добавляли, что, конечно, “без русского консула все равно дело не обойдется”»[14].

Общность «интересов» Украины и Сербии при восприятии творчества Андрича также подчеркивается украинским филологом Натальей Билык. Сопоставляя исторические романы сербского писателя с произведениями украинской литературы, исследовательница обнаруживает типологические схождения в романах И. Андрича и П. Загребельного: «Речь идет о ситуации пограничного разлома мировоззрения, обусловленного противо-

стоянием — как религиозным, так и национальным»[15]. Типологические схождения, как известно, обусловлены схожими условиями действительности — Н. Билык неизбежно отталкивается от подобия.

Таким образом, исследователи творчества И. Андрича из Беларуси и Украины неоднократно обращали внимание на сходство исторических судеб восточнославянских государств и стран бывшей Югославии. В Беларуси, Украине, Сербии, Боснии и Герцеговине, Хорватии противоречия возникают как раз между близкородственными этносами. Чем стабильнее цивилизационная граница, тем меньше нерешенных вопросов. А «цивилизационный разлом» с неотчетливыми границами формируется тогда, когда критерии разделения размываются и линия разделения проходит внутри каждого отдельного человека. Собственно, именно такое пограничье интересовало И. Андрича.

Исследование специфики историзма прозы сербского писателя — это еще одна общая тенденция в восточнославянском андричеведении. Данный аспект непосредственно связан с интересующей нас темой, так как именно особенности исторического романа и рассказа И. Андрича определяют своеобразие его концепции культурного пограничья.

Белоруска Галина Творонович утверждает, что в рамках определенной культуры исторический роман выполняет «первостепенные *национальные функции*, возобновляя героические, трагические картины прошлого, связывая воедино вчерашний и сегодняшний день». Этот жанр помогает переосмыслить историю и расставить доминанты в исторической памяти народа. Благодаря определенной силе художественного воздействия он оказывает заметное влияние на формирование общей картины национальной истории и выбор дальнейшей стратегии развития.

Следовательно, исторический жанр может считаться одной из самых плодотворных форм осмысления этнокультурной проблематики и действенным стимулом для формирования идеологических стратегий.

П. Рудяков в нескольких публикациях обращается к исторической прозе народов Югославии. По мнению П. Рудякова, сербские романисты XX века (в первую очередь — Андрич) «наконец обращают основное внимание литературы на то, что обычно называется субъективным измерением исторического процесса». А «человек как субъект исторических событий», находящийся в центре внимания сербского писателя, является воплощением того самого «клубка» этноконфессиональных противоречий, которые представляют сущность боснийской среды.

По словам П. Рудякова, у И. Андрича представлены «два по своему значению примерно равных уровня повествования: материальный — событийно-предметный, и <...> «надматериальный» — духовный, скрытый от глаз, призванный раскрыть внутреннюю сторону события, его сущность».

Обогащение исторического жанра, осуществленное И. Андричем, заключается прежде всего в том, что писатель концентрируется не на фактах, а на связях между ними; рассматривает не события, а их последствия; формулирует не констатации, а обобщения. А именно, появляется возможность обозреть историю края в ее целостности, вывести закономерности существования, применимые к анализу жизни «пограничного» общества. Благодаря переосмыслению истории формируется «новая мифология края», учитывающая этноконфессиональную специфику данной территории. Именно эти особенности андричевского историзма позволяют в процессе восприятия произведений автора выйти на историософский и, шире, философский уровень.

Литературоведение, в силу своего стремления к научной объективности, по-особому, сдержанно и осторожно, реагирует на вопросы этнокон-

фессионального характера. Иное дело — публицистика. В эссе, аналитических заметках, газетных, журнальных и интернет-статьях, посвященных злободневным вопросам культурного и общественно-политического содержания, авторы яснее выражают свою позицию, смелее проводят параллели.

Интересный материал для осмысления представляет статья журналиста Юрия Чорнея — подробный обзор с элементами рассуждения (поиск «за» и «против»), «вдохновленный» актом вандализма по отношению к памятнику Францу Иосифу в г. Черновцы. Автор пишет о том, что Франца Иосифа, как и многих других исторических деятелей, украинцы из разных регионов воспринимают абсолютно по-разному: для кого-то он герой, а для кого-то — враг и завоеватель. Ю. Чорней высказывает мысль: «Без принятого за основу мифа о собственном прошлом, к тому же общего для всех регионов, Украина еще долго будет оставаться только *территорией, а не национальным государством* в современном понимании этого слова»[16]. Его мысли созвучны тому, о чем говорил сербский писатель. Наглядный пример — разные представления детей о прошлом города Вышеграда из романа «Мост на Дрине».

Но на этом не исчерпываются основания говорить об этнокультурных взглядах сербского писателя в контексте данной статьи. Ю. Чорней пытается разобраться, что же значит для Украины ее прошлое, проведенное в составе Австро-Венгрии. В той части статьи, где речь идет о негативных последствиях австро-венгерской оккупации, Ю. Чорней непосредственно опирается на произведения И. Андрича: «Взглянуть на проблему, как говорится, со стороны неожиданно помог Иво Андрич». Украинский журналист задается вопросом о том, достаточно ли оснований у славянских народов для того, «чтобы славить “лоскутную” монархию в веках», и отвечает вполне категорично: «Сомнительно! По крайней мере, в этом убежден Андрич. Потому что расплачиваться за все эти достижения цивилизации часто приходилось рекрутскими наборами, разорением мелких предпринимателей, экономическим кризисом, в конце концов — войной».

В такой неоднозначной ситуации, вызвавшей разногласия в украинском обществе, журналисты обращаются именно к И. Андричу, беспристрастно подошедшему к демонстрации последствий *всех* (и турецкой, и австрийской) оккупаций для Боснии. Сербский писатель показал, что любое инокультурное вмешательство, нарушающее и без того нестабильную систему, является одинаково противоестественным.

О самом И. Андриче и о вопросах, связанных с проблематикой его творчества, украинцы в свое время вели беседу с Миленко Ерговичем, боснийско-хорватским писателем, гостившим в 2015 году в Виннице на Международном фестивале рассказа «Intermezzo». В рамках обсуждения был затронут вопрос поиска параллелей в новейшей истории Боснии и Украины. Говорили об общих для обеих стран механизмах разжигания вражды. В связи с этим М. Ергович украинцам представляет И. Андрича не как пророка, предсказавшего события 90-х гг., а как знатока боснийской действительности: «Андрич, несомненно, выдающийся писатель югославского пространства. <...>. Я думаю, что он ничего не предугадал — просто писал о Боснии то, что очень хорошо знал. И следствие этого — то, что его истории начали разворачиваться в реальности».

Имя И. Андрича также фигурирует в статье «Боснийские уроки для Украины»[17], посвященной сравнению исторических судеб и конфликтов в Боснии и в Украине. В целом, автор статьи лишь вскользь упоминает сербского писателя и национальные проблемы обеих стран. Параллели, связанные с содержанием политической повестки дня, также проводятся в

статьях «Почему Босния не Украина»[18], «Босния и Герцеговина: еще одна модель будущего Украины»[19] и др. Интересно, что их авторы видят параллели между Боснией и Украиной, однако выводы делают исключительно на основании видимых (политических и экономических) последствий не замечаемых ими процессов этнокультурного характера.

Итак, исследователи творчества И. Андрича, которые родились или проживали на сходных по цивилизационным параметрам территориям, проявляют особое внимание к этнокультурной доминанте творчества сербского писателя. Пограничность — элемент не только балканской, но и нашей собственной идентичности. Граница — особый культурный феномен, который, с одной стороны, плодотворен для порождения новых смыслов, а с другой — опасен, особенно тогда, когда внешняя сила вмешивается в жизнь и без того нестабильной системы.

Изученные публицистические тексты свидетельствуют о том, что параллели чаще всего проводятся с украинской ситуацией. Это, конечно же, происходит потому, что политические события в Украине привлекли внимание всего мира. Украинская публицистика (как, впрочем, и наука) после приобретения государством независимости стремится к актуализации собственного народного достояния, восстановления связей культуры с исконными мотивами — соответственно, она более податлива для такой проблематики.

В заключение стоит отметить, что общая картина реакций белорусских и украинских авторов, сложившаяся в рамках настоящего рассуждения, — это своего рода «этнокультурная проблематика И. Андрича в действии»: идеи автора начинают «жить» только в процессе рецепции. Поэтому анализ творчества И. Андрича с точки зрения проблематики пограничья интересен для нас не менее, чем сама указанная проблематика.

Комментарии

[1] Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003. — 603 с.

[2] Бендин, А. Православно-католические отношения на территории северо-западного края Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.) / А. Бендин // XIV Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры. — Минск: Зорны верасень, 2009. — С. 260—307.

Васілевіч, Н. Вывучэнне рэлігійнай ідэнтычнасці ў кантэксце беларускага памежжа // XIV Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры. — Минск: Зорны верасень, 2009. — С. 450—452.

[3] Батраева, О. На культурном пограничье: Беларусь как социокультурный тип в контексте восточного славянства // Беларуская думка — 2010. — № 2. — С. 102—107.

[4] Беспамятных, Н. Этнокультурное пограничье и идентитет: взгляд с польской стороны // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. — 2007. — № 8. — С.12—18.

[5] Феномен памежжа. Славянскія мовы, літаратуры і культуры: этнас у святле гісторыі і сучаснасці. — Гродна: ГрДУ, 2009. — 327 с.

Хмяльніцкі, М. Духоўны патэнцыял літаратуры беларуска-польскага памежжа // Весці БДПУ — 2011. — № 4. — С. 64—68.

[6] Бірюкова, О. Геополітичний вимір етнонаціональних процесів в Україні: автореф. дис... канд. політ. наук: 23.00.02. — Харків, 2007. — 18 с.

Шестакова, К. Етнічна ідентифікація на українському пограниччі: Автореф. дис... канд. соціол. наук: 22.00.03 / К. Шестакова. — К., 2005. — 17 с.

[7] Чарота, І. Балканскі Гамер // Славянскія літаратуры: Постаці ІІ. — Мінск: РІВШ, 2003. — С. 3—23.

[8] Здесь и далее курсив наш. — А. Н.

[9] Здесь и далее перевод наш, кроме цитат из романа «Травницкая хроника». — А. Н.

[10] Скрынченко, Д. У нас своя Босния // Беларусы пра Сербію і Югаславію. — Мінск: Белпринт, 2015. — С. 233—240.

[11] Творчество Иво Андрича: миф, фольклор, история, литература. — Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992. — 112 стр.

[12] Тварановіч, Г. Пад небам Айчыны: літературна-крытычныя артыкулы. — Беласток : Uniwersytet, 2005. — 281 стр.

[13] Рудјаков, П. Геополитички положај Србије и Украјине у општеевропском контексту 80-их — 90-их година XX века // Европа и Срби. — Београд: Историјски институт, 1996. — С. 625—632.

Рудјаков, П. Лик јунака који слуша код Андрића и Павића (Постмодернистичка верзија андрићевске традиције) // Научни састанак слависта у Вукове дане. — 1993. — 23/1. — С. 77—81.

Рудјаков, П. Неколико особина српског историјског романа 40—60-их година XX века (Андрић, Селимовић, Црњански) // Научни састанак слависта у Вукове дане. — 2000. — 29/2. — С. 303—308.

Рудяков, П. История как роман: Андрич, Селимович, Крлежа, Црнянский. — Киев: Наукова думка, 1993. — 218 с.

[14] Андрич, И. Травницкая хроника. Мост на Дрине. — М.: Художественная литература, 1974. — 686 с.

[15] Білик, Н. Іво Андрич і Україна: контакти, рецепція, типологія : автореф.... канд. філол. наук : 10.01.05; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. — К., 2005. — 19 с.

[16] Чорней, Ю. У Чернівцях під вікнами СБУ облили фарбою пам’ятник Францу Йосифу, встановлений Яценюком [электронный ресурс] // BukNews.

[17] Бондаренко, К. Боснійські уроки для України [электронный ресурс] // ТСН — аналитика. — Режим доступа: https://tsn.ua/analitika/bosniyski-uroki-dlya-ukrayini-333729.html — Дата доступа: 26.10.2017.

[18] Шубин, Д. Почему Босния не Украина [электронный ресурс] // Обозреватель. — Режим доступа: https://www.obozrevatel.com/abroad/72506-pochemu-bosniya-ne-ukraina.htm — Дата доступа: 26.10.2017.

[19] Наркевский, Д. Босния и Герцеговина: еще одна модель будущего Украины [Электронный ресурс] // Politrussia. — Режим доступа: http://politrussia.com/world/bosniya-i-gertsegovina-885/ — Дата доступа: 26.10.2017.

Светлана ЕВСЕЕВА

Письма к Максиму Танку

Когда я только осознала себя своей в паспортной прописке Минска, не сразу распростилась, сознанием своим, с Москвой, с Литинститутом, с писателями, старшими товарищами моими. Но имя Максим Танк прозвучало для меня твердо состоявшимся в Поэзии именем, еще там, в столице великого Монолита. И вот случилось: в Доме писателей в Минске вполне возможно встретиться с замечательным Поэтом лицом к лицу.

Я была тут еще совсем новичком. Растерялась и, чей это был юбилей, — не совсем поняла, не зная почти никого. А они сидели за праздничными столами рядом со своими женами. И понравилось моим глазам, как ласково что-то говорил Максим Танк на ушко своей супруге.

В давнем детстве я очень много читала и прозу, и великую поэзию нашу и прошлых, и новых времен. И мечтала: когда подрасту, не буду женой ни военного, ни ученого, ни инженера. Буду супругой великого Поэта, оберегающей его от клеветы, сплетен, недомоганий, бытовых нехваток и от атак невзгод.

У меня ничего такого не сбылось. А вот эта женщина обрела своего Поэта. И меня, словно магнитом, к ним притянуло. Я еще помнила, как была обласкана писательским товариществом в Москве, а потому, не думая о нескромности скоропалительных слов своих, пообещала:

— Буду Вас переводить.

Ответом была улыбка Максима Танка.

— Светлана, все-все переведено.

И смущенье улыбки моей, и ни к чему не обязывающие слова.

— Буду переводить для себя самой.

И перевела, и никому не показала ученический тот перевод.

Запоздала я, запоздала! Это — перевела уже теперь.

Валуны

Ждет оттепель моя гостей,
Истек срок ледников.
Равнина памяти моей —
Приют для валунов.

Их путь — былых препон дневник.
И в нем предчувствий часть:
Вчера — час бури, завтра — миг
В громоотводный час.

…Где нет подушек-одеял,
Я грелся костерком,
Под валуном ночь скоротал,
К утру пропах дымком.

Природу комаров постиг
И вспомнил тех жрецов,

Которым суть не их стихий —
Кровь жертвенных тельцов.

Кто в хату дня явился вдруг?
Одно я только знал:
В мой кровный привалился круг
Гость, сам собою зван.

Тьмы запредельной холод в нем
Всех черных дней черней.
— Сам в чарку наливай вино
И сам свое испей!

Не наливай мне!
Твой не пью
Косноязычный страх.
Пока родную Речь пою,
Быть надо на ногах.

Включаю свет, когда темно.
А… Если в сердце боль,
Открыв широкое окно,
Вдохну сосновый бор.

Дано в березовой Стране
Березовый пить сок.
На ледниковом валуне
Приму еще глоток.

* * *

У меня родился сынок-белорус. Несколько лет подряд мы от майской весны до октябрьской осени, ради нарочанского климата и парного молока, жили в съемном гостеприимстве хаты рыбака пана Игната. И как-то летом вела я своего двухлетнего сынка за ручку к озеру мимо трех летних домов трех всеизвестных белорусских писателей. Нас увидели и пригласили. И пошли мы, ведомые супругой Максима Танка, к третьему. А может быть, к первому дому? Это уж как считать!

Не считала я, просто понимала: шагам ее, освобожденным из плена обуви, приятно было общаться с ласковой свежестью жизнелюбивой травы. И радостно было мне, что эта дама-крестьянка, как добрая летняя погода, приветлива, и ко мне, и к моему малышу. А в доме при встрече с Максимом Танком так я взволновалась, что не запомнила, какая там была мебель, блистает ли тяжелый хрусталь… Запомнилась только на плоскости стола, на сиденьях и спинках художественная красота национальных орнаментов. И — чистоты уют.

Госпожа-хозяйка, провожая нас за ограду, показала мне тропинку к древнему нарочанскому роднику, возвращающему молодости естественную красоту.

И я найду этот Родник… Может быть.

Супруга Максима Танка его нашла. Она — МУЗА, образ женственности славянской, не только внешней, но и духовной красоты.

Муза Поэта — Дева, Женщина, Мать.

* * *

Никакого отдыха нарочанского для меня не было.

Каждой утренней ранью долго-долго приходилось ребенку готовить овощные прикормы в дощатой тесноте кладовки не на газе, не на электроплитке, а на керогазе, стараясь не допустить его керосиновой вспыльчивости до пожара.

И каждый день, уговорив малыша на довечерний сон, отстирывала я у колодца носочки, панамки, трусики и рубашонки. И находила всегда время для мытья полов, освобождая их от песка и от дуста, призванного мною на борьбу с настырностью песчаных блох. И не могла я писать стихи. И скучала по ним. И тосковала. И поэтому на ночной кровати своей, беспокойно ворочаясь, долго не засыпала.

Это не сон, не явь, это — работа творческого воображения. Вошла я в еловую глушь. Вошла не одна, а со своей интеллигентной овчаркой. И навстречу — лесник.

Перевожу на русский язык его слова.

— Птицы молодые не встали еще на крыло. С такою собакой здесь гулять нельзя!

А я, видя в нем не только Лесника, но и проводника по стороне лесной, не просто заговорила, а почти запела:

— Белорусский Язык, заповедный Лесник, помоги мне в твоем Лесу отыскать потерянное мною дитя — Лиру мою!

Возможно, женщина может изменить мужчине, разлюбившему ее, но изменить своему голосистому дитяти, едва вставшему на беззащитные ножки, — это то, что никак нельзя.

— Где вы, мои подруги? Где вы, друзья-товарищи мои?!

Я вам писала, а вы не отвечали. Должно быть, мои родные, ваши адреса давно уже изменились. И — как мне быть? Молчать? … Буду письма писать Максиму Танку! Буду в письмах разговаривать не с духом Поэта, а с Вдохновением, запечатленным в каждом его прекрасном стихотворении. Каждый такой стих Поэта — это он сам.

Когда пишу о себе, он для меня — Евгений Иванович. Когда о его творчестве речь — Максим Танк.

Говоря о себе, признаюсь:

— Быт по-мужски ревнует свою бабу к ее Творчеству, а Творчество, если к нему не лицом, а спиной, яро ревнует к быту.

Долго взрослея, довелось мне понять: две эти сути можно и нужно примирением объединить.

Вернувшись из нарочанского леса в свой городской мирок, я пожалела осиротевший без моего внимания возлюбленный мой дом.

— Без меня ты, быт мой голубь, отворковал
И упал в безуютную тишь.
Чтобы впредь ты со мною зря не воевал
Приголублю к себе, мой глупыш!

И теперь бывает: устает голова несколько часов подряд писать стихи, а руки уже скучают по уборке территории быта.

* * *

Евгений Иванович!

В час пик экстаза политической Перестройки нашего монолита я, неожиданно для себя самой, превратилась в бабушку для посторонних юных и молодых глаз. И удивилась такому, диковатому обращению со мной, улиц и площадей. Вот и опять незнакомый подросток не разрешил мне войти в троллейбус, придержав за плечо.

— Бабушка, пора и на отдых, туда, в хоромы сырой земли!

Понимаю: я для тебя — ватница, маргиналка. А ты, одетый с головы до ног, в свободу моды импортных фирм, почти «продвинутый» человек. Но для меня ты — просто мальчик.

— Мальчик,
Я — баба простая, не кровь голубая.
В морозы кровь эту не греет Гольфстрим.
О Франция!
Есть ли свобода такая,
Где — никогда, никаких гильотин?!

…Иосиф Флавий, после разгрома всех свобод и дисциплин его родной Иудеи великодержавием Древнего Рима, осознал себя, как историка-писателя, гражданином Вселенной. Мне это понимать трудно, потому что я — никакой не энциклопедист. Поэтому о Вселенском гражданстве мудро судить… Это — призвание не мое.

— Да, черные дни меня обижали. Наши черные дни обижали не только одну меня. Стихов про личные свои обиды в какие-то жалобные книги (ни в небесные жалобные книги, ни в левые, ни в правые земные суды) никогда не строчила и не настрочу.

…Когда умирала моя бабушка, я была девочкой лет пяти. Но запомнила эта девочка последний свой разговор с полузабытой бабушкой.

Бабушка. Умру — ничего не буду чувствовать.
Внучка. Так не бывает.
Бабушка. И ты не будешь чувствовать ничего, когда помрешь.
Внучка. Мне смешно.
Бабушка. Почему ты смеешься?
Внучка. Буду чувствовать всегда и здесь, и там Себя самой собой.

…Говорят, вокруг нас мельтешат квадраты, треугольники и шары, так называемые «тарелки», а проще — НЛО… Наверное, хотят нас понять.

Дух нашей не инопланетной Культуры
НЛО не поймет, глядя в свой микроскоп.
Дух — это не спячка медведицы бурой,
Не бренность матрешки, упавшей в сугроб.

Внешность не создает ни кораблей, ни космонавтов, ни лунных лифтов, ни поварских книг…

Творческий Дух — это вам не матрешка.

Как писал мой Дух стихи до Перестройки, так и теперь пишу.

* * *

Максим Танк!

Если Творчество сравнить с благодатною Яблоней, то плоды Вашей Яблони для меня — чудо-яблоки молодильные. Для меня Вы Поэт, не стареющий никогда. Но однажды, находясь от Вас неподалеку, я расслышала, как какому-то собеседнику своему Вы объяснили: «Юбилей — это репетиция похорон».

— Нет! Каждый Ваш юбилей — Стихотворчества праздник.

Молодой двадцать первый век — это век наших птенцов, готовых встать на крыло. Почти всем тут старость не нравится. Почему? А потому, что (каждому, не выпавшему из гнезда, напоминает, что и) ему или ей состариться предстоит.

— Да. Я — бабушка. Но все же… Не так стара, как первобытный грех греховодной Евы.

Закон Естественного отбора, не мешай мне еще и еще сердцем и головой потрудиться на евразийском просторе планеты Земля.

* * *

Максим Танк, Евгений Иванович!

Теперь в ходу слово *ремейк*.

У нас, в нашей славянской речи, еще со времен Петра Великого, много слов — иностранных подкидышей на постоянное жительство прописалось. Если люди пользуются этими словами, они уже наши. Но к слову ремейк у меня особое отношение.

Если в «ремейках» нет намека на имена их истинных авторов-родоначальников, это уже… Берешь чужое и делаешь его своим.

Говорят, что все бывшее, нынешнее, будущее хранится в сокровищнице Ноосферы. Но… Для этого нужно быть Менделеевым, чтобы оттуда первооткрывателем такую таблицу взять.

…Стих — это цельность словесной архитектуры. Здесь одно к одному: и образы, и мысли, и дух, и ритм. Такое по-своему перекроить — это себя превозносить. У ремейка верхняя одежда — импортная фирма (а не какой-то там ватник).

Мой стих, если случится мороз, своей душенькой тебя согреют!

Скоротечен любой чужеродности шик,
Моментальна гламурная внешность.
А Поэзия — это и личности миг,
И ментальной духовности Вечность.

Здесь дано, понимая Природу,
Так ее волшебство понимать,
Как под радугами садоводам
Родниками сады поливать.

Буду праздновать предстоящий мне юбилей скромно. Но… — под радугами доброй и благоприятной погоды для всех цветов и плодов евразийских садов.

* * *

Евгений Иванович!

Вспоминаю тут первый свой юбилей, отмеченный Вами. В кабинете, кроме Вас и меня, никого. А если бы кто-то посторонний был, я от Вас очень добрых и очень сочувственных слов не услышала бы, наверное…

Мне казалось в то печальное время, что сердце мое уже превратилось в ледышку… От теплоты Ваших слов холод мой стал живым теплом.

А еще, не говоря никаких обычных официальных слов, вручили Вы мне алую поздравительную папку.

В своем архиве мало чего храню. Эту папку храню, потому что, принимая ее от Вас… Да. Ощущала уже: грядут непонятные годы в жизни нашей литературной Евразии.

…И в те, и в эти белорусские десятилетия свои я писала черновики своей жизни, чтобы сотворить из них свои беловики. В беловике публицистической лирики этой своей работы приближаюсь к ее завершению.

* * *

Иду от Белорусского вокзала по улице Тверской к памятнику Александра Сергеевича Пушкина, к Литинституту, к Роднику своему.

Можно ли называть родником учебный корпус прошлодворянского особняка?

— Можно. Если этот особняк художественный образ творческого родника, утоляющего жажду русской и евразийской речи в пору внезапной творческой засухи.

Иду не по тесному и не по узкому,
И ныне, и присно, иду к Роднику,
Иду от русского к белорусскому
И от белорусского к русскому Языку.

Я — не философ, и не политик, и не юрист. И нет в генетике моей ничего от властосудейской мудрости царя Соломона. Поэтому, памятуя отроческие глупости свои, тебе, недоросль — двадцать первый век, искренне желаю до Голубя Мира дорасти. В годы Великой войны, взрастая, как сорная трава, отца я почти не знала. Войною он был убит. Две матери было у меня, две родные сестры. Их тоже уже на Земле нет. Но… Родная Речь, ты — моя истинная родная Мать!

Меня учила русская Речь-Мать
Писать свое не ради привилегий,
А стихопереводы создавать,
Так, будто вышиваешь обереги.
И там Родина — Мать.
И тут Родина — Мать.

Мамы и матери, вышивающие обереги, — сами обереги для своих сыновей.

* * *

Славянские поэты!

Верую: и ваши, и наши небеспомощные переводы и ваших, и наших стихий — это пожелания и вашей, и нашей Поэзии здравия на многия-многия лета. Родина каждого Языка — его Оберег.

Я пришла к белорусскому Языку не для того, чтобы по-английски, не сказав «до свидания», незаметно уйти.

— Здравствуй, стихотворение Максима Танка «Мать»!

Рубаху вышивает сыну
Мать каждой нитью непростой:
И трелью пущи соловьиной,
И зорьки неманской красой.

…Слепцы войны, свинец и порох,
Беспутны без поводырей.
Где много-много похоронок,
Не будет старых сыновей.

Не для того даны рожденья,
Чтоб не было мужчин потом.
О жизни мужества моленье —
Явленье вышивки крестом.

— Вот это творческое чудо
На домотканом полотне!
Из ниток создана кольчуга,
Но дух ее — родня броне.

…Не вечно поле боя длится,
Не все, что было, — на изъян.
Сын из бездомья возвратится
В жизнеспособный дом славян.

Храните сыновей, рубахи,
От немоты сырой земли,
Так, чтоб шальных напастей страхи
Пробить брони той не могли!

Искусство суждения

Александр ЛОПАТО-ЗАГОРСКИЙ

Отыскать и устранить ошибку

Уже несколько дискуссий о белорусских литературных реалиях прошло по удивительно схожему сценарию. Толчком к началу полемики становилась статья-«провокатор», автор которой задиристо рисовал картину в предельно мрачных тонах, — а далее мы получали поток публикаций, и в них часть авторов набрасывались на обличителя, доказывая, что поводов беспокоиться нет, а часть подтверждали наличие негатива.

То есть, одним ситуация виделась едва ли не катастрофической, а другим — близкой к идеальной, и к сближению столь разных позиций споры упорно не вели. С аналогичной несводимостью оценок «У нас все плохо» и «У нас все хорошо» встречался и едва не каждый преподаватель, который пробовал переубедить учеников или студентов, хором заверяющих, что произведения современных белорусских авторов неинтересны. Аудиторией учительские похвалы в адрес литераторов остаются в большинстве случаев невоспринятыми.

Стабильная повторяемость одного по сути явления вынуждает предположить: у нас сегодня, наряду с бесспорными достижениями, накоплен в литературе и немалый балласт такого, что раздражает читателя, вызывает у него антипатию. Если так — стоит, пожалуй, поискать причину, способную провоцировать вызревание вроде как взаимоисключающих одна другую величин.

В романе Олега Куваева «Территория» (1975) есть эпизод, удачно передающий предпосылки перехода от практики прикладных научных изысканий к поиску именно теоретизирующему, обобщающему. Одному из героев произведения, начинающему геологу, поручен доклад об итогах полевого сезона, и молодой специалист поначалу долго вписывает показатели проб, намытых в контрольных районах (в «Территории» речь о поисках золота), в единую таблицу. Однако убедившись, что внятная картина за чересполосицей цифр так и не прорисовывается, безжалостно бракует «фиксирующий» вариант доклада и, нанеся полученные данные на карту, пробует смоделировать, результатом каких давних тектонических сдвигов мог стать сегодняшний разброс результатов. Итогом нового осмысления оборачивается схема с местами будущих золотоносных приисков.

В чем-то похожее переключение режимов напрашивается и в осмыслении литературоведческом. Участники дискуссий очертили абрисы сегодняшней ситуации, выполнили, сформулируем так, диагностирование проблемы, ответили на вопрос «Что имеем?» — теперь дело за созданием теоретической модели, объясняющей: «Почему получилось именно так?», «Какой эволюционный сбой способен предопределять ситуации, схожие с наблюдаемой в Беларуси?»

Ведь вот что получается: слабину, похоже, дал один из прочных, фактически неотменимых движителей эволюции. Обычно он работает настолько стабильно, что смысла разбираться в механике процесса особого нет: какой, скажите, резон ловить чередование вдохов и выдохов естественного дыхания?

Соответственно в требуемом направлении материал углубленно не анализируется (и это объясняет, почему до истоков сегодняшней проблематики трудно докопаться), а долг белорусских литературоведов (уж коли поломалось именно у нас!) пристально изучить ранее не вызывавшие внимания исследователей аспекты.

Попробуем набросать контуры процесса, в механике которого подозреваем сбой. Для этого условно разделим писателей на три большие функциональные группы. В головную зачислим «творцов» — авторов, которые ориентированы на поиск, на открытие прежде невиданных литературных горизонтов. Яркий представитель данной писательской породы заведомо выберет эксперимент, а не скучное тиражирование уже сделанных открытий.

Второй эшелон составляют «ремесленники» — авторы, доминантной характеристикой которых посчитаем ориентированность на успех у публики. Писатель подобного склада нацелен на получение дохода, исканиям он предпочтет обещающую твердый доход эксплуатацию им самим либо коллегами сделанных открытий.

К третьей функциональной группе отнесем «арьергард», авторов, не изъявляющих желания последовательно расширять арсенал своих творческих возможностей. Литератор подобного плана, достигнув уровня мастеровитости, позволяющей преодолевать издательскую планку требований к текстам, станет до пенсии штамповать произведения, в которых меняться будут лишь темы, места действия да имена героев.

Мы упростили схему, убрали промежуточные звенья и оставили только минимально необходимые для фиксации эволюционных подвижек узлы. Смотрим, как в преломлении на взаимодействие трех выделенных писательских групп выглядит (со времен укоренения рынка) нормативная динамика поступательного движения литературы.

«Творцы» ищут новое, неожиданное, способное удивить и увлечь. Иногда поиски приводят к открытию художественных принципов, чересчур революционных для современников писателя, — такие находки в глобальном развитии напрямую не сыграют, только спустя десятилетия специалисты, наткнувшись на позабытую книгу, восхитятся: «Смотри-ка, вон когда пробовали писать так, как модно стало сегодня!»

Бывает, по незнанию творцы натолкнутся на то, что уже было опробовано прежде, в таком случае автору откроют глаза редакторы или критики — подобные, активированные из пройденного, находки тоже проходят для общего темпа литературной эволюции вхолостую. «Выстреливают», оборачиваясь действенными стимулами общелитературного развития, те открытия, где писателем счастливо угаданы витающие в воздухе флюиды читательского предожидания, мечтательные томления «Эх, вот что бы такое-этакое полистать!»

В этом случае новаторское предложение находит живой отклик, возникает импульс яркого коммерческого успеха — и на данную вспышку чутко реагируют держащие нос по ветру «ремесленники». Они бросаются штамповать аналогичные произведения, эксплуатируя новооткрывшуюся жилу, и неустанным своим рвением ремесленник: а) замасливает изначально свежую находку (тем активируется дальнейший поиск творцов, не желающих вторить шаблону и штампу) и б) приуготавливает почву для отторжения прежних норм литературной занимательности.

Все просто: менее интересное взамен более занимательному читать не станут. Соответственно новое писательское предложение, дабы выявиться востребованным, обязано оказаться ярче, привлекательней предыдущего. При массовом тиражировании свежих образцов на их фоне зримее станут недостатки прежней модели, и то, что охотно читалось ранее, люди покупать перестанут.

Соответственно представитель «арьергарда», настроенный на штамповку так легко ему удающихся творений,

все чаще начнет слышать от издателя побуждающее: «Извини, такого взять не могу. Прежний тираж не распродан. Публика, понимаешь, такого вот и такого требует, ты уж пойми».

Сгущаясь, издательское неприятие принудит автора либо освоить новые нормы художественной занимательности, либо уйти из литературы. То есть импульс, инициированный находками автора-«творца», пройдя по всем писательским этажам, в итоге сдвинул с места даже по природе инертные, не изъявляющие рвения к самосовершенствованию слои. Исполнилось твердое правило: «После Пушкина нельзя писать как до него».

Однако всегда ли система сработает так, обеспечивая фронтальное, без изъятий, продвижение вперед? Мы можем быть спокойными за уровни «ремесленников» и «творцов», тут авторы поступают в соответствии с внутренними своими побуждениями, и это предопределяет «неизводимость» импульса. Но арьергард-то сдвигают с места принудительно, и если ослабнет рыночное, по исполнению издательское, но корнями восходящее к читательской оценке произведений принуждения, — этот слой предсказуемо застопорит, сам по себе вослед «творцам» и «ремесленникам» он не шагнет.

Теперь внимательно смотрим на изменение схемы финансирования, приключившееся в СССР в начале XX века. Вся прибыль от продажи книг стала изыматься государством, обратно к издателю деньги приходили в виде бюджетных поступлений.

Смысл подмены в целом очевиден: при прежних настройках система не работала на выбраковку тем и идей, острие издательского (понимай — читательского) неприятия было направлено на культивирование моментов иного, чисто технического плана. Ведь подоплекой воздействия выступала нерентабельность издания, а между тем едва не всякая красиво упакованная идея свой круг читателей находила и находит. И пусть даже между автором и большинством издателей возникнут идеологические разногласия — помыкавшись, писатель отыщет того или тех, кто переступит через принцип ради процентов от прибыли.

А вот раздражающе слабо написанные тексты читать не пожелает никто, отсюда и давление, побуждающее авторов освоить хотя бы школярский набор характерных для своего времени писательских умений и навыков.

В новом переложении система стала акцентировано регулировать именно идеологию: издатель или издательство, опубликовавшие сомнительные с точки зрения государственных органов книги, моментально начинали испытывать финансовые последствия своего поступка. При этом каждое последующее нарушение провоцировало все более тугое затягивание бюджетной удавки.

То есть прямая цель реформы очевидно достигалась, вот только попутно нарушался принцип, на котором зиждилась прежняя неизводимость давления издателей на писательский арьергард. Убыточность тиража перестала быть проблемой издателя, неликвид оборачивался головной болью исключительно госторговли. А в таких условиях автору недостаточно умелому, но оборотистому, продавливать броню издательского неприятия куда сподручней.

Что получалось в итоге: «творцы» безостановочно искали новое, «ремесленниками» импульсы свеженайденной художественной занимательности вводились в массовый обиход, уровень читательских запросов, соответственно, подрастал — «арьергард» же спокойненько продолжал штамповать исполненные по устаревшим лекалам творения. Ибо издатель, поддавшись напору пробивных и разворотистых, периодически уступал, печатал сии творения.

В изменившихся условиях государству следовало более взвешенно регулировать равновесие в системе, но по факту оно предпочло не подгонять «арьергард» (хотя призывов «не топтаться на месте», критических разносов хватало, бороться с проблемой пытались), а просто ретушировать «минус» в графе рентабельности мно-

гих и многих изданий. Для этого довелось переналадить параметры литературной цензуры.

Да, изначально запреты несли на себе печать контроля идеологического, но чем дальше, тем заметнее становился протекционистский характер ограничений. Дело дошло до гонений на приключенческую, историческую литературу, на фантастику — на все то, что стали бы читать вместо, взамен рекомендуемого.

В итоге та минимальная планка писательских умений и навыков, которая в прежних условиях подвышалась вроде как сама по себе, «автоматически», в новых условиях застопорила. А она, к слову сказать, по совместительству служит и порогом, от которого удаются дебюты начинающим авторам.

Пожалуй, вот она, основа типичного для советской действительности и малохарактерного для иных условий изобилия «подающих надежды» писателей: параметры, от которых стартовать начинающим, отстали благодаря «застопорившему» арьергарду, от уровня реальных интересов аудитории — и вот автор печатает книгу, вторую, но до планки реальных запросов ощутимо не дотягивается, книги его по магазинам никто не выискивает, не спрашивает у продавцов. И если литератор себя не переломает, не подстегнет, он до пенсии так и продолжит «подавать надежды». В то время как при рынке писателя, которого читать в охотку никто не захотел, повторно попросту не печатают, и почвы для вечного «подавания надежд» не существует.

Еще одним показателем, сигнализирующим об ослабленности «читательского» диктата над литературой, служит, пожалуй, увеличение в книгах относительной доли описательности. Поясняем: художественное слово — в чем-то вынужденный компромисс между разнонаправленными векторами писательского «выговорить» и читательского «выслушать». Тому, кто выговаривается, представляется нужным максимально передать подробности и детали, адресату же сообщений куда интереснее узнать только о важном, о самом необычном и увлекательном. В перечень характеристик «читабельности», изменяющихся по мере смены литературных эпох, неизбежно «забивается» и требуемый публикой от автора режим ужатия текстовой всеохватности, самоограничивающей лаконичности.

Если читательские пожелания перестают директивно доводиться до писателей, компромиссное равновесие нарушается. Литераторы потихоньку отодвигают рамки в сторону многоречивого «высказать», соответственно подмеченную критикой и объявленную национальной особенностью неспешность белорусской прозы, предопределяемую излишней детализацией и обилием описаний, следует признать чертой скорее приобретенной, чем исконной: ну не было излишнего многословия в большинстве произведений 20—30-х годов XX века!

Теперь смотрим на момент разрушения Советского Союза и слома функционировавшей тогда модели финансирования издательских проектов. В тот период ослабла цензура, выступавшая фактором поддержания равновесия системы, к читателю массово пришли книги, искусственно отсекавшиеся прежде, — и на новооткрывшемся фоне по-иному стали выглядеть культивировавшиеся прежде образцы.

Есть деталь, зримо подчеркивающая, что тогда воцарился именно «диктат потребления», читатель, словно компенсируя недобор предшествующих лет, ощутимо поддавил на литераторов. В московских издательствах появилась необычная штатная единица, «эксперт», на эту должность приглашались книгочеи, листавшие книги в метро и в салонах автобусов, и требовалось от таких сотрудников одно: оценить, ознакомившись с рукописью, пригодность книги именно к прочтению по дороге на работу, на дачу. Только если звучало заключение: «Да, пригодна», — к работе приступал традиционный редактор.

Фактически издатель нащупывал утраченный контакт с аудиторией, и

поначалу складывалось ощущение, что столь неприкрытая ориентация на запросы публики ни к чему позитивному не приведет, литература окажется в тисках бульварной безвкусицы. На первых порах на полки магазинов хлынул поток «чернухи», порнографии, криминальщины…

Отчасти такой всплеск предсказуем: издания подобного плана тоже отметались цензурой, образовавшиеся в итоге лакуны теперь активно заполнялись, но со временем стала проявляться все более заметная поступательность происходивших в литературе изменений. Едва только рынок переполнялся тем или иным видом печатной продукции, иссякала вместе с исчезновением спроса и казавшаяся неуемной активность литераторов в соответствующем жанре.

Так схлынули волны столь раздражавшей критику «чернухи», незамысловатых боевиков, примитивных страшилок, авторам довелось осваивать более сложные алгоритмы написания остросюжетных произведений. Наработанные же навыки и приемы превращались в едва ли не обязательные компоненты писательского мастерства: если по ходу сюжетного развития возникал эпизод, требовавший исполнения в стиле, к примеру, криминального романа, — от прозаика в издательствах уже ожидали, что выполнен фрагмент будет на добротном, «как теперь умеют», уровне.

Фактически происходило именно заполнение пробелов, возникших в базисном наборе литературного ремесленничества за предыдущие десятилетия. Причем дрессура велась жесткая, очевидно принудительная: авторы, не желавшие поддаваться диктату, безжалостно, невзирая на былые регалии и заслуги, отбрасывались на литературную обочину...

Но в итоге — сейчас об этом можно говорить уверенно — россияне за небольшой срок освоили наработки соседних литератур в сфере «на занимательность», теперь заимствовать неоткуда, — и установилась привычная рыночная иерархия, «творцы» — «ремесленники» — «арьергард». Свежего, новаторского предложения ждут сегодня именно от «творцов».

Теоретически предусмотрен и другой сценарий развития ситуации, при нем рыночные механизмы самоочищения не запускаются. Так вот, процессы, наблюдаемые в белорусской литературе, в целом согласуются с параметрами именно второго из гипотетически возможных вариантов.

У нас, как только стало обозначаться резкое падение спроса на литературную продукцию, издания белорусскоязычные предпочли подпереть дотациями, выделяемыми на поддержание национальной культуры. Вот только такая подпитка при отсутствии взвешенной стратегии своего применения — инструмент «слепой», с равной вероятностью она и поможет произведениям новаторским, экспериментальным — и не даст пропасть книгам, исполненным по устаревшим, архаичным лекалам.

В итоге рыночное принуждение не заработало, импульсы, направленные на активизацию представителей «арьергарда», оказались приглушены. А ведь недостаточно читабельно в условиях, когда «занимательность» представлялась едва не зазорной характеристикой, писали и маститые, авторитетные авторы.

Да, мы не получили того вброса «чернухи», который рынок принес в литературу русскую, — но вместе с тем мы и не погнали вперед планку «арьергардных» требований к литераторам. О том, что данный показатель действительно не подрос, заставляет задуматься следующий, достаточно своеобразный эксперимент: мысленно вообразим, что Купала, Колас, Богданович, Мележ сегодня повторно дебютируют в белорусской литературе, и делают они это с юношескими, которыми начинали свой путь много лет назад, произведениями.

Отклики на подобные публикации очевидно окажутся благожелательными, авторов отметят не просто как молодых, но и как склонных к новациям дебютантов — то есть, получа-

ется, что находки, которые делались классиками уже в зрелом возрасте, так и не обернулись фактором, заставившим всех остальных писателей шагнуть за первопроходцами вслед. У нас после Купалы, Коласа, Мележа литераторам оказалось позволительно писать точно так, как было принято до опубликования знаковых национальных произведений. А между тем художественные открытия сделаны, на их основе возникли десятки ярких книг, для читателя повысившийся уровень литературной занимательности стал привычной нормой. Ну кто, скажите, будет покупать видящиеся на новом фоне пресными и нудными образцы словесности прежней?

Что, все еще видится необъяснимым феномен именно обвального падения спроса на белорусскую книгу в последнее десятилетие XX века? Смотрим, что конкретно происходило в ту пору: в русской литературе процесс рыночного самоочищения запустился, от напластований устаревшего и архаичного литература болезненно, непросто, но избавлялась — а у нас ситуация не менялась. В условиях, когда читатель свободно может переключаться с белорусских текстов на книги, написанные по-русски (или наоборот), такое различие в динамике процессов не проходит бесследно.

Более того, здесь появляются предпосылки возникновения инерции читательских антипатий — а силу подобной инерции каждый, пожалуй, испытывал на себе. Вспомните: берете вы в руки выпуск нового для себя журнала и начинаете листать страницы, и тут пять-шесть материалов подряд неинтересных.

Естественно, возникает желание отложить издание в сторону: а если и вторая, и третья попытки неудачны? Аналогичные законы работают и на глобальном уровне, в случаях, к примеру, знакомства читателя с литературным жанром, национальной литературой в целом. Человек, которому изначально попались три-четыре неудачных исторических романа, не просто может более не взять в руки историческую прозу, он еще и знакомым станет говорить, что этот жанр скучен и неинтересен. Хотя не исключено, что книга пятая, так и не открытая, понравилась бы хулителю, и начни он знакомство с литературным явлением именно с нее…

Процессы самоочищения в литературе запускаются в том числе с целью недопущения этой разрушительной инерции читательского отчуждения. Чрезмерное количество писателей слабых мешает публике увидеть, рассмотреть авторов сильных и талантливых, вот в чем опасность!

Пожалуй, именно о превышении кризисных порогов наличия нечитабельного и сигнализировали «обличители» во время дискуссий о ситуации в белорусской литературе. Данным предположением можно, пожалуй, закрывать теоретическую часть исследования: вероятностный эволюционный сбой, потенциально приводящий к вызреванию сходных с теми, что наблюдаются в Беларуси, симптомов, найден. Отыскались также совпадения в смоделированной динамике вызревания негатива условного, «какой может получаться», и тех процессов, которые реально происходили в советской и постсоветских литературах.

Кажущаяся нестыкуемость обозначавшихся в ходе дискуссий и вроде как противоречащих одна другой позиций тоже в целом объяснена: там, где рядовой читатель, обманутый то яркой обложкой, то чересчур назойливой рекламой, будет раз за разом натыкаться на произведения слабые, и это в итоге приведет к обвинениям типа «Да тут вообще некого читать!», специалист увидит более привлекательную панораму. Ибо ввиду своей подготовленности хороший литературовед попросту не возьмет в руки заведомо дилетантские творения.

А поскольку действительно талантливым и требовательным к себе авторам ситуация отнюдь не мешала покорять творческие вершины, и белорусам в литературе реально есть кем и чем гордиться, — получается, что в споре каждый из оппонентов высказывал и

отстаивал искренние свои убеждения, а в аналогичных условиях переубедить один другого никто предсказуемо не сможет.

Напоследок тезисно, пунктиром — о применимости полученных теоретических положений на практике. Прежде всего признаем: сегодня, в условиях уже сформировавшейся инерции читательских антипатий, дотация — та самая дотация, которая ранее лишь усугубила негатив, — оборачивается уже мерой вынужденной, жизненно необходимой. Ведь теперь для издательства одинаково убыточны что произведения сильные, что книги авторов послабее. И если в таком режиме мы уберем финансовую поддержку, это будет удар по всей национальной литературе в целом.

Но и устранить проблему дотация сама по себе не сможет. Данную, априорно представляющуюся несомненной мысль подкрепим отсылками к опыту литератур, давно существующих в аналогичных условиях, в которые мы сегодня угодили.

Бельгийская, ирландская, люксембургская литературы… Во всех этих странах национальный язык на бытовом уровне ощутимо уступает языку страны-соседки, имеющему статус международного, и чтобы сохранить литературу на родных языках, в этих странах давно практикуют фронтальную, «на поддержание», дотацию на опубликование национальных книг.

Так вот, проблемы, отмечаемые критикой, в этих литературах удивительно схожи с теми, что видим сегодня в Беларуси. Привычными стали яркие дебюты, после которых автор расти перестает, а то вовсе уходит из литературы — и причиной тамошние специалисты признают невозможность заработать на жизнь исключительно писательством, в итоге безденежье принуждает авторов официально трудоустраиваться, на литературные занятия у писателя остаются редкие свободные часы…

А в результате печатается масса дилетантских по исполнению произведений, публика закономерно предпочитает книги на английском или французском — и многие писатели, попробовав добиться успеха на родном языке, меняют предпочтения и начинают работать во французской, английской литературах…

Неизводимым недостатком произведений в Бельгии, Люксембурге, Ирландии признается излишняя многословность авторов, и вот когда читаешь, к примеру, тамошнюю прозу, ловишь себя на ощущении, что перед глазами очередная вариация белорусского текста: герой неспешно, на протяжении двух-трех страниц, просыпается, прислушивается к звукам за окном, фиксирует запахи, завитки на обоях…

Дотации, в идеале, следует убирать. Вот только делать это предстоит — парадокс! — при помощи этих самых дотаций. Принципиально такая задача представляется выполнимой, ведь литература в дотационном режиме оказывается в какой-то степени управляемой, корректируемой.

Знание же предпосылок, предыстории проблемы помогает очертить цель, которой необходимо достигать, понятны и недостатки, от которых следует избавляться. В связи с этим сразу хочется уточнить стратегическую линию развития, ее сегодня в белорусской литературе формулируют не совсем верно. Кажущееся логичным стремление максимально увеличивать литературное предложение и отчитываться как об успехе цифрами роста тиражей и номенклатуры изданий в сложившихся обстоятельствах не ведет к искоренению негатива. Нам надо и не понижать валовые показатели — и вместе с тем взвешенно, продуманно, однако и непримиримо чистить и чистить литературный поток от своевременно не отброшенной архаики.

Если выработаем действенный алгоритм, способствующий разрешению этой магистральной задачи, то успеха можем достигнуть, избегнув того вброса «чернухи», который подстерегает при рыночном варианте разрешения проблемы. Нам, сформулируем так, следует заместить «издательский» по исполнению вектор давления

на «арьергард», и одним из вариантов видятся не запретительные санкции (запреты в литературе обычно не работают), а выделение достойных белорусских книг яркой, легкоузнаваемой читателем сигнализацией на обложках.

Заметим: издательства, отталкивающиеся «от практики», склоняются к похожим решениям, запуская броские, неплохо задуманные «золотые» и «серебряные» серии и коллекции. Но в условиях, когда одобрительного или осуждающего отклика аудитории издатель не чувствует, критерии отбора в подобные циклы очень быстро начинают размываться, золото подменяется позолотой, а потом и вовсе металлом неблагородным.

Нужна аккумуляция оценок, право присваивать знак «Рекомендовано к прочтению» необходимо доверить коллегиальному органу, и решающий голос здесь должен принадлежать подготовленным читателям, специалистам-литературоведам. Есть же, в конце концов, Институт литературоведения НАН Беларуси, он задумывался как координирующий и организующий научно-практический центр — именно на базе этого учреждения логичней всего создавать требуемый творческий совет. Важно только наделить новую структуру не только правами, но и ответственностью — ответственностью за качество рекомендованного к прочтению произведения.

И конечно, в качестве важнейшей задачи гуманитарного образования следует выделить воспитание вдумчивого читателя, способного отличать сильную литературу от слабой и готового рублем голосовать за понравившегося автора.

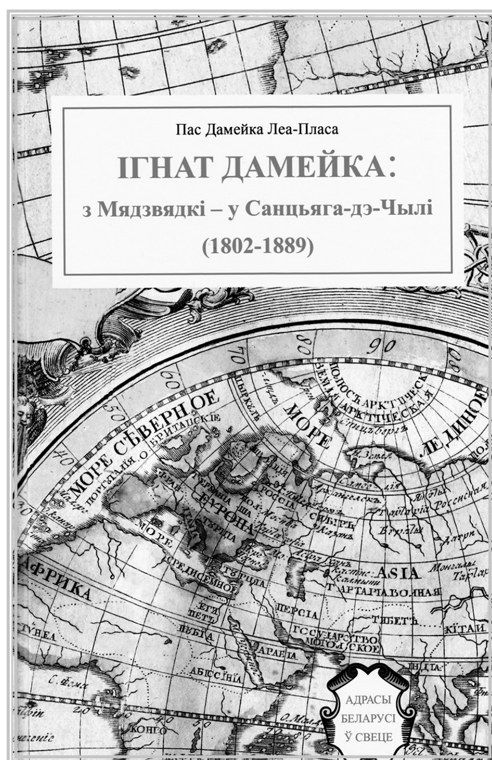
Сумеем почистить литературный поток от тины и мусора, вернем интерес читающей публики к национальному слову — тогда издатель начнет улавливать на графах «убыток» и «прибыль» реакцию аудитории, после этого дополнительной регулирование литературным процессом уже можно будет убирать. А пока…

Да, цензура, да, диктат — но временные, акцентированно направленные, имеющие скорее рекомендательный, чем запретительный характер. Поиск же конкретных путей, позволяющих реализовать данную стратегическую задачу, нужно вести всем миром, чтобы не наделать, исправляя давнюю ошибку, массу промашек новых, скороспелых.

С точки зрения рецензента

Путешествие длиною в жизнь

Минувший год был богат на юбилеи: 500-летие белорусского книгопечатания, 135-летие Янки Купалы и Якуба Коласа, 100-летие — Янки Брыля и Пимена Панченко. «Прозвучал» и юбилей нашего известного на весь мир земляка, признанного геолога и минеролога, ректора Чилийского университета, Национального героя Чили Игната Домейко. Знаменательным является тот факт, что внимание широкой общественности к 215-летию со дня рождения ученого было привлечено с помощью книжного проекта. «Ігнат Дамейка: з Мядзвядкі — у Санцьяга-дэ-Чылі» (Пас Дамейка Леа-Пласа. Ігнат Дамейка: з Мядзвядкі — у Санцьяга-дэ-Чылі // Серыя «Адрасы Беларусі ў свеце», Мн., Выдавецкі дом «Звязда», 2017) — издание в своем роде уникальное. На данный момент это наиболее полное биографическое повествование о гениальном человеке, основанное на документах, свидетельствах, личной переписке. Автор книги — правнучка ученого, хранительница богатого семейного архива. По-испански книга вышла в 2002 году, который был официально объявлен ЮНЕСКО Годом Игната Домейко. Понятно, что перевод на белорусский язык уникального издания — дело чести для современной Беларуси. А еще — возвращение той непростительно забытой части истории, которая, безусловно, принадлежит нам.

В предисловии к книге Пас Домейко рассказывает о судьбе своей семьи и судьбе личной. К большому сожалению, в Европе род Игнатия Домейко закончил свое существование. История его семьи сейчас тесно связана с Чили, США, Австралией. Однако у потомков и сегодня бережно хранятся личные вещи, письма, документы дона Игнасио, как почтительно называли ученого в Чили. «Я спецыяльна ездзіла збіраць матэрыялы ў Францыю, Чылі, Польшчу, Літву і двойчы бывала ў Беларусі <…>. Гэта было пачаткам самых шчаслівых гадоў майго жыцця, якія працягваюцца і сёння. Я правяла год у даследаванні жыцця Дамейкі, а затым яшчэ год жыла з маёй сястрой у Вашынгтоне і склала яго біяграфію. Я не паспела заўважыць, як продак завалодаў маім жыццём», — откровенно признается автор книги Пас Домейко. Интересно, что

до этого правнучка Домейко абсолютно не имела никакого писательского опыта. Зато она могла похвастаться богатым опытом жизненным. Практически в одиночку воспитавшая пятерых детей, победившая в почтенном возрасте опасную болезнь, она и сегодня не теряет активности и позитивного взгляда на мир. «Я адчуваю сябе адоранай лёсам», — уверенно утверждает Пас Домейко. Рассказ о судьбе выдающегося ученого насыщен фактографическими данными, он чрезвычайно подробный. Общественное и личное тесно переплетены в книге. А свою главную цель Пас Домейко сформулировала следующим образом: «Паказаць іншага Ігната Дамейку — высакароднага чалавека, удзячнага назіральніка і добрага сем'яніна, якім ён быў».

Присутствует в издании также исторический экскурс, подробное знакомство с условиями образования Речи Посполитой и ее разделов, рассказ о классовой и политической борьбе, восстаниях, что проливает свет на обстоятельства судьбы патриота Игната Домейко. Участие в обществе творческой и научной молодежи, восстание 1830 года, преследование агентами русской полиции и, наконец, высылка — незабываемые страницы белорусской части биографии нашего земляка из Большой Медвядки описаны динамично и эмоционально. Очень интересными являются и подробные описания природы, городов, быта населения разных стран, которые тщательно описывал во время долгого путешествия ученый. Вот как виделась далекая Бразилия нашему земляку в середине XIX века: «На раўнінах пасвіліся статкі, у палях вырошчвалі пшаніцу і самую розную гародніну. Асабліва заінтрыгавалі Ігната сваім выглядам гаучо, якія насілі не плашчы, а як яму сказалі, пончa, і нешта накшталт шырокіх мужчынскіх штаноў з аднаго кавалка тканіны — «чырыпа», высокія фетравыя капелюшы з тасьмой, боты са шпорамі і доўгія вострыя нажы на рамяні. Шпацыруючы, Ігнат захапляўся прыгажосцю мясцовых жанчын, у большасці з якіх валасы былі заколаты грэбнем з прымацаванай мантыльяй. Абавязковым жаночым атрыбутам быў таксама веер у руцэ». Хватает в книге и поэзии, проникновенного изложения переживаний впечатлительного, религиозного Игната Домейко: «Аднойчы ноччу Ігнат стаяў на палубе і глядзеў на небасхіл. Раптам яму здалося, што неба і мора — адзінае цэлае, і што ён зараз — сведка імгнення Стварэння сусвету. Ён адчуваў сябе ў палоне ўсеахопнай асалоды, нібы злітым разам з Творцам, усведамляючы тое, што даецца ад Усюдыіснага Бога, чыя жыццёвая сіла выяўляецца ў сусвеце ва ўсёй разнастайнасці. Ігнат доўга заставаўся ў такім стане, пагружаны ў адчуванне шчасця, якое не паддаецца апісанню, да тых часоў, пакуль зоркі не пачалі знікаць. Толькі тады ён вярнуўся ў каюту, каб горача падзякаваць Богу за гэты незабыўны вопыт». А еще вдохновится читатель и захватывающей историей любви. Романтическое знакомство с 15-летней чилийкой Энрикетой полностью изменило жизнь уважаемого профессора. В письме к Адаму Мицкевичу Игнат Домейко писал: «Яе прыгажосць настолькі захапляльная, што я сумняваюся ў тым, што ты хоць раз бачыў нешта падобнае; такое можна ўбачыць толькі пад гэтым вечна блакітным небам, пастаянна спакойным, якое толькі зімой азмрочваецца некалькімі аблокамі». Счастливая семейная жизнь принесла Домейко душевную гармонию в сложных жизненных условиях и талантливых потомков, которые и сейчас хранят память о своем прадеде и его родине.

Обширная галерея фотографий издания знакомит с гербом рода Домейко, пейзажами родных мест исследователя, портретами его друзей и родственников. Присутствуют и подробные комментарии после каждой главы, которые доходчиво объясняют географические, социальные, культурные реалии повествования.

Уверенно можно говорить, что Пас Домейко достигла своей цели — известный ученый предстает перед нами человеком глубоким, интересным, незаурядным.

Юлия АЛЕЙЧЕНКО

Литературное содружество

Вспоминая туркменских писателей

Какалы БЕРДЫЕВ

С Какалы Бердыевым меня познакомил белорусский журналист и писатель Микола Калинкович. Случилось это приблизительно весной или, возможно, в самом начале лета 1986 года…

О чем тогда говорили в первую встречу в редакции газеты «Эдебият ве сунгат»?.. Скорее всего — о новых темах очерков, документальных произведений, над которыми работал Микола Калинкович. Он тогда жил в Москве и в Ашхабад наведывался достаточно редко. Хотя и числился на учете в туркменской писательской организации. Но готовил для местных издательств свои книги. Что-то предлагал и в журналы и газеты.

А с Какалы-ага мы как-то приглянулись друг другу. Хотя и возраст у нас разный. Главред «Эдебият ве сунгат» уже на пенсию собирался, а мне было всего-то немногим больше за двадцать… Редакция дивизионной газеты «За Родину» располагалась неподалеку от Дома печати. И я был частым гостем в редакции «Эдебият ве сунгат». Здесь познакомился с фотокором Омаром Сахатклычевым, поэтами, прозаиками, публицистами Газель Шакулиевой, Шадурды Чарыкулиевым, Аллаяром Чуриевым, Огултеч Оразбердыевой…

Мне нравилось подолгу разговаривать в редакции за пиалушкой чая, накоротке делиться новостями в редакционном коридоре. Какалы Бердыев был незримо связан с Беларусью. Написал несколько статей о Янке Купале и Якубе Коласе. Публицист встречался и подружился с Алесем Адамовичем. Молодые писатели, они вдвоем путешествовали по Каракумскому каналу. Итогом стал большой очерк, который опубликовали журналы «Совет эдебияты» и белорусский «Полымя». А еще очерк вышел в московском журнале «Дружба народов».

При редакторстве Какалы Бердыева я опубликовал в «Эдебият ве сунгат» несколько статей и рецензий. Рассказал о «Повести для себя», напечатанной в белорусском журнале «Нёман». Автор — белорусский прозаик Борис Микулич. Возвращаясь из сталинского лагеря, он на короткое время заехал к своей сестре в Ашхабад. И здесь писал «Повесть для себя». На страницах искреннего повествования — впечатления от встречи с Ашхабадом, Туркменистаном, разбор переводов Махтумкули на русский язык… В редакции, к счастью, не пожалели места для этой статьи о возвращении к читателю Бориса Микулича. Написал я и о туркменских страницах энциклопедии «Янка Купала», где была помещена и персональная статья о Какалы Бердыеве. Том энциклопедии, присланный мне из Минска народным поэтом Беларуси Максимом Танком, я подарил Какалы-ага. Помню, с каким душевным трепетом листал туркменский писатель страницы энциклопедии. По всему было видно — он обрадовался, что белорусы не забыли о нем, не забыли о его вкладе в пропаганду творчества народного поэта Беларуси Я. Купалы в Туркменистане и поместили его биографию в белорусскую энциклопедию.

Из памяти — и подготовка газетного разворота о белорусско-туркменских

связях, газетного разворота о белорусской литературе. Такие публикации готовились по литературам всех республик. Но в выпуске, посвященном Беларуси, Какалы-ага попросил поучаствовать и меня. Я очень обрадовался такому доверию и среди других публикаций предложил перевести стихотворение Пимена Панченко «Поэма стыда и гнева», что и сделал по моему подстрочнику народный поэт Туркменистана Керим Курбаннепесов, а еще и цикл небольших эссе, миниатюр Янки Брыля (их перевел Какабай Курбанмурадов).

…Когда Какалы-ага ушел работать в журнал «Совет эдебияты», бывая в Союзе писателей Туркменистана, я всегда заглядывал и в редакцию журнала. Начав еще раньше сотрудничество с отделом критики «Совет эдебияты», с приходом Какалы-ага в журнал я почувствовал в этом коллективе еще большее к себе расположение. Подготовил большую статью об армейской, военной теме в современной туркменской литературе. Работа над этим материалом была для меня хорошим испытанием. И конечно же, советы опытного редактора, видного литератора были всегда к месту.

В апреле 1988 года — таковы законы военной службы! — мне пришлось покинуть Ашхабад, в который, признаться, я просто влюбился. Но контакты, общение с Какалы Бердыевым продолжились… Я написал для журнала небольшой материал о том, какие туркменские переводы публиковались в белорусском альманахе «Братэрства». Какалы-ага подсказывал мне формат материала. А еще писатель помогал мне в работе над очерком памяти, посвященным народному поэту Туркменистана Кериму Курбаннепесову (легенда туркменской поэзии, Керим-ага умер в 1988 году). Покинув Ашхабад, я служил на Кубе. Новинок туркменской литературы не хватало, как не хватало бы воздуха. И я был несказанно рад, когда Какалы-ага прислал мне с автографом свой сборник публицистики, вышедший в Москве в «Советском писателе».

1990-е годы, как известно, были сложными с разных точек зрения. Я после Кубы вернулся в Минск. Старался по мере возможности поддерживать связи с Туркменистаном. Какалы-ага все звал к себе в гости. К тому времени он достроил свой загородный дом. И мне, конечно же, хотелось посетить старшего товарища в его ауле. Но все не получалось выбраться… Впервые после того, как покинул Ашхабад в 1988 году, вернулся в Туркменистан в 2009-м… Какалы-ага уже умер. Но всегда, приезжая в Ашхабад (а был еще в Туркменистане в 2012, 2014, 2015 годах), вспоминаю своего дорогого друга замечательного туркменского публициста Какалы Бердыева. Вспоминаю как искреннего, доброго человека. Вспоминаю как наставника, литератора, способствовавшего развитию моих интересов в изучении литературных связей.

Какабай КУРБАНМУРАДОВ

Нашел в интернете текст автографа Какабая Курбанмурадова: «Глубокоуважаемому Александру Алексеевичу Михайлову с пожеланием здоровья, успехов и вдохновения на многие прекрасные книги. К. Курбанмурадов». Текст — на сборнике стихотворений «Пристрастность», изданном в «Советском писателе» в 1987 году. Уже не по фотографии из Интернета, а по личной памяти восстанавливаю цвет обложки. Красные штрихи, несколько даже оранжевые — как будто кусочек Каракумской пустыни…

В принципе я могу догадаться, откуда, какого происхождения этот автограф. В 1987 году в Ашхабаде проходил расширенный пленум правления Союза писателей СССР. Заседание было посвящено туркменской поэзии и творчеству молодых. Пленум запомнился и мне, потому что довелось выступить на его заседании. Александр Алексеевич Михайлов, известный литературовед и в то же время функционер Союза писателей СССР, возглавлял тогда московскую делегацию. Вероятно, Какабай и

подарил один из своих самых значительных поэтических сборников Александру Михайлову.

…С Какабаем мы познакомились в редакции литературно-художественного журнала «Ашхабад». Вероятно, году в 1986-м… Тогда я начал приносить свои первые рассказы и рецензии в «Ашхабад». Даже названия рассказов помню: «По дороге на учебный центр», «В ответе»… Рассказы читали главный редактор Валентин Рыбин, редактор отдела прозы Александр Говберг, Альберт Поляковский, заместитель главного редактора Владимир Пу… К ним часто заходил и Какабай. Не знаю, работал ли он тогда где-либо в штате. Но вот посиделки в редакции иногда затягивались. Хотя, что тут такого — собраться творческим людям и поговорить час-другой? Тем более что Какабай был автором журнала. Печатался не только со стихотворениями, но выступал и с историко-литературными заметками, рецензиями.

А более близко сошлись мы с Какабаем в 1987 году, когда он возглавил отдел критики литературно-художественной газеты «Эдебият ве сунгат». И проработал писатель на этом очень ответственном посту до 1992 года… Тогда, наверное, Какабай и мне подарил свой московский сборник «Пристрастность». Жалею, что не написал сразу по прочтении рецензию… Что-то, наверное, помешало, но совсем не то, что стихи не понравились. Все казалось мне и в переводах, и в самом существе высказанного в этих стихотворениях настоящим, требующим внимания и осмысления.

Долгое время, вернувшись в Беларусь, я держал этот сборник перед глазами — то дома на одной из полок «на уровне глаз», то в редакционном кабинете прямо рядом с пишущей машинкой, а потом — рядом с компьютером.

Какабай Курбанмурадов впечатлял своим оригинальным взглядом на жизнь. Чувствовалось, что поэт хорошо знает не только мировую классику, но и поэзию разных народов Советского Союза. Может быть, это было связано еще и с тем, что Какабай много переводил, старался примечать все наиболее яркие стихи из творчества поэтов России, Украины, Беларуси… В арсенале перевоплощенного им — произведения украинцев П. Чубинского, В. Малика, И. Франко, Д. Павлычко…

Пройдет время после моего отъезда из Ашхабада, вернусь в Беларусь — и у одной из минских почитательниц поэзии я выпрошу на время другой русскоязычный сборник К. Курбанмурадова «Нет у любви определенья». Кстати, тоже с автографом. Какабай приезжал в Беларусь, был здесь, вероятно, в 1989 или 1990 году… Впечатления ясности, солнечности и вместе с тем твердости, рельефности поэтической строки, сложившиеся еще после знакомства с «Пристрастностью», подтвердятся и при встрече с новой книгой. И даже как-то радостно станет мне от этого ощущения. Своего рода восхищение появится… В памяти о туркменском товарище, коллеге — и частое обращение столичных, московских, журналов к поэзии Какабая Курбанмурадова. Его активно печатала московская «Юность»…

Впечатляло в личности Какабая и то, что он живо интересовался всеми связующими культурными нитями, которых было немало в отношениях Ашхабада и вообще Туркменистана со всем остальным миром. Он хорошо знал, к примеру, тему сопричастности Сергея Есенина с Туркменистаном, был членом всесоюзной комиссии по литературному наследию В. Яна. Не жалел времени на разные конференции и другие поездки, связанные с изучением жизни и творчества легендарного исторического романиста.

Я и сейчас помню его статную, вытянутую фигуру. И очень часто читаю на память — в минуты трудные и непростые — его яркие, наполненные красками, убедительные, бередящие душу и сердце стихотворения. Особенно — стихотворения о любви. Интимная лирика Какабая Курбанмурадова мне кажется наиболее удачным направлением в его прекрасном творчестве.

Курбан ЧОЛИЕВ

1985—1988 годы — эти почти три года были для меня в Ашхабаде периодом знакомств, открытий, периодом осмысления, что же собой представляла туркменская национальная литература. Признаюсь честно, приехав в Ашхабад, я знал разве что имя Берды Кербабаева, бегло по программе высшей школы познакомившись с «Решающим шагом» …

И как у меня широко открылись глаза, когда в книжных магазинах, киосках «Союзпечати» я увидел обложки книг ашхабадских и московских издательств, представляющих десятки (!) имен… Шли месяцы — и я как губка впитывал новые страницы туркменской художественной памяти. Во многом этому способствовали и личные знакомства. Ата Атаджанов, Валентин Рыбин, Нарклыч Ходжагельдыев, Василий Шаталов, Чары Маталов, Альберт Поляковский, Ашир Назаров, Амандурды Джанмурадов…

Познакомился я и с Курбаном Чолиевым. Тогда — главным редактором издательства «Туркменистан». Почти одновременно со знакомством с его книгой стихотворений на белорусском языке. Переводчица — Любовь Филимонова. Кажется, с этой книгой я и пришел в кабинет к туркменскому поэту, литературоведу, кандидату филологических наук…

В середине 1980-х, на мой взгляд, был своего рода всплеск в детской литературе Туркменистана. Окреп к тем годам талант Бабанияза Каюмова, Ягмура Пиркулиева, Нуры Байрамова, Каюма Тангрыкулиева, Анна Ковусова, Азата Рахманова. За ними подтягивались Агагельды Алланазаров, Касым Нурбадов, Комек Кулиев, Пирнепес Овезлиев… Атмосферу своего рода взлета детской литературы создавали, в первую очередь, детские журналы — «Пионер» во главе с Азатом Рахмановым и «Корпе», которым руководил Каюм Тангрыкулиев. И книги литературно-критические, посвященные исключительно детской литературе, стали появляться. Каюм Тангрыкулиев написал очерк «Туркменская детская литература», вышедший в Москве. А О. Кузьмин и В. Пу подготовили и издали два замечательных сборника — «Подросток смотрит в мир» и «Об авторах ваших книг».

Так что к Курбану Чолиеву я пришел с пониманием того, что иду к человеку, много и плодотворно работающему в детской литературе. Встречались с поэтом, литературоведом и в издательстве, и в разных редакциях, и у него дома. Помню приезд в Ашхабад белорусского поэта Алеся Емельянова. Он как консультант Союза писателей Белорусской ССР привез в Туркменистан рукопись антологии белорусской детской литературы для перевода на туркменский. И конечно же, ему хотелось познакомиться с коллегами из другой республики в простой, непринужденной обстановке. Так я привел Алеся к Курбану Чолиеву. Был тогда у него дома и Дангатар Бердыев — известный переводчик, тоже, кстати, в то время работавший в издательстве «Туркменистан». Гостеприимный хозяин стол накрыл в своем домашнем кабинете. Меня это порадовало и по той причине, что была возможность познакомиться с библиотекой туркменского писателя.

И из той домашней встречи, и из других разговоров запомнилось трепетное отношение Курбана Чолиева к народному творчеству, фольклору. Складывалось убеждение, что свой разговор с юным читателем поэт строит на основе глубокого знания традиций, народных обычаев. Мне эти разговоры, это понимание были интересны еще и потому, что тоже постепенно подступал к освоению своих тем в прозе, адресованной юному читателю. Тогда я работал над детской повестью «Письмо брату». Да, она была о современности, о солдатской службе. Но издавать я собирался ее в Ашхабаде. А значит — должен был понимать, что юноши, идущие на службу из Ашхабада, их младшие братья, ждущие весточек в Марах, Теджене или Кизыл-Арвате, отличаются от парней и подростков из Беларуси или Укра-

ины. И не понимать этого — значит, вести поверхностный диалог с читателем.

Еще одна черта запомнилась мне из разговоров, встреч с Курбаном Чолиевым: поэт удивлял своей последовательностью во внимании к конкретике, своеобразной художественной рельефности. Наверное, поэтому неслучайно, что и сегодня в переводе на русский язык его стихотворение «Шоферы» цитируется во множестве сборников, используется как стихотворный материал на уроках по профориентации.

В свое время книги Курбана Чолиева «Весна в пустыне», «Дальние звезды», «Джерен и Бахар», «Синие узоры», «Спасибо, солнце!», другие его сборники были мною буквально зачитаны. И сейчас, вспоминая стихотворения моего доброго туркменского друга в переводах на русский язык замечательного детского поэта Игоря Мазнина, вспоминая яркие рисунки на обложках (в том числе — и замечательного книжного графика Владимира Степанова), я думаю о том, что следовало бы переиздать детскую поэзию Курбана Чолиева хорошим отдельным томом. Поверьте, это было бы только на пользу юным читателям и их родителям и в нашей стране, и во многих других странах. Поэзия Курбана Чолиева — это еще для меня и набор туркменских национальных архетипов, национальных символов. По его стихотворениям можно изучать туркменскую национальную жизнь, хотя и написаны они были не в самые лучшие для художественного воплощения национальных идей десятилетия.

Каюм ТАНГРЫКУЛИЕВ

Имя Каюма Тангрыкулиева уже в те, 1980-е годы, когда я жил в Туркменистане, Ашхабаде, было достаточно известно во всех слоях туркменского общества. Первую книгу — «Золотой альчик» — детский писатель издал в 1956 году. С того времени он печатался не только в Ашхабаде, но и в Москве в переводе на русский язык: в издательствах «Детская литература», «Малыш», «Радуга», «Молодая гвардия», «Музыка» — одна за другой выходили его книги. В 1971 году ему была присуждена Государственная премия Туркменской ССР имени Махтумкули — за книгу «Дутар поет о счастье».

И мне по разным делам и просто так, случайно, довелось не единожды встречаться с народным поэтом Туркменистана Каюмом Тангрыкулиевым. И в редакции детского журнала «Корпе» («Малыш»), и в издательстве «Магарыф», которое наряду с выпуском учебников занималось изданием книг для юных читателей. Тогда в «Магарыфе», которым руководил Нарклыч Атаев, работали такие писатели, как Касым Нурбадов, Курбаннияз Дашкынов… И как только Каюм-ага появлялся в издательстве, как-то так получалось, что все редакторы, писатели собирались вокруг него.

Встречались с Каюмом Тангрыкулиевым мы и в Союзе писателей Туркменской ССР, чаще — случайно. Я приходил туда в редакции журналов «Ашхабад» и «Совет эдебияты». Каюм-ага, вероятно, чаще заглядывал к руководству Союза…

Высокий, статный человек, которому еще не было и шестидесяти, притягивал к себе, невольно заставлял слушать себя… Хотя, как помнится лично мне, Каюм-ага был не очень и разговорчивым. Эта черта, пожалуй, свойственна всем трудоголикам, тем, кто настроен на активную, многоплановую работу. А масштабы написанного Каюмом Тангрыкулиевым для юного читателя, для молодежи, для взрослого читателя, масштабы переведенных им произведений — все это не могло не впечатлять, не могло не удивлять… Всего в Туркменистане и других странах мира издано около 200 книг Каюма Тангрыкулиева. Общий тираж составляет около 30 миллионов экземпляров.

Десятки книг на туркменском, русском и других языках, множество публикаций в литературно-художественной периодике, общественно-политических массовых изданиях…

Он — автор учебника по туркменской детской литературе. Написал шесть монографий, более 100 статей, посвященных детской литературе. Я старался следить буквально за всеми его публикациями. Не зная туркменского языка, расспрашивал у знакомых туркменских писателей о том, что же главное хотел сказать Каюм-ага в той или другой публикации. Случалось — расспрашивал об этом и у самого Каюма Тангрыкулиева.

Конечно же, меня интересовала связь туркменского поэта, туркменского переводчика, туркменского литературоведа и критика с белорусскими коллегами. Оказалось, что Каюм-ага был знаком с Евдокией Лось, Валентином Лукшей, Василем Виткой, Владимиром Липским… Все это были знакомства разного уровня. И тем не менее каждая из встреч, каждое из этих имен рельефно возникали в моих представлениях. Как будто я тогда, в 1980-е, был знаком с этими белорусскими литераторами… Но это не так. Евдокия Лось к тому времени уже умерла. Но осталось стихотворение, которое она посвятила трем туркменским поэтам — Берды Кербабаеву, Тоушан Эсеновой, Каюму Тангрыкулиеву. Василя Витку я через много лет только единожды услышу по телефону. А с Владимиром Степановичем Липским и Валентином Антоновичем Лукшей познакомлюсь гораздо позже, после 1990—1991 годов. Каюм очень тепло и душевно отзывался о своих белорусских коллегах. Интересовался у меня, что они издали в последнеее время. Я выписывал в Туркменистане белорусскую газету «Літаратура і мастацтва» — и соответственно, был в курсе всех новостей в белорусском литературном и книгоиздательском процессах. Когда я уезжал из Ашхабада в отпуск в Беларусь, поэт просил передать своим друзьям привет. Очень взволнован был Каюм-ага после поездки в Беларусь на очередной съезд Союза писателей Белорусской ССР.

Состоялась эта поездка в мае 1986 года, вскоре после аварии на Чернобыльской атомной электростанции, принесшей много бед жителям Беларуси. Тогда поэт побывал и в Хатыни, на Логойской земле. Сопровождал его белорусский детский писатель Владимир Степанович Липский. Им, конечно же, было о чем поговорить. Владимир Степанович, начиная с 1978 года, редактировал белорусскую «Вясёлку», адресованную младшим школьникам. И конечно же, им, белорусскому и туркменскому редакторам, хотелось побольше узнать об особенностях работы в разных республиках. Итогом поездки Каюма Тангрыкулиева в Хатынь, его знакомства с драматической историей простой деревеньки на Минщине в годы Великой Отечественной войны стало стихотворение «Самый известный в мире аул». Да, для туркмена нет роднее на свете другого селения, чем аул. Его деревня, его село, его местечко — это аул, самый лучший в мире уголок для жизни, любви, для осмысления самых сокровенных тайн души и сердца. Так и Хатынь стала родным, самым близким в мире аулом для туркменского поэта… О Хатыни написали многие поэты мира — таджик Саидали Мамур, туркмен Пирнепес Овезлиев, азербайджанец Чингиз Али оглу… И среди них останется и след народного поэта Туркменистана Каюма Тангрыкулиева. Кстати, на белорусский язык его стихотворение о Хатыни перевел народный поэт Беларуси Рыгор Бородулин. Произведение было опубликовано в альманахе «Братэрства».

В Минске в разные годы вышли в свет две книги Каюма Тангрыкулиева на белорусском языке. Думаю, что это не последние обращения белорусских переводчиков к творчеству замечательного детского писателя Туркменистана.

…Последняя наша встреча с Каюмом Тангрыкулиевым состоялась в 2009 году. Я приехал в Ашхабад после многолетнего перерыва, через 21 год после того как расстался с первой частью своей туркменской биографии. Тогда в Туркменистане проходила очередная книжная выставка. Вместе с туркменскими писателями белорусы

(а были в той поездке поэт, прозаик, литературный критик, переводчик Алесь Бадак, детская писательница, литературный критик Алена Масло) провели «круглый стол» по вопросам развития белорусско-туркменских литературных, культурных связей. Пришел на этот «круглый стол» и народный поэт Туркменистана Каюм Тангрыкулиев. Была у нас небольшая беседа и потом. Рядом стояли Агагельды Алланазаров, Касым Нурбадов, кто-то еще. И Каюм-ага вспомнил о нашей давней переписке, когда я только что покинул в 1988 году Ашхабад, Туркменистан. Дорогой для меня оказалась фраза Каюма Тангрыкулиева: «А я храню твои письма… — И после некоторой паузы добавил: — Готовлю десятитомное собрание сочинений… Будет в последнем томе и наша переписка…» Такие слова дорогого стоят. Они и сегодня у меня в памяти, как свидетельство добрых контактов с туркменским поэтом.

Ашир НАЗАРОВ

Среди хорошо знакомых мне туркменских писателей был и прозаик Ашир Назаров… Фронтовик, военный журналист, он тогда, в середине 1980-х годов, работал в Союзе писателей Туркменской ССР.

Всегда аккуратный, подтянутый, он производил впечатление человека, у которого за плечами — офицерская служба. Так потом и оказалось… Когда мы познакомились, Ашир-ага немало рассказывал о фронтовых годах, о том, как уже после Великой Отечественной, в 1940-е годы, служил в газете Туркестанского военного округа «Фрунзевец»….

А в одну из наших с ним встреч Ашир Назаров подарил мне свою книгу, вышедшую в Москве в издательстве «Советский писатель» — сборник, состоящий из повести, рассказов и очерков «Солнечный свет». И тогда, в середине 1980-х, и потом, в последующие годы, не единожды я снова и снова читал и перечитывал повесть, рассказы Ашира Назарова. Бесхитростные, наполненные богатым документальным материалом о человеке на войне, о том, как война потом остается в сердцах, сознании людей, эти повествования притягивали и притягивают. Они сродни самым правдивым документам времени.

Рассказы, очерки написаны участником Великой Отечественной… Книгу я, конечно же, внимательно прочитал и тогда, и потом, спустя годы. Отдельные рассказы перечитывал не единожды. Впечатляло и продолжает впечатлять сегодня то, что Ашир Назаров не просто драматические, богатые документальным материалом сюжеты выбирал за основу. Он старался показать портрет времени через призму обычного человеческого восприятия войны и ее последствий. В рассказах и героизм присутствует… Но более важное в них — другое: душевные, внутренние переживания героев.

Может быть, поэтому его давние рассказы и теперь читаются как самые большие и бесхитростные откровения? Рассказы о солдате-герое, который растерялся перед мирной жизнью и стал пьяницей. О женщине, которая в мужья выбрала слепого фронтовика. И семья у них получилась такая, что лучше и не придумаешь. О юном подростке Миколе, мальчишке из сожженной деревни, мальчишке, который следом за партизанами идет на фронт, — ему ведь надо отомстить за свою мамку… В «Солнечном свете» — и повествования о первом туркменском генерале Якубе Кулиеве, первом Герое Советского Союза из туркмен Курбане Дурды…

Конечно же, при встречах с Аширом Назаровым мы много разговаривали о военной литературе, советской прозе на тему Великой Отечественной. О писателях-фронтовиках — коллегах моего старшего товарища по Союзу писателей Туркменистана. О Чары Аширове, Сейитниязе Атаеве, Аннакули Мамедкулиеве… Мы разговаривали об их новых книгах, а также о том, что пишут белорусские писатели-фронтовики, писатели-партизаны. Я в те годы переписывался с народными поэтами

Беларуси Максимом Танком, Пименом Панченко, прозаиком Аркадием Мартиновичем, критиком, литературоведом, автором «Партизанской дилогии» Алесем Адамовичем… У каждого из них была своя война… И конечно же, рассказывал об этом Аширу Назарову. Аркадий Мартинович, автор романа «Не теряй следов своих», во время Великой Отечественной войны, к примеру, какое-то время после ранения находился в тыловой части неподалеку от Ашхабада. И я о нем особенно подробно рассказывал туркменскому писателю. Удивлял по-доброму интерес Ашира Назарова к деталям, к чужой памяти о войне. Наверное, в нем всегда говорил внутренний писательский голос: «А что из нашей, фронтовиков, прямых свидетелей самых трагических событий, их участников, что из нашей памяти может стать предметом для осмысления — ради того, чтобы будущие поколения запомнили нашу войну?..»

И со стороны Ашира Назарова ко мне всегда был интерес. Он при каждой встрече расспрашивал, где и что я напечатал. Если видел мои публикации в каких-то изданиях — обязательно делился своими впечатлениями. Разговор наш всегда носил доброжелательный, деликатный характер. Хотя, конечно же, замечаний могло быть высказано и немало. Я ведь только начинал свою журналистскую, литературную работу. Но Ашир-ага был чутким педагогом, остро понимал, наверное, что и мне непросто жить вдалеке от родного дома… Вот эти чуткость, доброе расположение писателя-фронтовика и запомнились больше всего. По таким людям, как фронтовик Ашир Назаров, я и сегодня сужу о Туркменистане, его народе. Благодаря таким людям, как Ашир Назаров, я оставил в своем сердце Туркменистан, народ Туркменистана. И буду жить все оставшиеся мне годы с ощущением благодарности туркменскому краю и сопричастности к его людям из разных поколений.

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ

Из почты журнала

Минск в сердце моем

…Он ворвался в мое сердце и сознание в ту, теперь уже почти архивную пору, когда я только начал второй десяток своей жизни. Удивленными, широко распахнутыми детскими глазами я смотрел, как буквально из руин (а порой из пепелищ) поднимается, вырастает, строится новый город…

…И казалось, что скрип кранов, звуки и шум подъезжающих и отъезжающих машин, стук топоров и отбойных молотков, заполонивших пространство с Юго-Запада (от площади, где стояло великое творение И. Лангбарда — спасенный в последнюю минуту оккупации Дом правительства) на Северо-Восток (где шоссе поворачивало в сторону Москвы) и с Запада (с улицы Опанского и Юбилейного рынка) на Восток в точном смысле слова — в сторону Могилева (где строился гигант промышленности — Минский автомобильный) — слышен на всю огромную страну. И то сказать, без помощи этой мощной страны, уже тогда, после страшной и опустошительной Второй мировой, примеривавшей на себя одеяние супердержавы, никогда, тем более в такие кратчайшие сроки, не восстал бы как Феникс из пепла, — этот ослепительно новый Минск, подлинно и окончательно утвердившаяся столица земли белорусской.

* * *

В брезжущем сне
Вдруг ясно увидел
Твои силуэты, Минск!

…Но выяснилось, что Минск неоднократно в своей истории, исчезал — казалось, навсегда, но потом возрождался вновь. И сама история его — 950 лет назад, началась официально с хроники знаменитой битвы на Немиге. Именно тогда, в 1067 году, как свидетельствует летопись, небольшой город, размещенный на реке Менке, притоке Птичи, на границе славного Полоцкого княжества подвергся нападению объединенного войска трех киевских князей — Ярославичей (Изяслава, Святослава, Всеволода). «И подошли к Менску и меняне затворились в городе. Братья же взяли Менск и перебили всех мужчин, а женщин и детей захватили с собой как военную добычу и пошли к Немиге, и Всеслав пошел к ним навстречу». Выясняется, что Менск был расположен примерно в 15 километрах юго-западнее нынешней белорусской столицы, а при впадении небольшой речки Немиги в реку Свислочь существовал и другой населенный пункт — Немига. Именно здесь объединенное войско южнорусских князей сошлось в бою с войском хитроумного и талантливого полоцкого князя Всеслава (прозванного Чародеем) — правнуком легендарной Рогнеды. «…И был бой жестокий, и много людей пало, и одолели Изяслав, Святослав, Всеволод; Всеслав же обратился в бегство».

Вот она — точка отсчета — 3 марта 1067 года, когда, по свидетельству другого великого памятника древнерусской культуры — «Слова о полку Игореве», — «Немиги кровавые берега» были засеяны «костями русских сынов».

* * *

Здесь кровь сынов «руських»
Взывает к жизни…
О, любимый Мѣнескъ

Долго, очень долго эхо битвы на Немиге отзывалось в памяти людей, живших на протобелорусской земле. И отзывается даже сейчас, через девять с половиной столетий.

* * *

Отдается громом в душе
Звон той далекой битвы…
Что кровью взошла над Немигой.

Однако, когда новая беда обрушилась на жителей Менеска и Владимир Мономах в ходе своего похода на Полоцк сжег его дотла, не оставив «ни челядина, ни скотины», небольшая часть жителей, оставшаяся в живых, переселилась в ближайшее поселение — Немигу, и сохранило свое название для этого нового города.

Да и в дальнейшем, многократно, будущая столица Беларуси страдала от разрушений неприятелей, пожаров, эпидемий.

* * *

Сквозь тьму столетий
Мнятся мне
Силуэты града…

Конечно, города, как и люди, не всегда находятся на свету. Минск — не исключение. История свидетельствует: в начале XII века Менск снова поднимается, становится центром удельного княжества, и имя наиболее удачливого из минских князей — Глеба Всеславича, навсегда сохраняет история.

* * *

О, как светило солнце
Над твоим стольным градом,
О, мудрый Глеб…

Однако, за взлетом, как водится, следует спуск. Минск с XIII века упоминается в летописях мимоходом, как владение литовских князей. Так, известный белорусский поэт Владислав Сырокомля утверждает, что, согласно летописи, в 1220-х годах Минск принадлежал к владениям Эрдивила, племянника создателя Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского Миндовга. А в 1387 году Минск, находящийся на «русской» стороне Великого Княжества Литовского с «людьми и доходами», отдан во владение князя Скиргайло; в 1392 году со всеми областями Трокского княжества и множеством белорусских городов центрального региона стал владением великого князя Витовта.

С начала XV века Минск считается в структуре Виленского воеводства, со второй половины того же века становится центром регионального управления (повета), что свидетельствовало об очередном возрождении древнего города. Великие литовское князья Казимир, а затем Александр Ягеллончики с 40-х годов XV века наделяли город привилегиями, конечным итогом стало дарование в 1499 году Магдебургского права.

* * *

Несется с ратуши звон…
Как символ свободы.
Пронзает века…

История доносит до нас сведения, что минчане любили свою Ратушу, гордились ею…

Вероятно, это и стало причиной того, что уже в XIX веке в 1851 году император Николай I подписал указ об уничтожении вековечного символа минских вольностей. Но показательно, что объявленный подряд на снос Ратуши остался нереализованным — никто из минчан на торги не явился… Символ города вынуждены были сносить военные…

В конце XVI века король и великий князь Сигизмунд III даровали Минску собственный герб: восшествие Божьей Матери Марии на фоне голубого поля.

И думается, этот герб может считаться символом всей белорусской земли с ее основополагающими чертами: доброжелательностью, мягкостью, душевной добротой и толерантностью.

* * *

Не раз ты сгорал дотла,
Но лик Марии
Возрождал тебя вновь!..

И в самом деле, начиная с 1505 года, когда Минск был едва ли не до основания разрушен крымскими татарами, и вплоть до кровавого столетия (середина XVII до 30-х годов XVIII века), когда Минск подвергался опустошительным набегам — начиная от осады украинскими казаками в 1648 году, ограбления польскими войсками в 1649 году, опустошения войсками московского воеводы Хворостина в 1655 году. А во время Северной войны 1700—1721 годов вынужден был платить огромные контрибуции то российским, то шведским войскам, подступавшим под его стены…

* * *

На вечной меже
Город мой —
Контраст полусвета…

Многократно разрушаемый, многократно разграбленный, переживший целую череду эпидемий, этот город может по праву считаться центром экуменизма в Европе.

Первые культовые здания появились в Минске еще в XI веке. Самыми древними из них были Святодуховский мужской и Святодуховский женский монастыри, к XV веку в городе насчитывалось тринадцать церквей.

Первый католический костел был основан в Минске в 1390 году. В эпоху Реформации великий канцлер Николай Черный основал в Минске протестантский (кальвинистский) храм. После 1596 года после Брестской церковной унии появилась униатская церковь Святого Духа, а с 1630-х годов (уже на волне контрреформации) количество костелов резко увеличивается, ибо каждый католический монашеский орден строил в городе свой храм — бернардинцы, доминиканцы, бенедиктинцы. В 1682 году иезуиты основали в Минске свой коллегиум. И все это разнообразие (кроме всего прочего, в городе появились мечеть и синагога) столетиями было в тесном контакте (не всегда, правда, дружественном, поскольку в те или иные периоды государственной поддержкой пользовались то католики, то православные), и это тоже увеличивало настоенную на извечном белорусском миролюбии степень толерантности предков жителей будущей белорусской столицы…

Так или иначе, к XVII веку кардинально изменился и центр города. Верхний и Нижний, его составляющие: Верхний — элитный, где князья и бояре, церкви и высшее духовенство, нижний — где торговые ряды, купцы и ремесленники, снующие горожане; постепенно уходила из памяти и сознания та панорама, что так была обычна для древнерусского города.

* * *

Верхний град,
И торговый ряд внизу…
Древнерусский пейзаж…

Теперь это был «литвинский» город, город народившегося уже белорусского этноса. Хотя, как уже говорилось выше, в нем жили люди, принадлежавшие к разным этническим сообществам…

Кстати, в этот момент он получил свое новое, закрепившееся уже в столетиях, имя. Вероятно, это случилось после Люблинской унии (1569 год), когда появилась на географической карте Европы Речь Посполитая, а место бывшей столицы Короны — Кракова, заняла новая столица — Варшава.

В одной из советских энциклопедий довелось прочитать, что название «Минск», сложилось под влиянием украинского языка. На мой взгляд, скорее под влиянием польского. Как бы то ни было, «Мінск—Minsk» с характерным белорусским «і» куда больше отвечает «почве и судьбе» (по выражению выдающегося поэта), чем старинное, древнерусское «Менск»…

В XVIII веке (особенно во второй половине) город залечивал раны, все

более приобретая европейский вид. В нем появляется множество каменных зданий, в том числе в таком тонком барочном стиле.

* * *

Барочный изгиб…
Укрепил память…
О, XVIII век.

В 1793 году Минск начинает новый виток своей истории. После 2-го раздела Речи Посполитой Минск становится центром одной из 4-х белорусских губерний. В 1797 году, согласно Большому белорусскому энциклопедическому словарю, в нем было 5797 жителей, около 1000 домов.

* * *

А когда-то
Здесь тихо текла
Губернская жизнь…

А потом была новая яркая вспышка истории. Наполеон Бонапарт при своем вторжении в 1812 году пообещал восстановить Великое Княжество Литовское, и большая часть минской шляхты поверила этим обещаниям…

Но после очередной опустошительной войны Минск в очередной раз продемонстрировал свою тягу к возрождению и развитию на новом уровне…

Известный поэт Владислав Сырокомля, написавший объемный очерк «Мінск», отмечал, что население города в 1856 году составляло почти 24 тысячи человек… «Из этого количества — по классовому разделу — шляхты мужского пола — 291, женского — 392. Мещан мужского пола — 10091, женского — 9170. Чиновников — 178. Военных — 1681. Духовенства: православного, белого — 20, монахов — 2; римско-католического мужского — 52, монашек — 16; лютеранского — 1, магометанского — 1 человек. По вероисповеданию: православного муж. — 1868, жен. — 1679; католиков муж. — 4215, жен. — 3196; лютеран. муж. — 18, жен. — 20; магометан муж. — 150, жен. — 133, иудейск. муж. — 7200, жен. — 6673. Все это население живет в 1442 домах, из которых к государственным относятся 16 кирпичных и 15 из дерева, к частным — 333 кирпичных и 1078 деревянных…»

* * *

Шляхетный сверху —
Мужицкий снизу…
Вот он, город сердца моего…

«Внутренний вид города выделяется аккуратностью и порядком. Улицы широкие и прямые, дома не стиснутые, воздух чист… Стены и бревна домов, окрашенные в белое, выглядят лучше, чем в Вильно… На улицах нет суеты, ибо всем тут просторно, а здания наиболее важного значения не заслоняются соседними и выступают во всей своей величине. Впрочем, Минск и до этого времени менее чем наполовину каменный…»

К концу XIX века население Минска выросло почти в четыре раза и достигло 100-тысячной отметки (в 1913 г. — 106,7 тыс.), площадь выросла почти в 10 раз.

Вероятно, наиболее мощный толчок развитию города дала железная дорога. Именно здесь сказалось географическое, центровое расположение города. В начале 70-х годов через город были проложены две железнодорожные магистрали Московско-Варшавская и Либаво-Роменская. И ожила, стала даже конкурировать со знаменитой Нижегородской, Минская контрактовая ярмарка, куда товары свозились и с Запада, и с Востока…

* * *

Вечно стоишь на Юру.
Открытый всем ветрам,
Город родной мой!

Но не только экономическим ростом отличился Минск в это время. В центре города был построен городской театр, рядом, в Александровском саду, в 1874 году появился оригинальный памятник скульптуры — небольшой фонтан — «Мальчик и Лебедь».

* * *

Мальчик и Лебедь,
Этот фонтан источает
Слезы, радость и скорбь…

Не был Минск в стороне и от бурных социальных событий времени — в начале марта 1898 года в нем состоялся первый съезд Российской социал-демократической рабочей партии… Это событие стало символом нарастающего революционного движения, которое привело, в конечном итоге, в 1917 к кардинальному изменению картины мира.

…И вот начался XX век, который многие (не только поэты!) наделили эпитетом «кровавый».

* * *

Красный костел,
Как напоминание
О начале страшного века!

Революция 1905—1907 годов во многом изменила картину бытия белорусского этноса. Белорусский народ добился права (хотя и ограниченного) издавать на родном языке газеты «Наша доля», «Наша ніва», журналы «Лучынка», «Маладая Беларусь». «Наша ніва», ведомая классиками белорусской литературы — Я. Купалой, Я. Коласом, М. Богдановичем, А. Пашкевич, З. Бядулей, М. Горецким и целой когортой выдающихся деятелей белорусской культуры — А. Луцкевичем, В. Ластовским, Ядвигиным Ш. и др., — способствовала поднятию национального самосознания, превращению белорусского этноса в нацию.

Минск, разумеется, не оставался в стороне от этих бурных событий. Знаменитый курловский расстрел двадцатитысячного митинга в октябре 1905 года, закончившийся покушением эсера И. Пулихова на губернатора П. Курлова, — лишь одно из свидетельств социального напряжения в крупнейшем городе Беларуси того времени. Этот факт сам по себе интересен. Минск до этого никогда не мог сравняться со столицами земли белорусской. Он уступал и Полоцку, и Новогрудку, не говоря уже о Вильно. Более того, в XVIII — начале XIX в. он уступал и Витебску, и Могилеву, равнялся с Гродно.

Но XX век кардинально изменил ситуацию.

Уже Первую мировую войну он встречает крупнейшим белорусским городом, уступая только Вильно.

В конце 1915 года Минск становится прифронтовым городом. В октябре 1917-го власть в городе захватывают большевики.

А далее — калейдоскоп событий, так точно отраженных гениальным Янкой Купалой в его знаменитой пьесе «Тутэйшыя». В феврале 1918 года в городе появляются войска Кайзеровской Германии, 25 марта 1918 года объявляется создание Белорусской Народной Республики (БНР), в декабре 1918 года в Минске вновь большевики (1 января 1919-го в Смоленске в это время объявляется о создании БССР), однако в августе 1919 года в Минске уже польские войска, в июле 1920-го в городе опять большевики, в сентябре 1920-го — вновь поляки, но в конце того же сентября окончательно устанавливается советская власть — уже на почти три четверти столетия.

Все это время, сначала робко, потом все более уверенно, Минск утверждался как полноправная белорусская столица. Начался бурный рост города во всех направлениях.

В городе были построены уникальные здания (особенно выделялись творения ленинградско-белорусского зодчего И. Лангбарда — Дом правительства, Дом офицеров, Театр оперы и балета, главное здание Академии наук), но что не менее важно — Минск становился центром культуры: в 1921 году открылся Белорусский государственный университет, в 1929-м. Инбелкульт трансформировался в Академию наук БССР, открылось несколько государственных театров — Большой театр оперы и балета, БДТ-1 (ныне Академический театр им. Я. Купалы), впоследствии и Республиканский ТЮЗ, переехала из Ленинграда

и закрепилась в Минске киностудия «Беларусьфильм».

Все это весьма значимо и в плане развития советской культуры — не стоит забывать, что в 40 км от Минска была советско-польская граница (поэтому в начале 30-х годов довольно актуальным был вопрос о переносе столицы БССР в Могилев), а столица была локомотивом развития культуры в Беларуси (в том числе и для Западной Беларуси, «вырванной» из белорусской земли Рижским договором 1921 года). Конечно, нельзя забывать, что предвоенные годы были (кроме трудового энтузиазма и стремительной индустриализации) еще и годами, когда осуществлялись сталинские репрессии (и проблема Куропат — крупнейшего захоронения жертв этих репрессий, и поныне волнует белорусскую общественность).

У меня сохранился книжный раритет — «Политический словарь», изданный госполитиздатом в 1940 году. «Минск, — значится там, — столица Белорусской ССР, расположен на реке Свислочи; 238,8 тыс. жителей. За годы Советской власти Минск превратился из захолустного городка в мощный промышленный и культурный центр… В Минске 11 вузов, 15 техникумов, 26 научно-исследовательских институтов, Белорусская Академия наук, 5 театров».

* * *

Тихий внешне,
Клокочущий внутри,
Таков ты, мой Минск.

Далее трагическая страница в истории города. Великая Отечественная… Город, несмотря на отчаянное сопротивление всего белорусского народа (прежде всего — героев Брестской крепости), был захвачен врагом уже через неделю после начала войны…

Оккупанты превратили столицу в гигантский концлагерь. Здесь было создано огромное еврейское гетто (едва ли не самое большое в Европе — 100 тыс. узников), здесь в пригородах функционировали лагеря смерти (особенно страшный в Тростенце, где ныне сооружен уникальный скульптурный памятник). За три года оккупации фашисты уничтожили в Минске и его окрестностях около 400 тыс. человек, в самом Минске население уменьшилось с четверти миллиона до 40 тысяч. Но во время оккупации в городе активно действовали подпольщики (едва ли не 10 тысяч человек). Именно благодаря их подвигам в 1974 году Минску было присвоено почетное звание «Город-Герой».

...Во время этой смертоносной бури город был разрушен почти на 80 %. И в славный день 3 июля 1944 приветствовать освободителей смогла только 1/6 часть жителей довоенной столицы…

…Но перенесемся в начало 50-х… В самом начале моего повествования я уже говорил, какое на меня (тогда ребенка) неотразимое впечатление оказал Минск послевоенный.

Это был новый виток в возрождении древнего города. Вся страна помогала белорусской столице. И не только в возведении промышленных гигантов — тракторного и автомобильного заводов. В Минск устремились ученые и творческая интеллигенция опять-таки со всей огромной страны — и это тоже впоследствии сказалось на десятилетия.

В 1959 году в белорусской столице насчитывалось 509.5 тысяч жителей… И как мне ныне кажется, это был концентрат духовности и культуры…

…А десятилетием позже обнажился знаменитый «минский феномен», над разгадкой которого до сих пор колдуют дипломированные демографы, — почему и каким образом город прибавляет каждый год почти по 35 тысяч, прирост, почти равный киевскому?..

Помнится, этим вопросом я задавался в статье «Древний и вечно юный», опубликованной в «Московском комсомольце» 27 мая 1967 года. Статья посвящалась 900-летию родного города. Помнится, было тогда автору нелегко — он поступал в аспирантуру философского факультета МГУ, и все оценки за кандидатские экзамены в Минске ему отменили, заставив сдавать

«по новой» с аспирантами МГУ; и дыхание родного города (хоть и отдаленное!) так согревало. И мне удалось во многом расширить представление москвичей (сужу по многочисленным откликам-конвертам в редакцию) о белорусской столице. Связующей главной нитью в статье стала устремленность обновившегося белорусского центра вперед, в новый виток развития. Из многовековой древности — в будущее.

И думаю, что я, белорусский эстетик, не отступил от истины, когда в конце статьи писал: «…ритм жизни моего города, вступающего в новое, свое десятое столетие, пронизан молодостью. И может быть, это дороже всего, ведь красота и молодость неразлучны во веки веков».

* * *

Эта смена лет…
И символов града —
Бесконечный процесс.

Промелькнули вдохновенные 60-е, собиравшие стадионы на выступлениях поэтов…

В 70-е, ныне считающиеся истоком брежневского «застоя», я вернулся в родной город. Он уже был «миллионером» и получил (хоть и запоздало!) звание «Город-Герой».

В 80-е развитие еще более усилилось. Его наглядным примером выступает сооружение Минского метро. Никогда не забуду июньский день 1984 года, когда вошла в строй 1-я очередь метрополитена. Этот день «приближали как могли» почти все минчане. Автор — уже доцент Белорусского политехнического института — работал вместе с товарищами на облицовке стен станции «Площадь Якуба Коласа», ему в подарок достался кусок облицовочной плитки…

* * *

И подземный гул
Ныне заглушает всплеск
Стародавней Немиги.

…Не хочется вспоминать о «лихих 90-х», о геополитическом коллапсе. Но во всяком действии угадывается и другая сторона «медали» — в результате всех превращений возродилась Республика Беларусь. И постепенно стала оживать, и двигаться вперед, как и ее столица.

…Ныне Минск насчитывает почти 2 млн. жителей. Он больше Вены, Праги, Варшавы, Амстердама…

«…В нем 30 ВУЗов, 17 музеев 10 театров, 4 Ледовых дворца, 21 стадион, 208 плавательных бассейнов, филармония, цирк, зоопарк, больше 20 памятников архитектуры (по Большому белорусскому энциклопедическому словарю, Мн., 2011 год).

Изменились и символы города. В 50-х в этом «реестре» выступали памятник на Площади Победы (минчане окрестили ее «Круглой») и две вокзальные башни напротив железнодорожного вокзала. Помнится, как потрясли меня, уже юношу, эти башни — ворота в город, при вторичном возвращении в него — в 1956 году.

* * *

О, две сакральные башни,
Ворота в Минск,
Что открылись полвека назад…

Ныне у города другие символы. Еще недавно в этом качестве выступала Национальная библиотека. «Алмаз», так чудно светящийся ночью, перед которым застыла в порыве фигура белорусского апостола духовности — великого Франциска Скорины.

Теперь, повторюсь, иные символы — обелиск перед музеем Великой Отечественной войны, фиксирующий вековечный для памяти нашего народа День Победы.

* * *

День Победы…
Без парадов, шума
Бьет прибоем в сердце…

И, наконец, новый Дворец Независимости с площадью Государственного флага…

Опять возвращаюсь к 50-м, годам моего детства…

* * *

Здесь, на асфальте,
Меж пятиэтажек…
Прошла юность моя…

Ныне, больше полстолетия спустя, все так изменилось — климат, дома, люди…

И перемешиваются в памяти годы, силуэты зданий, лица…

* * *

Братаются во мгле
Купол храма и небоскреб…
Вверх устремляется взор…

Вот эти лица, эти люди, которые полвека украшали город своим трудом, своими действиями и своими мыслями…

И именно их существование и их свершения рождают уверенность в неизбывном стремлении белорусской столицы вперед и ввысь.

Особенно — «большое видится на расстоянии», — если смотреть из отдаления.

* * *

Ты весь как на ладони,
Минск… Если смотреть
Нежно — издалека.

И даже если это отдаление становится космическим фактом…

* * *

Минск из космоса
Так хрупок и нежен…
Одуванчик в ночи…

Это с фотографии, недавно присланной из космоса белорусским космонавтом Владимиром Новицким…

Но все-таки главное — это земное притяжение. Автор этих строк глубоко убежден, что притяжение Минска неизбывно для каждого, кто хотя бы год пребывал в этом городе (как говорится в народе: «проверено на себе»). Ибо где бы автор этих строк ни был в своей достаточно «разноцветной» и уже достаточно долгой жизни — на далеком юге нашей бывшей необъятной страны, где каждый проехавший МАЗовский самосвал вызывал взрыв чувств, на Ленинских (ныне вновь Воробьевых) горах, где в высотном здании МГУ автор (во время учебы в аспирантуре) мчался, чтобы купить белорусские газеты, — а вдруг там новое о родном городе?

И в начале 90-х, в Западной Германии, как жадно ловилось малейшее упоминание о «Weisrusland», о ее главном городе.

Да и ныне, стоит просто отъехать на отдых — в Прибалтику или на Черное море, — бьется в сердце каждая жилка при упоминании об этом, стоящем на всех ветрах, городе…

И то сказать: автору после аспирантуры были открыты все дороги: хоть в Африку, хоть остаться в Москве, хоть, впоследствии, в Германии. Но «минский магнит» возвращал его неизменно на берега Свислочи!..

* * *

Город мой:
Как ни верчусь —
Все дороги к тебе!

В этом есть некая тайна; до сих пор не могу понять — то ли чистота и порядок, то ли «добразычлівасць» и толерантность жителей, то ли «чудесные девичьи очи», которые отмечал уже В. Сырокомля у жительниц Минска, — все вместе тянет, притягивает как магнитом, не отпускает…

Можно ли представить большее утешение для отдельно взятого человека, который уже собирается торить дорогу в Вечность?

* * *

И в свой смертный час
Видеть хочу силуэт
Твоей башни вокзальной…

Вадим САЛЕЕВ

ПАГУТЯК (Москалец) Галина Васильевна. Родилась в 1958 г. в с. Залокоть (ныне Дрогобычский район, Львовская область, Украина). Окончила Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко. Автор восемнадцати книг прозы и эссеистики. Лауреат Национальной премии Украины имени Тараса Шевченко и др. Живет во Львове.

ГАЛЬПЕРОВИЧ Наум Яковлевич. Родился в 1948 г. в Полоцке. Окончил Витебский педагогический институт. Автор многих книг поэзии, прозы, публицистики. Лауреат ряда литературных премий, почетный гражданин Новополоцка, награжден медалью Франциска Скорины. Живет в Минске.

КРЕСС Елена Ивановна. Родилась в 1963 г. в Бобруйске. Окончила энергетический факультет Белорусского политехнического института. Прозаик. В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Минске.

МАТЮШКО Юрий Всеволодович. Родился в 1944 г. в г. Барановичи Брестской области. Окончил Витебский медицинский институт. Поэт. Автор нескольких сборников поэзии. Живет в г. Барановичи.

ЛАНДЕР Владимир Семенович. Родился в 1936 г. в г. Нерчинск Читинской области (Россия). Окончил Московский инженерно-строительный институт. Автор двухсерийного документального фильма «Індустрыя крочыць на сяло», нескольких брошюр о возрождении белорусского села, переведенных на пять европейских языков. Печатался в журнале «Нёман». Живет в Минске.

СОЛОДОВНИКОВ Антон Дмитриевич. Родился в 1995 г. в Минске. Окончил Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники. Печатался в сборнике «Маладзік», газете «СБ. Беларусь сегодня». В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Минске.

МИКУЛИЧ Борис Михайлович. Родился в 1912 г. в Бобруйске. Учился на творческом отделении Минского педагогического института по специальности журналист (ушел с 3-го курса), на литературных курсах в Москве. Автор нескольких книг прозы, изданных посмертно. Дважды был репрессирован. Умер в 1954 году.

КАПОР Момо. Родился в 1937 г. в Сараево (Босния и Герцеговина). Окончил Белградскую художественную академию. Сербский писатель и художник. Автор большого числа произведений: романов, коротких рассказов, путевых заметок, а также эссе и художественных монографий. Умер в 2010 году.

ДРАГИЧ Лабуд. Родился в 1954 г. в муниципалитете Колашин (Черногория). Окончил филологический факультет Белградского университета. Сербский писатель. Автор восьми книг прозы. Лауреат многих литературных премий Сербии. Живет в Белграде.

СИМИЧ Слободан. Родился в 1963 г. в г. Ужице (Сербия). Окончил медицинский факультет Белградского университета. Мастер афоризма и сатиры. Автор десяти книг прозы. Лауреат премии «Радое Доманович» Союза писателей Сербии. Живет в Белграде.